ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
ПЕПЕЛ БОГОВ
СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ
ЮДОЛЬ

Сергей Малицкий

Юдоль

Серия «Пепел богов», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3944565
Юдоль: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1210-5

Аннотация

Большая беда откатила и пришла маленькая. Затянула мглою усталости все. Горе стало обыденным, смерть – привычной. Выход за крепостные стены сравнялся с подвигом, разбой – с ремеслом. Но молодой воин, прозванный Весельчаком, не считал себя героем и не признавал разбойного ремесла. Он отправился в дальний путь из-за того любопытства, которое сродни неутолимой жажде…

Содержание

Пролог 4
Глава 1 27
Глава 2 57
Глава 3 88
Глава 4 132
Глава 5 161
Конец ознакомительного фрагмента. 197

Сергей Малицкий
Юдоль

Пролог

Над мокрым от дождя городом кружила птица. Она то парила в вышине, превращаясь в едва различимую отметину на темных, налитых тяжестью тучах, то спускалась к крышам домов. Несколько раз с крепостной стены фыркал лук, но стрелы, пронзая стремительный силуэт, не причиняли птице вреда.

– Балда! – треснул по затылку лучника старшина проездной башни, на зачиненной куртке которого угадывалась вытертая вышивка – серебряное крыло. – Что зря стрелы тратишь? Не берут его стрелы.

– Откуда мне знать? – надул губы столь же оборванный юнец со впалыми от недоедания щеками. – На той неделе тоже вот так кружило что-то над городом, кружило, а потом стражнику башку снесло.

– А ты с толком глаза-то таращь, с толком, – прищурился, вглядываясь в небо, седой старшина. – У пустотной мерзости крылья кожистые, у этой перья, да еще и белые. И видок у них разный. У той твари пасть полна зубов или опять же клюв с зубами да лапы с когтями. А у этой вовсе ничего нет.

– Как это – вовсе ничего нет? – не понял лучник.

– Муть какая-то бултыхается, – скорчил недоуменную гримасу старшина. – Будто облако между крыльями клубится. Не разберешь. И стрелкой ты его не возьмешь. Сквозь себя он стрелки пропускает, да и не дело бездумно тетиву дергать. И не под твою охоту эта дичь. Ты вот это видел? – Старшина ударил кулаком по серебряной вышивке.

– Погодь! – оторопел лучник. – Так это оно самое?

– Говорят, что оно, – буркнул старшина, продолжая вглядываться в небо. – Знак клана это, дурень. Сиун в небе плещется. С час уж как.

– Сиуна увидеть – к беде! – прошептал, побледнев, юнец.

– К беде? – зло усмехнулся старшина. – Куда бедовее-то? Пагуба уже на четвертый год захлестывает. Вроде и схлынула самая пакость, а все одно – небо пылает. Или гляделки запылились? Вот облака ветром растащит, на небо-то посмотри. Днем словно пламенем занимается, а ночью углями мерцает. Это что, по-твоему? Эх, накатило ведь на нашу долю… Мерзость вроде прореживаться стала – мор начался. Мор приутих, мерзость вернулась. Улеглось все, тут как тут прочая незадача – уже и обычные люди стали приделанной пакостью обращаться. Бродит, говорят, по селам какой-то колдун, отбирает для поганого воинства тех, кто покрепче, да *приделывает*. Поверь мне, парень, пригодятся еще тебе стрелы.

– Помогали бы еще они, стрелы, – пробурчал под нос лучник, почесал пустой живот и посмотрел вниз. – Смотри-ка. А

некоторым и Пагуба словно пьянка на выселках. Вчера только пятеро смельчаков прибыли, а сегодня так и вовсе один. Отчаянная голова! Может, это и есть тот самый колдун?

По узкой дороге, разрезающей заросшую бурьяном луговину на две неровные части, скакал закутанный в темное всадник. У него был крепкий конь, прикрытый спереди, с боков, сзади сыромятным доспехом. Поблескивала укрепленная на боку коня чудная пика с широким, словно черным лепестком наконечника и изогнутой серпом поперечиной. Что-то еще более диковинное висело на лошади с другой стороны. Всадник правил коня к проездной башне.

– Охотник это, – пробормотал старшина, приглядываясь к незнакомцу. – Давненько не появлялся в Намеше их брат. Смотри-ка! А ведь он в ранах. Нога перемотана, сидит криво. Интересно, чего это его сюда принесло? Спокойно у нас вроде пока?

– Да уж, – почесал затылок лучник, – спокойней не бывает. Разве только на кладбище.

– Ну ты ной, да не обделывайся, – проворчал старшина. – Против того же Хилана мы в полном порядке. У нас в самое жаркое время ни одна дрянь на улицы не прорвалась, только что ворота помяла. А в Хилане четверть города в развалинах была. А то и половина. К тому же говорят, что смотритель там снова объявился. Дробилку уже ладит на площади. Ведь и до нас эта пакость доберется!

– А правда, что охотники и против мерзости пустотной

горазды, и против приделанных молодцы? – возбужденно зашептал лучник.

– Вот уж не знаю, – пробормотал старшина. – Охотник охотнику рознь. Когда Пагуба за полгода перевалила и первое послабление началось, многие брались мерзость с полей да из деревень выводить. Многие брались, да не многие сдюжили. Где они теперь – те охотники?

– А против сиуна он не оробеет? – прошептал лучник, и в это самое мгновение крылья захлопали над головой стрелка, заставили зажмуриться, едва не сбили юнца с ног.

– Ты сам не оробей, – раздраженно плюнул под ноги старшина, смахнул со лба выкативший пот и зашагал по лестнице вниз. – Один вояка другого стоит, только цены никто не дает. Ну что за наказание, Пустота мне в глотку?

Охотник, который неловко спешился возле проездной башни, услышав хлопанье крыльев, поднял голову. Беспокойство наползло на его лицо тенью, стерло гримасу боли. Глаза загорелись зеленым огнем. Обветренные губы сжались в неровную линию.

– Кто такой? – послышался недовольный голос стражника из окошка над изборожденными страшными отметинами, словно огромная кошка точила о них стальные когти, воротами.

– Кай, – глухо произнес охотник. – Кай по прозвищу Весельчак. Нечисть бью по договору. Вот ярлык арува. Вот яр-

лык охотника. Печати на нем от урая Ака, урая Зены, урая Туварсы. Трех достаточно?

– Нет уже никаких арува, – огрызнулся стражник. – Есть люди, и есть приделанные. Есть тати, и есть пустотная мерзость. Ты из каких будешь?

– Из людей, – твердо сказал Кай.

– А вот это мы сейчас посмотрим, – засмеялся стражник. – Капюшон снимай!

Охотник сдвинул капюшон, провел по коротким, черным с проседью волосам ладонью, показывая, что ни рогов, ни еще какой пакости у него нет. Теперь, когда темная ткань вовсе не скрывала его лица, вряд ли, несмотря на сухие скулы, обветренную кожу и шрам в половину лба, можно было дать ему больше двадцати лет.

– А теперь штаны спускай, – захохотал стражник, – вдруг там у тебя хвост?

– Послушай, смельчак, – незнакомец холодно улыбнулся, – я охочусь на нечисть уже четвертый год. Видел ее столько, что пошли тебе Пустота десятую долю от моего удовольствия да еще хвост на смелую задницу, он бы у тебя не просыхал. Сейчас я покажу тебе цвет моей крови, а потом с удовольствием посмеюсь над твоими шутками вместе с ураем Намеши. Особенно когда вот эти ворота снова станет рвать когтями какая-нибудь тварь из Пустоты и он захочет призвать на помощь лучшего охотника. А пока смотри.

Вслед за сказанным охотник распустил шнуровку рукава,

по локоть обнажил мускулистую руку и, вытащив из-за пояса нож, надрезал кожу ладони. По запястью, по тонкому серебряному браслету со знаками клана Рога, по предплечью к локтю побежали алые капли крови.

– Лошадь теперь, – недовольно буркнул за окошком стражник.

– Как скажешь, – равнодушно проговорил охотник, шагнул к лошади, сдвинул с крепкой черной шеи сыромятный доспех, приложил к коже животного ладонь и осторожно провел ножом вдоль нее. Рана на шее лошади разом набухла, и по рукаву охотника так же побежала алая полоска крови.

– По каким делам в город? – примиряюще проворчал стражник.

– В гости к знакомцу, – ответил охотник. – К хранителю библиотеки Намешских палат старику Пате. Приглашение у меня от него.

– Заходи, – коротко бросил стражник и тут же заорал кому-то, кто должен был крутить ворот.

В недрах башни загремела натягиваемая цепь, заскрипела невидимая решетка, заскрежетал тяжелый засов, и створки ворот пошли наружу.

– Не обидь, – пробурчал лысый калека-ветеран, придерживая воротину.

– Как водится, – бросил пару медяков в снятый шлем охотник и, прихрамывая, повел лошадь внутрь городской стены, зажимая рану на ее шее ладонью. Оставшийся на

смотровой площадке стражник не мог разглядеть, что кровь, стекавшая по рукаву куртки охотника, капала из второй раны на его же руке. Из раны на шее лошади бежала черная кровь, но шипела и обращалась в пепел она уже в рукаве хозяина коня.

Охотник вошел в южную часть города через его западные ворота. Испокон веку Намеша состояла из двух крепостей. Обе они были окружены высокими стенами и этими же самыми стенами стискивали в каменный рукав речку Бешеную, чье бешенство угасало далеко в горах Западных Ребер. Пагуба, которая три года назад окрасила небо в багровый цвет и запустила в Текан орды мерзости, на первый взгляд не слишком изменила внешний облик столицы клана Крыла – клана Паттар, но народу на ее улицах убавила, и те горожане, что попадались охотнику, выглядели уставшими и как будто сонными. На углах хватало нищих, да и не нищие походили скорее на последних. Против обыкновения чаще обычного мелькали женщины. Многие из них посматривали на незнакомца с надеждой, не скрывая готовности распахнуть ветхую одежду за мелкую монету или даже за кусок хлеба. Но охотник не ловил чужие взгляды, то и дело прикладываясь к фляжке, словно жажда не отпускала его, гость Намеши сам осматривал город, который, чем дальше от стен, тем больше являл приметы беды. И тут и там виднелись сгоревшие разрушенные здания, большая часть лавок была закрыта, пере-

улки захламлены. Окна в домах перегораживали решетки из толстых прутьев, а то и скрепленный известью камень. Возле огромного, как будто нежилого дома намешского урая одинокий пекарь жарил на уличной печи пустые лепешки, наверное, пополам с травой. Рядом пара торговцев томила на углях речную рыбу. Охотник даже не повернул головы в их сторону, его интересовали дома и крылатое создание, мечущееся под облаками. Часы на башне цеховой управы шли, но часовая стрелка подрагивала на месте, и в такт ее дерганью раздавался какой-то неприятный скрежет. Чугунный шар диаметром в два локтя, некогда ударявший по нужде в столь же огромный диск, лежал с оборванной цепью у ступеней оружейной. Город словно застыл в забытьи.

Через узкий каменный мост и пару открытых и как будто заброшенных ворот охотник провел лошадь в северную часть города к холму, на котором находились некогда знаменитые на весь Текан Намешские палаты. Уже издали охотник вглядывался в них с тревогой, а когда под вновь заморосившим дождем достиг невысокой ограды, отпустил несколько неслышных ругательств. На намешском холме не сохранилось ни одного домика для школяров, да и стены самих палат были покрыты копотью.

Стражники, стоявшие на внутренних воротах, являть цвет крови незнакомца не заставили, но от своей доли мзды не отказались, хотя по виду были бы рады и хлебной лепешке. Впрочем, охотнику было не до них. На какое-то мгно-

вение ему показалось, что в спину давит чужой взгляд, он замер, потом медленно обернулся и с минуту с закрытыми глазами ворочал головой. Но мимолетное ощущение пощекотало кожу и исчезло, и охотник снова обратился к стражникам, которые уже открывали ворота. Молодые намешцы в больших, не по росту, доспехах смотрели на незнакомца с любопытством, но не с восхищением, с которым он сталкивался в других местах. Зеленоглазого охотника по прозвищу Весельчак знали уже во многих городах Текана, а вот в Намеше в последний раз он был более трех лет назад и в другом одеянии, да и не в роли охотника, хотя уже тогда представлялся именем Кай.

Из будки привратника выбрался тот же самый согбенный старичок, который обитал там и прежде. Некогда крикливо разряженного юнца в посеченном испытаниями воине старик не узнал. Привратник приложил к провяленному уху ладонь, с трудом расслышал, что незнакомец хочет увидеть хранителя библиотеки Пата, отчего-то рассыпался дребезжащим смешком и махнул рукой в сторону вершины холма:

– Там он. Где был, там и есть. Там. Все меняется, библиотеки уже нет, только Пата как просмоленный пень торчит из земли. Никто мне не верит, но, когда я сам был мальчишкой, он был точно таким же, как и теперь.

Ведущую к верхушке намешского холма аллею застилал все тот же мусор. Под ногами охотника шелестела пожухлая листва, хрустели кости и черепки. На полпути к хранили-

щу знаний охотник отпустил коня прогуляться по заросшему бурьяном двору. Мощное животное, на втором боку которого оказалось диковинное четырехствольное ружье, тут же направилось к полусухому фонтану. Все говорило о том, что охотник не слишком беспокоился за сохранность собственного оружия. Впрочем, на боку у него еще оставался висеть на первый взгляд простецкий меч.

Не торопясь, осматриваясь да поднимая время от времени голову, чтобы приглядеться к парящему над Намешей сиуну, охотник дошел до закопченного хранилища и постучал в низкую и ободранную дверь.

– Кто там? – послышался сухой раздраженный голос.

– Это Кай, господин Пата, – отозвался охотник. – Я прибыл по твоей просьбе. Я получил твое послание.

– Послание? – В голосе послышалось удивление. – А нука, подай мне его в щель.

Охотник помедлил секунду, потом вытянул из поясной сумки полоску пергамента, просунул ее под дверью. С внутренней стороны ненадежной преграды послышалось кряхтенье, затем все тот же голос прочитал: «Киру Харти, именуемому также Луком, Луккаем, Каем и Весельчаком. Я жду тебя в Намеше. Поторопись. Хранитель библиотеки Намешских палат – Пата».

Чтение сменилось раздраженным хохотком, затем снова дополнилось кряхтеньем, после чего пергамент вернулся из-под двери.

– Это подделка, – произнесли с некоторым облегчением. – Не моя рука, нет моей печатки. К тому же я не знаю никакого Кира Харти, Лука, Луккая и Кая в том числе. А уж весельчаков не встречал года три. Ничем не могу помочь!

– Пата! – ударил кулаком в дверь охотник. – Ты должен меня принять. Три года назад я заплатил золотой за прохождение испытания. Если помнишь, я выбрал историю. Я хочу продолжить занятия.

– Тот самый Кай? – В голосе послышалось удивление. – Одетый как безмозглая туварсинская гадалка на ярмарке? Так ты не умер?

– Обошлось пока, – с нетерпением ответил охотник.

– Выходит, что труп, который торчал головой в печи в выделенном тебе домике, и в самом деле принадлежал вовсе не тебе? – не унимался старик.

– Мало есть чего-то такого под небом Салпы, в чем я был бы настолько убежден, – повысил голос охотник. – Мой труп при мне, и я бы даже заметил, что пока еще он не совсем труп.

– А ну-ка, – за дверью лязгнула задвижка, загремела цепочка, и створка приоткрылась на ладонь, показав охотнику почти забытое им лицо старика, седые усы и бородка которого по-прежнему торчали аккуратными пиками в разные стороны. – В самом деле. Кто бы мог подумать? Господин Кай. Хотя следует заметить, судя по твоему лицу, прошло не три года, а как бы не тринадцать или даже двадцать три. Впро-

чем, Пагуба не жалует никого. Но это послание я и в самом деле не писал! Хотя дай-ка мне пергамент еще раз…

Пата выставил в щель сухие пальцы, схватил полоску и с минуту изучал ее при дневном свете. Затем побледнел и сунул лоскут обратно.

– Не может быть… Хотя это кое-что объясняет… Ладно… Следовало ожидать… Значит, обуяла жажда знаний? Что же, в старые времена некоторые из приговоренных к смерти преступников в качестве последнего желания выбирали обучение каллиграфии, а потом отгрызали себе пальцы и оставались, таким образом, живы. Иногда это единственный выход, запомни, приятель. Но ты-то должен иметь в виду, что теперь последние желания не исполняются. Или, – Пата выглянул наружу и бросил быстрый тревожный взгляд на небо, – все извещены, что каждое желание может оказаться последним. И все-таки лучше поздно, чем никогда, исключая те случаи, когда лучше никогда, чем когда-нибудь. Заходи, милостью Пустоты, школяр. Да не медли, осень пришла, не выстуживай мою крепость.

Охотник наклонил голову и прошел внутрь.

Пожар не пощадил библиотеку и изнутри. Некогда украшенный изображением карты всей Салпы потолок был не просто закопчен. Штукатурка на сводах облупилась и рухнула. Теперь вместо искусной росписи взгляду представала только кладка. Исчезли и полки, которые тянулись по сте-

нам, столы, скамьи. В оставшихся нишах сохранились какие-то кувшины, горшки, но ни свитков, ни книг охотник не разглядел. В углу виднелся убогий лежак, корзина с лохмотьями, тут и там стояло несколько табуретов и рассохшихся кадушек. В печи, мерцая, истлевал обломок скамьи.

– Странно, – охотник остановился, озираясь, посреди хранилища, – я был уверен, что Намеша пострадала меньше других городов, но видел разрушения и за городской стеной, да и здесь…

– Это сделано самими горожанами, – захихикал Пата, одежда которого выглядела немногим лучше опекаемой им библиотеки. – И внутри городской стены почти все разрушения причинены тоже ими. Есть та Пагуба, которая насылается на нас Пустотой, и есть та, что всегда с нами. Она как зерно, спящее в сухой земле. Когда небо над Намешей окрасилось в черно-багровый цвет, не всем хватило выдержки. Кое-кто отправился в ближайшую лавку, чтобы запастись едой, кто-то побежал разбираться с опостылевшим соседом, а многие пришли вот сюда, чтобы сжечь книги, противные Пустоте. И вот как-то так вышло, что книги сгорели все. Без разбора.

– Печально. – Охотник не скрывал огорчения.

– Во всем есть и хорошие стороны, – не согласился старик, поправляя дрожащими пальцами усы и почему-то семеня по кругу, центром которого был охотник. – Ураю Намеши пришлось усмирять мародеров. Были убиты больше тысячи че-

ловек. Пострадала и стража. В тот день словно безумие овладело людьми. Я сам ничего не видел, забился в подвальчик палатной харчевни и просидел в холодном помещении, но в теплой компании окороков и колбас, почти неделю. А город захлебывался кровью. Говорили, что ее пролилось столько, что Пустота решила не насылать на нас своих слуг. А когда бунт был подавлен, урай передал власть сыну и умер от разрыва сердца.

– Он был человеком чести? – спросил охотник, поворачиваясь вслед за хранителем.

– Точно могу сказать только то, что сердце у него все-таки было, – ответил старик. – Впрочем, если не честь, то совесть тоже имеется у каждого. Правда, у многих она страдает глухотой и немотой. У меня, кстати, тоже. Но это от старости. Что ты хочешь узнать, Кай? Книг нет. Учеников в палатах нет. Твоего золотого нет. Нас всех уже давно нет. Или почти нет.

– Я не нуждаюсь в деньгах, – заметил охотник, вновь жадно отпивая из фляжки.

– Но в чем-то ты нуждаешься? – прищурился старик, остановившись.

– Там сиун, – вымолвил вместо ответа охотник. – Он кружит над городом. Чего он хочет?

– Меня, – дрогнув, пожал плечами старик.

– Зачем ты ему? – спросил охотник и медленно опустился на перевернутую кверху дном кадушку. Пата закрыл гла-

за, вздохнул и нащупал обгоревший табурет, чтобы сесть напротив.

– Ты бы спросил об этом у той, что приглашала тебя от моего имени в Намешу, – прошептал старик, не открывая глаз. – Или ее друзей. Впрочем, у нее нет друзей. Они все или служат ей, или думают, что удостоены дружбой. Они хотят убить меня. И сиун чувствует это. Готовится. Ждет. Всякий раз, когда они затевают это, им нужна моя смерть. Хотя еще ни разу она не помогла им.

– Смерть? – переспросил охотник. – Нужна твоя смерть? И кто это – они?

– Время пришло, – пробормотал старик. – Наверное, они считают, что время пришло. Опять время пришло. Когда же оно кончится, это проклятое время?

– Кто это – они? – повторил вопрос охотник.

Старик не ответил. Он сидел неподвижно, как деревянный истукан, вырубленный без глаз.

– Месяц назад сиун клана Кессар настиг Хуш, – заметил охотник, не дождавшись ответа. – Я был в Хурнае. Кинун, урай клана, устроил празднество, ярмарку по поводу ослабления Пагубы. Хуш как раз вернулась в свой дом. Пустота ее знает, где знаменитая хурнайская гадалка пропадала три года. Конечно, Хурнай не пострадал так, как Хилан, но и там погибли многие. Но с полгода назад там стало тише, чем в других краях. Да и клан Кессар один из самых многочисленных. У них и теперь большая дружина. Когда гадалка верну-

лась и над ее стеной снова поднялся чудесный фонтан, в городе объявили праздник. А на следующий день взметнувшаяся струя воды вознесла над стеной тело старухи. Вознесла и заледенела, перемалывая ей кости огромной рукой. В пыль. Я видел. Сам едва не заледенел от ужаса. В тот самый день какой-то мальчишка и сунул мне послание от тебя, Пата.

– Это не моя рука, – повторил Пата и хихикнул. – И ледяная рука тоже не принадлежит мне. Нет. Я не писал тебе.

– Да и Харава советовал прийти к тебе, – добавил охотник. – Я уже говорил о нем. Помнишь?

– Это не моя рука! – повысил голос старик.

– А кто управлял рукой, что убила Хуш? – спросил охотник. – Тоже «они»?

– Когда-то она была красавицей, – пробормотал Пата. – Разве только Эшар могла сравниться с нею. Но красота Эшар была подобна красоте клинка. А красота Кессар напоминала нежный цветок.

– Мне кажется, что я сумел разглядеть ее красоту даже сквозь маску старости, – сказал охотник.

– Нет. – Старик, все еще не открывая глаз, покачал головой. – Ты видел красоту Хуш. Ты видел красоту несчастной Хуш. Красоту упивающейся своим несчастьем Хуш. Оплакивающей свою настоящую красоту. Хотя я готов согласиться, что каждый из нас удостаивается той юдоли скорби, которая созвучна нашему существу. Поэтому Хуш просто не могла быть уродиной. Но Хуш – это не Кессар. Хуш только

малая часть ее. Сердцевинка. Слеза великой Кессар. Пепел Кессар. Комочек пепла. Крупинка.

– А ты слеза великого Паттара? – спросил охотник. – Пепел великого Паттара?

Старик ответил не сразу. Несколько секунд он сидел неподвижно, затем скривил губы в горькой усмешке:

– Что ты можешь понимать в этом? В прошлый раз ты действительно сослался на то, что обратиться ко мне тебе посоветовал Хаштай или Харава. Я помню… Да, одно из этих имен носил Сакува. Может быть, даже оба эти имени принадлежали ему. У него было много имен. У каждого из нас было много имен, которые ничего не меняли. У тебя такие же глаза, как у Сакува. Но даже если ты его отпрыск, то ты не слезинка, ты мокрое место, оставшееся после ее падения.

– Моя мать Эшар, – твердо сказал охотник. – И если она тоже была слезинкой, то два мокрых места вполне могут сделать слезинкой и меня.

– Эшар? – удивился Пата и открыл глаза.

– Непохож? – напряженно ждал охотник.

– Наоборот, – удивленно засмеялся Пата. – Вот как. А ведь эта полоска пергамента написана ее рукой. Наконец-то все становится на свои места. Только теперь я понял, на кого ты показался мне похожим. Конечно, глаза у тебя Сакува, но все остальное – Эшар. Да, ты тоже напоминаешь клинок. Хотя вряд ли твоя мать, окрутив Сакува, была похожа на саму себя. Иначе твой отец и близко бы не подошел к ней. Ко-

гда-то они не ладили. Ох как не ладили. Да, я удивлен. Я очень удивлен. Я не был бы удивлен, если бы ты оказался сыном Киклы, вот уж кому было на роду написано соединиться с Сакува, но Эшар… Хотя если ты и прав, не обольщайся. Ты не сын Сакува и Эшар. Ты слепок двух крупинок пепла. Ты – ничто, парень. Твоя мать была всего лишь тенью самой себя.

– Я видел ее настоящий облик, – сказал охотник. – Перед ее уходом.

– Уходом куда? – поинтересовался Пата.

– Туда, – махнул рукой в сторону охотник. – Или туда, туда, туда. Не знаю. За границу Салпы.

– Так она улизнула? – прошептал Пата и вдруг расхохотался, затрясся, залился слезами. – Улизнула? Частью, слезинкой, но выкатилась прочь? Оставила записку, чтобы выманить тебя в Намешу, и улизнула? Так вот в чем дело. Вот почему Пагуба затянулась. Вот почему сиун Намеши не дает мне выйти из этого горелого сарая! Они хотят закончить Пагубу насильно! Все из-за Эшар! Равновесие нарушилось!

– Из-за Эшар? – нахмурился охотник.

– Ты не понимаешь, – оскалился в гримасе старик и вдруг почти закричал: – Ты не понимаешь! Должно быть двенадцать! Две-над-цать! Асва, Хара, Агнис, Кикла, Неку, Хисса, Паркуи, Сакува, Кессар, Сурна, Эшар и я! И улизнуть никто не может. Но даже если бы имелся способ, он, этот хитрец, был бы уничтожен, раздавлен при пересечении границы! Никто не может вывернуться наизнанку! Но если бы кто

и мог… Если бы кто-то был готов, то все равно… Пустота не допустит! Мы все должны оставаться внутри! Навсегда! Навеки! Пока она может сосать соки из Салпы… Хотя… Стой. Стой! Если она тебя оставила вместо себя, тогда равновесие нарушилось не так сильно. Не зря же она легла под Сакува, которого не любила. Но нарушилось. А если они не понимают? Пока не понимают. Ага. Они верят, что можно убить половину из нас и закончить Пагубу? Такое бывало, как же. И будут убивать по одному всех. Сначала Кессар, потом меня. Хотя Асва старше. Много старше. Но он хорошо спрятался. Очень хорошо. Так кое-кто еще старше, и что? А если Асва с ними? Мерзавцы… Сакува, твой папочка, не просто так научился дурить собственного сиуна. Вот как раз для таких случаев. И Хара, дрянь, вечно как-то улаживает свои дела. Поэтому буду убит я. Опять я. Как всегда, я. Старый, больной, уже давно забывший, что такое полет… Но ведь можно все и упростить? Если будешь убит ты, тогда им не придется искать слабое звено? Все встанет на свои места. Ведь ты не сможешь занять место на престоле? Там не твое место. И все откроется. Тогда всех оставят в покое. Ты сгинешь в Пустоте, обратишься в то, из чего ты вышел, в тлен, а мы заживем так, как прежде. Заживем так, как прежде. В клетке, но в тепле и в уюте. И пусть они ищут беглянку. Ведь она ушла только слезинкой. Вся ее сила осталась здесь, на ее престоле. Поэтому надо просто убить тебя.

Старик ударил мгновенно. Только что он сидел, согнув-

шись, заострив плечи, и вдруг выпрямился, словно пружина самострела. Охотник перехватил его кисть с выставленным тонким ножом уже у груди. Смахнул ее в сторону, раздирая собственную рубаху, и второй рукой отбил удар руки старика. Та, сжатыми в клюв пальцами, метила гостю в висок. Старческое тело отлетело в сторону. Только после этого охотник встал, растирая больную ногу.

– Убьешь меня? – прохрипел Пата, ощупывая ободранное лицо.

– Я не охочусь на безумных стариков, – с горечью покачал головой охотник. – Если я убиваю кого-нибудь, то лишь защищаясь. Конечно, если ты не одна из этих мерзостей, пришедших из-за границ Салпы. И еще. Я не насылаю ни на кого сиунов. Да и не владею ни одним из них. И я уже не тот мальчишка, что приходил к тебе три года назад, Пата. Ведь ты не Паттар? Ты всего лишь слезинка великого Паттара? А я вообще неизвестно кто, потому что мальчишка, который приходил к тебе, три года назад перестал быть. В тот самый миг, когда разглядел подлинное лицо своей матери. Теперь я другой.

– Это да, – прошептал, подтягивая колени к груди, Пата. – Ты другой. Тот Кай не смог бы отбить мой удар. И никто не смог бы. Только кто-то из двенадцати. Да и то… Чего ты хочешь? Зачем ты пришел?

– Я хочу все знать, – твердо сказал охотник. – Кто такие эти двенадцать? Почему их имена совпадают с именами

кланов? О каком равновесии ты говоришь, если Хуш-Кессар уже нет? Кто такие – «они»? Почему твой собственный сиун грозит тебе гибелью? Правда ли, что сиуны – это надсмотрщики за вашей дюжиной от Пустоты? О каком престоле ты говоришь? Что такое здесь происходит, Пустота меня задери?!

– Задерет, – захихикал старик. – Дай ей волю, задерет. И не дашь воли, тоже задерет. Уходи. Уходи, парень. Уходи отсюда! Они уже близко, уходи!

Он начал хрипеть и биться головой о камень.

Охотник выпрямился, развернулся и пошел прочь. Выйдя на улицу, он прикрыл дверь, свистом подозвал коня и повел его к воротам. Когда до них оставалось три десятка шагов и стражники уже начали раздвигать створки, сзади послышался крик. Пата бежал за ним.

– Отправляйся в Кету, – кричал старик. – Найди Уппи. Это не может продолжаться бесконечно. Мне тут нечем дышать! Мне уже давно нечем дышать! Пусть она посмотрит в твое сердце. Ведь зачем-то Эшар затеяла все это? Пусть Уппи расплетет все! Она всегда хорошо расплетала! Пусть!

– Зачем? – не понял охотник.

– Чтобы ты все понял, – остановился Пата, и тут сиун его ударил.

Он рухнул с неба подобно падающему на добычу орлу. Охотник ждал, что сиун расплющит старика, но вместо этого мглистый пернатый распустил в стороны крылья и закутал

жертву в сверкающую пелену.

– О мать моя, дочь Пустоты! – в ужасе вымолвил один из стражников.

Крылья обняли старика туже, еще туже, обратились белоснежным коконом и вдруг растаяли. Пата, замерший в той позе, в которой его настиг сиун, был мертв. Охотник, которому мгновение назад почудилось, что это его обнимает сиун, его кости трещат, его дыхание прерывается, с ужасом выдохнул, расправил плечи, невольно раскинул руки, словно и сам собирался взлететь, но тут же схватился за рану на боку. Подул легкий ветерок, и старик рассыпался в прах, понесся над Намешскими палатами пылевым смерчем.

– Точно как Хуш, – пробормотал охотник и обернулся на стук копыт. По пустынной улице, которая была видна через приоткрытые ворота, промчались пять всадников в черных плащах. Охотник закрыл глаза, потом выдохнул, погладил фыркающего коня и повел его мимо оторопевших стражников. Посередине улицы он остановился и опустился на одно колено. На камнях мостовой что-то лежало. Охотник наклонился еще ниже. Подобно вылепленному крохотным малышом из сырого песка отпечатку пряжки отцовского ремня на камне отпечаталась крохотная фигурка. В квадратике с закругленными краями шириной в два пальца различался необычно отчетливый отпечаток солнца. Рядом виднелись пятна крови.

Охотник распустил ворот рубахи, сверкнул старым ожо-

гом с точно таким же рисунком и вытащил из-за пазухи висевшую на кожаном шнурке глинку, которая и была причиной ожога. Рисунок был на одной из ее сторон. Охотник поднес глинку к крохотному отпечатку, потом перевернул ее. На обратной стороне было изображено странное, неказистое, словно собранное из разномастных колонн здание, на плоской крыше которого выделялись двенадцать зубцов.

Вдоль мостовой пробежал порыв ветра, и странный отпечаток на камне развеялся пылью. Охотник убрал глинку, вытащил платок и тщательно собрал с камня капли крови.

– Что это были за всадники? – спросил он у выпучивших глаза стражников.

– Не знаю, – пролепетал самый бойкий из них, затем зевнул и начал тереть слипающиеся от недосыпа глаза. – Я думал, что это твои друзья, господин охотник. Один из них спросил, прошел ли к господину Пата господин Кай, я сказал, что прошел. После этого тот, который спрашивал, стал громко смеяться. Рыжий такой, и лицо конопатое. Веселый. Он сказал, что они подождут господина охотника у ворот. Я правда думал, что это твои друзья. А что стряслось с господином хранителем? Это к беде, господин охотник?

– Не знаю, – проговорил Кай и поднял голову, рассматривая наливающиеся чернотой тучи. – Но друзей у меня нет. Здесь – нет. И эти пятеро – не друзья мне.

Глава 1
Кривые Сосны

В былые времена окраинная Кета слыла захолустьем Текана. Еще большим захолустьем считался далекий Сакхар – город-крепость клана Смерти, но Сакхар и городом никто не числил, так он и оставался несочтенным, всего лишь направлением на запад, и только. О Сакхаре вспоминали, когда следовало отметить что-то далекое и бессмысленное, припугнуть таинственными воинами клана Хара – клана Смерти или послать кого-нибудь куда подальше, а Кета была вполне осязаемой, пусть и не близкой. Когда в предгорьях Западных Ребер еще стоял белостенный Харкис, Кета считалась проезжим городом на пути из Харкиса в Ламен и Ак, но, с тех пор как предпоследний иша повелел уничтожить и белый город, и весь клан Сакува, столица клана Кикла – клана Травы – Кета оказалась в глухом углу. Нет, оставалась еще и дорога на Ламен и Ак, имелся тракт к Намеше, можно было угадать в сухой степи по заброшенным оплотам и сигнальным вышкам и дорожку к Сакхару, но прямой путь к Парнсу и в Гиблые земли через пепелище Харкиса зарастал и затягивался с каждым годом. Недобрая слава ходила о горных лесах той стороны, и раньше она была непростой, после уничтожения Харкиса украсилась кровью и костями, а уж когда случилась

Пагуба, так и вовсе обратилась погибелью и ужасом. Тем более что деревни, которые уцелели после расправы над Сакува, постепенно, не за год, не за два, но перебрались со всем своим хозяйством или ближе к Кете, или и вовсе к Ламену, а те, что остались, сгинули в первые же месяцы Пагубы без следа. И ладно бы заглохла только дорога к перевалу через Харкис, так и тракт между Намешей и Кетой пользовался дурной славой. Минуя последнее селение Кривые Сосны, он на пять сотен лиг углублялся в дремучие чащи, а уж там…

Когда-то острословы говорили, что иша правит всем Теканом, но в некоторые его части предпочитает не заглядывать. Одной из таких частей и были чащи между Кетой, руинами Харкиса и селом Кривые Сосны. С тех пор как спокойствие надолго покинуло многие дороги Текана, а некоторые из них вовсе заполонил ужас, купцы-смельчаки рисковали путешествовать между городами только с хорошей охраной, а кое-куда не совались даже и с нею. Как раз тракт между Намешей и Кетой все более и более сползал в разряд тех дорог, которых следовало избегать во всяком случае. Но на то они и торговцы, чтобы смешивать осторожность с безрассудством, а тонкий расчет – с надеждой на слепую удачу. На то они и купцы, чтобы грузить подводы, нанимать охрану и отправляться в дальний путь, поглядывая в алеющее небо, остерегаясь мертвых деревенек и глухих урочищ, но, думая прежде всего о торге, радоваться, что, четвертый год обходясь без иши, Текан не окунулся в кровь междоусобиц. Хотя почти

каждый из них понимал, что не разум правителей городов и кланов следовало благодарить за это. Слишком велики были расстояния между городами, да и слишком проредились за три года народы, и конца этому прореживанию все не было и не было видно.

Если бы не богатства Кеты, теканские купцы предпочли бы вовсе забыть о ней. Но даже в это нелегкое время Текан не желал обходиться без самородного серебра, которым не могли похвастаться даже Гиблые земли, от золота, которое с трудом, но мыли кетские старатели в притоках Эрхи, а также от лучшего дерева, зерна, рыбы, тонкой шерсти и, что некоторые считали главным богатством клана Травы, горного ореха. Нигде больше не вызревал такой орех, как за Кетой. Каждый достигал размеров небольшого яблока, а разбить его можно было только молотком или еще чем потяжелее. Когда сборщик орехов вставал с колотушкой под кедром, на голову ему приходилось надевать котел, а не то могло и пришибить ненароком. Шутка ли, если средняя шишка достигала размеров головы быка? Зато уж какой аромат источал орех, будучи поджаренным на сковороде? А какие лепешки выпекались из ореховой муки? А какое масло давилось из ореха на маслобойнях? В первый год Пагубы, когда не вызрели поля, когда были уничтожены многие деревни, когда дороги между городами превратились в смертельные ловушки, именно запасы ореха позволили избежать голодной смерти многим и многим в Текане. И даже это было не

все, что привлекало купцов в Кету: из тонкой, очень дорогой шерсти кетских овец кетские же женщины ткали такие тонкие ткани, что модницы со всего Текана порой ломали голову, что предпочесть в качестве основы будущего наряда – кетскую шерсть или же туварсинский шелк? Надо ли говорить, что в каждое предзимье побеждала именно шерсть?

Кай решил отправиться в Кету кратчайшим путем, хотя, как стали говорить в последнее время в Текане, не тот путь короток, который короче, а тот, что путника не укорачивает. Редкий смельчак осмеливался двинуться от Кривых Сосен на запад, почти все купцы сворачивали на юг, к ламенскому тракту, где и деревенек было погуще, и кое-где даже сохранились оплоты, а уж от Ламена отправлялись вдоль течения светлой Эрхи к Кете. Но все еще находились и отчаянные головы, которые неделями могли ожидать в Кривых Соснах попутчиков и вольных охранников, чтобы большим обозом двинуться к Кете напрямик.

До села Кай добрался в три дня. Особых приключений в пути с ним не случилось. Дорога была езжена и переезжена, деревеньки на двух сотнях лиг большею частью разорены, так что даже и приделанных опасаться не приходилось. Хотя пришлось подстрелить пару мелких пустотников, которые пытались напасть на одинокого путника, пикируя с расщепленного молнией дуба, но уложить обоих удалось одним выстрелом. Крупная дробь посекла перепонки на их крыльях,

и Кай даже не остановился, чтобы добить мерзость. Если и не сдохнут от ран, все одно голода не переживут. Перепонки на крыльях у пустотников не срастались.

Черный конь охотника, которого тот ласково обзывал Молодцом, без особого для себя ущерба мог преодолевать в день до полутора сотен лиг, но Кай старался не выделяться даже тогда, когда его никто не видел. И там, где обычный всадник обходился переходом лиг в сорок, позволял себе не более полусотни.

Подъезжая к Кривым Соснам, охотник сделал крюк, направил лошадь на заросшую бурьяном кручину и, озирая село с высоты известкового холма, отметил, что шатров на караванной площади, не считая палаток и шалашей, стоит четыре штуки; деревянная, обмазанная глиной крепостенка, торчащая на деревенском пригорке, поднялась на пяток венцов, но пара домов, которыми заканчивалась улица, уходящая в близкую, не более лиги до первых деревьев, чащу, сожжена, и сожжена недавно – дым еще поднимался над пепелищами. Зато сразу четыре дома рубились на другой оконечности села, и сторожевые башни оказались на месте, и дозорные на них усердно крутили головами во все стороны, и на огородах копались женщины и дети. Но общей стены вокруг поселения так и не случилось. Да и помогла бы она от лихих тварей?

Кая заметили сразу. Он еще только тронул лошадь вперед, а у крайней вышки, некогда служившей сигнальной башней

самого иши, образовалась кучка селян, в руках которых поблескивали пики, а из-за плеч торчали тулы со стрелами. Однако среди злых незнакомых лиц охотник, к собственному удовлетворению, узрел и одно знакомое. К нему Кай и обратился:

– Доброго здоровья, почтенный Харуна. Доброго здоровья, селяне. Год уж не бывал в ваших краях. Поменялись ли порядки? Может быть, плату ввели за проезд через Кривые Сосны? Или достаточно оставить пару монет в трактире?

Селяне угрюмо молчали. Пальцы, стискивающие древки пик, у некоторых из них побелели. Молчал и староста, к которому обращался Кай. Лоб старика бороздили глубокие морщины, седые брови торчали из-под слегка примятого шлема рваными клоками, на скулах ходили желваки. Кай окинул взглядом зачиненную на толстом животе старика кольчужку, отметил шипастую палицу на его плече, скользнул взглядом по остальным воякам. Луки пока что лежали на плечах, пики упирались древками в землю. Разве только дозорный на башне теребил лук в руках, но стрелу к тетиве пока не ладил.

– Может быть, я кого-то обидел в прошлый приезд? – Кай изобразил самую теплую улыбку из возможных. – Припомнить, правда, не могу, но мало ли? Хотя в трактире заплатил с избытком, нос никому не свернул, уехал на собственной лошади, чужого имущества не прихватил. Опять же подрядов на охрану не беру, сам порой монету плачу, если приби-

ваюсь к обозу. Ни в чем я вам не соперник.

Селяне молчали. Кай понимающе кивнул и принялся расшнуровывать рукав. В напряженной тишине он сдвинул его к локтю и ловко обновил рану на ладони. На коже заалела кровь. Кай опустил рукав, сунул руку в поясную сумку, выудил из нее сухую лепешку, протянул лошади. Та отказываться от угощения не стала.

– Лошадь резать не стану, – процедил сквозь зубы Кай. Теперь он уже не улыбался. – В Намеше вот только рассек ей кожу на шее. Приделанная скотина хлеб не ест, это все знают. Мне на ней еще ехать.

– Ладно, – недовольно буркнул староста, и тут же вся стража, кроме дозорного на башне, развернулась и двинулась в глубь села.

– Не обижайся, – продолжал бурчать староста, приноравливаясь к неспешному шагу прихрамывающего гостя. – Сам знаешь, времена какие.

– Знаю, – кивнул Кай, ведя лошадь под уздцы. – Только времена бывали и похуже, а кровь у дозорной башни твои стражники никого пускать не заставляли. Что стряслось-то?

– Нехороший человек прошел вчера через село, – пробормотал Харуна. – Не один, с крохотным отрядом. Четыре воина были с ним. Все в черных плащах, с закрытыми лицами, на черных лошадях. Вроде твоей. Старший ростом с тебя, но не так молод. Я бы ему лет тридцать пять дал, если бы в глаза не взглянул. Глаз у него желтый и стылый, старый глаз. И

волос у него рыжий, что твой огонь. И еще он все время смеялся. Помнится, годика три назад, еще перед Пагубой, через село старшина тайной службы Хилана Данкуй проезжал. Так тот тоже все смеялся. Но не в голос, хотя воины при нем похожие были. Но этот другой. Когда пил вино в трактире, сказал, что завтра прибудет его названый родич поганой крови, так тот выпьет вдвое больше. А когда бросал монету нищему на караванной площади, сказал, что тот его родич поганой крови вдвое больше бросит. И имя твое называл, парень.

– Какое именно? – спросил Кай.

– Да разные, – махнул рукой староста. – Поначалу Киром пугал, а как смекнул, что не на слуху это имечко, Кая-Весельчака на язык выволок.

– Что ж, – задумался Кай. – Интересная история складывается. Хотя вряд ли он родич мне. Нет у меня родичей в этих краях. Ни кровных, ни названых. Конечно, если он не охотник. Бывает, что охотники друг друга братьями кличут.

– Нет, – замотал головой староста. – Не охотник он. Я охотника сразу вижу. Да и какие теперь охотники? Редкость. Убийца он. По какой бы надобности ни пошел в сторону Кеты, а все равно – убийца и колдун. Ты смотри, парень. Я хоть и отвадил пока от тебя самых злых, но его слова многих зацепили. И не только слова. Родич ты его или нет, но смотреть на тебя как на причастного будут. Он ведь натворил тут делов-то. Как из села уходить собрался, дозорного на башне убил. Ради куражу, не иначе. Уж не знаю, как сотворил дело

поганое, да только махнул рукой, и тут же паренек за горло схватился да с вышки и сверзился, а как до земли долетел, то шею себе свернул.

– И что же вы отпустили этого рыжего? – стиснул зубы Кай. – И почему ты называешь его колдуном?

– А ты, выходит, интереса к колдунам так и не потерял? – понял староста. – Помню, как же, выспрашивал все. Нашел настоящих? Нет? Так гонись за этим, этот точно колдун. Он туда поскакал, – махнул рукой в сторону леса старик. – У парня-то нашего ожог на горле случился. Точно говорю, отпечаток на горле был, словно ладонь его стальная да раскаленная перехватила. Хотел я рыжего до леса прибить, да не получилось. У его охранников самострелы. Сначала лошадок мне попортили, потом пятерым ребяткам ноги продырявили, верно, чтобы злее тебя встречали, а уж после, когда народец и под стрелы валить за мерзавцами был готов, этот рыжий в ладоши хлопнул, и два крайних дома разом вспыхнули. Огненную стену поперек дороги образовали. Словно смерч пламенный пролетел. В тех домах все сгорели, даже и выпрыгнуть никто из пламени не успел. Восемь человек! Дети! А эти ведь ушли, понимаешь? Можно было бы огородами пламя обогнуть, да струхнули от колдовства мужички. Так что если бы тебя тут не знали да не помнили, Кай, да не мое слово, еще издали бы стрелами посекли. Но ты ходи, да оглядывайся. Народ-то не скоро остынет. Надолго к нам?

Староста остановился, высморкался, смахнул ненароком

выкатившуюся на щеку слезу.

– Нет, – медленно проговорил охотник. – И так-то не собирался рассиживаться, а теперь и вовсе сегодня же дальше пойду.

– На Кету? – уточнил староста.

– На Кету, – кивнул Кай.

– Ой, смотри, парень, – сдвинул на затылок шлем Харуна, – хода теперь через лес нет. Уж не знаю, что с теми, кто пошел в ту сторону с месяц назад, но только с начала лета никто с той стороны не вышел. Так что теперь охотников по лесу гулять маловато. Даже большим отрядом. Купцы – и те никак не сговорятся между собой. А их и всего-то четыре рожи. У каждого вроде и охрана имеется, да еще лихих наемных на караванной ошивается человек десять, а смельчака, чтобы всех под свою руку взял, нет. Да и кто бы взял? Сейчас не то что на тракте, а и по округе лихо катит: и приделанные попадаются, и твари из Пустоты нередки, да и всякий другой народец шалит.

– Однако рыжий этот через лес на Кету пошел? – уточнил Кай.

– На Кету, – кивнул староста. – Куда ж еще? Дорога-то на Кету через лес. На Ламен вон она, по краю чащи стелется. Точно на Кету. Только он ведь словно безумный. Странное у него что-то в глазах. Будто он вовсе страха не знает.

– Страх не страх, а опаска быть должна, – заметил Кай. – Вот с опаской я за ним и двинусь.

– Ну как знаешь, – плюнул Харуна и повернул к крепостенке.

Кай бывал в этом селе несколько раз во время Пагубы и несчетное количество раз до нее. Да, лица деревенских стражей казались незнакомыми, но много ли надо юнцам, чтобы превратиться в лихую годину в мужиков? Года два. Кажется, дай им еще годика по три, и с такой же скоростью, с какой мужали, вчерашние отроки станут ветеранами, стариками, а там и вовсе сойдут в могилу. С женщинами словно происходило именно это. Почти все они выстроились у плетней и вместе со смуглыми детьми без злобы, без радости на изможденных лицах рассматривали гостя. Глубокие морщины и нездоровый загар приключался от багрового неба. Даже дети казались маленькими стариками. С неделю уже над головой стояли тучи, то и дело начинался дождь, осень была не за горами, но с самого первого лета, с самого начала Пагубы, которая застигла Кая еще в Хурнае, небо припекало каждую травинку, каждый листок, каждую пядь кожи как поднятая над головой жаровня. Оттого и выходил на улицу народ, замотав лицо тряпками, либо пялил на лоб колпаки с широкими полями. Хотя надо было отметить, в последние месяцы языки пламени уже не покрывали красноватый небосвод сплошь. Отчего же прошлые Пагубы рассеивались через три месяца после начала? Ну в крайнем случае через полгода?

– Купец из Гиены, – кивнул Каю высокий здоровяк с аккуратно подстриженными седыми бородкой и усами. – Слы-

шал я о тебе, зеленоглазый, только хорошее. Таркаши меня зовут. Ищу проводника и старшего охраны до Кеты. Возьмешься за хорошую плату?

– Нет, – ответил Кай.

Следующий купец, маленький, юркий, с острым носом и крохотными усиками, встретил его уже у караванной площади. Он, несмотря на годы, тоже поклонился Каю, одернул потертый намешский халат, крякнул, представился намешцем Усити и, поглаживая короткую с залысинами шевелюру, предложил охотнику стать проводником до Кеты за десять монет серебра и кормежку от пуза.

– Нет, – прошел мимо него Кай.

На караванной площади царило уныние. Шатры явно стояли не первый день, многочисленные охранники выглядели заспанными увальнями, приказчики и возницы играли в кости. При приближении охотника все они вставали на ноги и рассматривали незнакомца. Некоторые взгляды показались Каю недобрыми. Некоторые жгли спину. Он оставил лошадь у входа в трактир, снял с нее подсумки, оглянулся, вымолвил громко:

– К лошади не подходить. Чужих не любит. Лягается и кусается. Особо настырных может и убить.

Ответом охотнику было молчание. Кай кивнул, словно услышал высказанное согласие, нашел взглядом нищего, притулившегося у ступеней, бросил ему два медяка, поднялся по лестнице и толкнул ногой дверь трактира.

Все те трактирщики, которых Кай перевидал без счета, были разного роста, разной масти, разных привычек, но ни один из них не мог похвастаться худобой. Ни один, кроме трактирщика из Кривых Сосен. Поначалу Кай, который после начала Пагубы застал село почти полностью разоренным и выжженным, решил, что все дело в бедности и нужде, но и через год, и через два, когда селяне начали обстраиваться и понемногу приходить в себя, сосненский трактирщик оставался худым. Зато теперь, кажется, у него появился новый служка: довольно юркий пузатый и светловолосый мужичок, который, судя по морщинам вокруг глаз, возрастом годился Каю в отцы.

– Добрый день славному заведению и его хозяину, – поклонился охотник трактирщику, окинул взглядом не слишком большой зал, в котором имелся единственный посетитель – рослый рукастый детина, одетый так, как одеваются вольные из-за Хапы, и поставил на стойку сумки. – Рад, что ты здравствуешь, приятель.

– Все как всегда? – хмуро поинтересовался трактирщик.

– Как всегда, – кивнул Кай. – Конечно, если не оскудела твоя кладовая. Уж больно деревенские худы.

– Так и я не толст, – ответил трактирщик. – А кладовую держу полной. Но дорого все. Хочешь дешево, иди к старосте, выторгуй у него припасов за медяки. А что мне заплатишь, так часть монет все равно ему перепадет.

– Понятно, – кивнул Кай. – Мытари как сорняки – не сажаешь, а они все одно растут. К старосте не пойду, монета пока имеется. Собери мне десятка три черствых лепешек, два больших меха вина – один легкого, второй самого крепкого, соль, мед, копченое мясо, рыбу. Сколько влезет. Если вызрело что на огородах, не откажусь. Чеснок, лук будут в самый раз. Морковь возьму, если вымыта и высушена.

– Будет сделано, – буркнул трактирщик.

– Не злись, приятель, – понизил голос Кай. – Тот вчерашний гость мне не родич и не знакомец.

– А мне без разницы, – проворчал трактирщик.

– Тогда принеси ко всему блюдо с чем-нибудь посытнее да завари лесной ягоды с медом, – крикнул трактирщику в спину Кай.

Мужичок в фартуке явился с блюдом и кубком через минуту. Судя по запаху, трактирщик и в самом деле не бедствовал, еду готовил свежую, из хорошей баранины, разогревом не баловался. Да, ко всему привыкает человек, из-под любой тяжести выкарабкается, если есть минутка на передых. А ведь пару лет назад даже похлебка из солонины была в том же трактире лакомством.

Кай сел у окна, чтобы видеть лошадь, припавшую к поилке, и приготовился отдать должное угощению. Детина, который скучал за соседним столом, отодвинул ручищей кубок, поднялся, изогнул сросшиеся брови над переносицей и сел напротив охотника.

– Узнаешь? – с вызовом спросил он охотника, возвышаясь над ним на голову.

– Узнаю, – кивнул Кай. – Ты Такшан из Вольных земель. Возил невольников в Гиблые земли. Все торгуешь рабами?

– А ты все рожу кривишь? – прищурился работорговец. – Возьмешься провести две мои повозки через лес?

– Нет, – мотнул головой Кай.

– Ты же водил меня год назад до Хастерзы? – нахмурился Такшан.

– Нет, – не согласился Кай, уплетая баранину. – Не водил. Ты увязался за мной со своими подводами без моего согласия. И ни монеты ты мне не заплатил. А попытался бы, я все равно не взял бы.

– Однако когда за Парнсом на обоз напали палхи, отбивался ты от них вместе с моими охранниками, – заметил Такшан.

– Я отбивался, ты отбивался. – Кай пожал плечами. – Так получилось, что мы схватились с людоедами в одном месте. Я не служу проводником и охранником, Такшан. И не потому, что считаю твое занятие мерзким, хотя и это есть, что скрывать. Я охотник, Такшан, а не сторож и не проводник.

– А ты знаешь, Весельчак, что по Текану ходят слухи, будто Пагуба началась из-за зеленоглазого мальца-озорника? – прошипел купец, наклонившись вперед.

– Ты говорил мне то же самое год назад, – кивнул Кай. – И уже тогда я тебе ответил: хотела бы Пустота раздавить ме-

ня, давно бы раздавила. Я по оплотам не прятался и не прячусь. Значит, я ей неинтересен. Да и ярлыки у меня в порядке. Я теперь и правителям неинтересен. Отменил хурнайский урай давний приказ иши. Думаю, что за службу мою отменил. Хорошо я окрестности его города от погани очистил.

– Когда пойдешь? – скрипнул зубами купец.

– Как буду готов, – хлебнул горячего напитка охотник.

– Ладно.

Такшан отшвырнул в сторону скамью и, хлопнув дверью, вышел на крыльцо. Кай повернулся к служке, который замер у края стола:

– Как зовут?

– Шарни, – тут же отозвался мужичок.

– Что-то уж больно ты лицом похож на урая Кеты, – прищурился Кай. – Хотя я его издали видел. Ты не он?

– Точно нет, – хмыкнул служка.

– Тогда снимай фартук, Шарни, – вздохнул Кай. – Или ты думаешь, я не понял, что ты и есть четвертый купец из тех, что застряли в Кривых Соснах? Никогда не было служки у хозяина этого трактира. Всегда он сам справлялся. Зря ты старался. Не хожу я проводником. Понятно?

– Не совсем купец я, – сдвинул брови домиком Шарни. – Порученец кетского правителя. Однако над лесом до Кеты правитель мой не властен, а добраться до стен города клана Травы надо. Так что же мне делать?

– Что везешь? – спросил Кай.

– Две подводы, – присел напротив Шарни. – Лучший хиланский порох в горшках на одной подводе, но так-то, для прочих, вроде как масло. Воском горловины залиты. На другой – стволы для ружей. Из лучшей хиланской стали.

– Остались еще оружейники в Хилане? – поинтересовался Кай.

– А то как же, – расплылся в улыбке Шарни. – Пока не было смотрителей, изгалялся каждый как мог, научились кое-чему. А в последние месяцы прямо на поток дело пошло.

– Научились, значит? – прищурился Кай. – А я вот слышал, что появился уже смотритель в Хилане. Один пока, но за Пустотой не зажмется, расплодятся, как мухи в жаркий день. Дробилку вроде бы сколачивают у храма?

– Сколотили, да не пользуют пока, – вздохнул Шарни. – Но опаска есть, это точно. А ты думаешь, я просто так ружейные стволы в Кету волоку? Возьмет силу смотритель, последние мастера из Хилана убегут. Вот только доберутся ли они до Кеты? Как тут не позаботиться заранее о важном? А ведь есть теперь такие мастера, что в прошлые времена и не снились Текану. Или у тебя ружье не такой же работы? Фитиль поджигать не приходится?

– Хорошее у меня ружье, – кивнул Кай. – Мастера не знаю, через третьи руки заказывал, все-таки боятся умельцы, что прошлые времена вернутся, как Пагуба вовсе развеется, но слышал я, что есть уже кое-что и поинтереснее, чем четырехстволка с кремневыми поджигателями.

– Так и четырехстволка твоя тоже редкость, – закивал Шарни, – хотя дорогое ружье, очень дорогое. Но есть уже и еще кое-что. Вот, взгляни-ка. – Купец покопался под фартуком и выставил на стол бумажный, залитый воском, цилиндрик с жестяным донцем.

– Что это? – не понял Кай.

– Заряд, – прищурился Шарни. – Внутри сразу тебе и порох, и пыж, и дробь. Можно и что-то посерьезнее дроби зарядить. Быстро заряжать, быстро стрелять. Как стволы пошли под один размер, так эта придумка в деле и означилась. Дорого, не спорю, но все невелика цена против жизни воина. Ты-то небось свою четырехстволку минут пять заправляешь, если не дольше? По старинке забиваешь? Сейчас ружья подругому ладят. Полтора года уж как. Или не слышал? Мастера в Хилане всегда были, да вот только Пагуба позволила им придумки свои до верстака довести. И есть среди них… Ну да ладно. Теперь уж объявились умельцы и в Кете, стволы вот берем в Хилане, а остальное сами ладим. По образцам, конечно. Еще до Пагубы кое-какие мастера в Кету ушли. Но вот этот заряд – особый случай. Поспособствуешь – подскажу, как твою стрелялку обновить. Есть чем тебя удивить.

– Да уж и пропала охота удивляться, – заметил Кай.

– Удивляться – не дивиться, баба – не девица, – подмигнул охотнику Шарни. – Однако что зря разговоры заколачивать, когда мы еще не в Кете?

– О чем хоть речь затеваешь? – поинтересовался Кай.

– Некоторые секреты раньше времени выбалтывать – как чужим исподним махать, – прищурился Шарни. – И до позора не доберешься, как без головы останешься.

– Почему через Ламен не везешь товар? – спросил Кай.

– Не нужна кетскому ураю лишняя слава, – скорчил гримасу Шарни. – В Ламене стражники уж очень въедливые. Да и долог путь за Эрхой.

– Почему за Эрхой? – не понял Кай.

– Не все ладно по этому берегу, – вздохнул Шарни. – Да и спешить надо. Ждет мои подводы правитель Кеты, очень ждет.

– К усобице урай Кеты готовится? – опустошил кубок Кай.

– К защите от нее, – понизил голос Шарни. – По нынешним временам Кета лакомый кусочек. Золото, серебро, уже этого хватит, чтобы коситься на соседа. Но не только усобица во лбу свербит. Больно много пакости вокруг Кеты развелось. И не той, что от Пагубы происходит. Иной пакости, которая надолго захлестывает. Тати шалят, приделанные. Нехорошие слухи ходят, очень нехорошие. Ни одна кетская деревня без дозора ко сну не отходит. Да смотритель опять же этот хиланский не к добру. Хоть и не видел его еще никто, прячется он от пригляду, а все одно нехорошо. Трудно забыть, как и в Кете храмовые дробилки стучали. Никто этого не хочет.

– И Пагуба не пугает? – усмехнулся Кай.

– Пагуба страшна, когда ее ждешь, а когда она за четвер-

тый год переваливается, – Шарни вздохнул, покосился на небо, словно мог разглядеть сквозь потолок трактира багровые сполохи, – тогда уж начинаешь сравнивать. Лучше уж Пагуба, чем эта балахонная мерзость.

– Прочие почему через Ламен не пошли? – поинтересовался Кай.

– Кто как, – пожал плечами толстяк. – Таркаши-здоровяк из Гиены кому-то должен в Ламене, так что, пока не обернется с товаром в Кету да барыш не получит, в Ламен не сунется. Усити свой расчет имеет, у него товар тонкий, за него дорожный сбор высокий. А Такшан себе на уме, не под мой ключик замок.

– Сколько охранников у тебя? – спросил Кай.

– У меня – восемь, – сплел пальцы Шарни. – За каждого головой могу ручаться. Хиланцы, из клана Паркуи, но служат верно.

– Почему не нанял стражников? – поинтересовался Кай. – Харуна сказал, что с десяток молодцов тут ошивается?

– Ты бы посмотрел на них, – жалобно поднял брови Шарни. – По мне, так идти с такими охранниками через лес – это все равно что ножом в глазу ковырять. Они тут всем предлагали охрану, и недорого, да только никто не взялся. Говорили, что с полгода назад их старшина, которого Туззи кличут, подряжался вести из Кеты обоз с шерстяными тканями, так обоза того больше никто не видел. С тех пор и Туззи подряжается в охрану не до Кеты, а до первого дозора за пять лиг

от нее. К тому же он и сам набирает кого ни попадя. Вот на днях только пригрел бабу какую-то, что с юга в село пришла. Это ж надо, бабе – да в такие времена в одиночку теканские тракты мерить? Хотя баба – огонь! Локон светлый, стан тонкий, лицо – эх, будь я помоложе… Туззи сначала посмеялся над ней, а потом, когда она одному из его мерзавцев спуску не дала, пристроил к своим. А еще до того узкоглазого да лысого какого-то взял, тоже, наверное, с юга. Кто они? Чего от них ждать? Да и будь этот Туззи хоть праведник, каких мало, что к моим старичкам десять его умельцев? Маловато для моего груза. Опасно теперь через этот лес идти. А с другой стороны, и многовато, пожалуй, против моих восьмерых ветеранов.

– Десятка умельцев, значит, маловато, – Кай отодвинул блюдо, – а одного охотника с перебитым ребром да вспоротой ногой достаточно?

– Да слух про тебя идет, Весельчак, – пожал плечами Шарни, пряча под рубахой заряд. – Вроде лезешь ты всегда в самое пекло, а все никак не загнешься. Говорят, что даже Пустота не смогла тебя перемочь.

– Как же, – кивнул Кай, – хвастался муравей, что под сапог не попал. Прочие что везут? Сколько подвод?

– У Таркаши-гиенца три подводы, – заторопился Шарни. – Сыр везет. Лучший гиенский сыр. Много сыра! Он тут пяток кругов трактирщику продал, я пробовал, чуть было собственную руку до локтя не зажевал. Усити из Намеши

разное везет. Остроносый по всему Текану катается, осторожный, как крыса, хитрый, как лиса. У него вроде бы и медная посуда, и ножи из Намеши, и ювелирка и стекло из Зены, и шелк из Туварсы, и кожа из Гиены. Просто лавка на трех подводах. Ну а у этого негодяя Такшана две повозки. Обе крытые. Рабынь он везет. Девчонок. Двадцать душ. Где только наловил их, судя по выговору – гиенские, но все с Вольных земель. И ведь на всех ярлыки сумел выправить! Харуна уже справлялся у него, знаю. Хотел отбить даже, но куда против урайского права? Хиланские ярлыки, честь по чести! Вроде как не рабыни, а наемные. Ну так нас не обманешь, наемных в цепях не держат, дурманом не потчуют. Своих, что ли, подгребает? Хороши молодки, как на подбор, только спят почти все время, точно под дурманом. Вот как кормит – не знаю, но одна девчонка вчера как ходила за лошадьми, так и упала без чувств. Вроде с голоду. А может, побитая сильно? Как только под копыта не попала.

– Да уж, не хочешь ступить в дерьмо – сиди дома, а нет дома, считай, что уже в дерьме, – пробормотал, прикрыв глаза, Кай, потом вздохнул, повернулся к трактирщику, который притащил набитые продуктами подсумки. – Так что ходи, не бойся. Сколько с меня?

– Пять монет серебра, – буркнул трактирщик. – Это если с благодарностью.

– Хорошо, – кивнул Кай, распуская шнуровку кошеля. – Хотя и очень взлетела цена с прошлого раза.

– Ну так и ты не бесплатно мерзость бьешь, Весельчак, – оскалил редкие зубы в улыбке трактирщик. – Я слышал, за крупную тварь по золотому, по два сшибаешь?

– Ты бы у Харуны спросил, много ли я с него взял, когда в прошлом году с крайних сосен выводок пустотников снял, – покачал головой Кай. – Или у меня сундук с золотом за спиной? А знаешь, почему мне иногда и в самом деле по золотому платят?

– Жадный ты, вот и платят, – буркнул трактирщик.

– Может, и жадный, – задумался Кай. – Только когда меня нанимают, до меня, как правило, голову складывают несколько человек из тех, кто подешевле берет. Да и я ни разу не был уверен, что всякую мерзость перемогу. Ладно. Ухожу я. Вот деньги. А ведь уведу я от тебя едоков, хозяин.

– А и уводи, – подобрал монеты со стола трактирщик. – Новые подгребут. Особенно этого Туззи с его головорезами уводи. Если бы не Харуна, они бы разорили меня давно. Не очень-то платить хотят. Особенно есть там у него один мерзавец – Таджези. Только и смотрит – что бы украсть. И баба одна с мечом ходит. Недавно появилась. Тьфу, убил бы, пакость какая.

– Ну бабы с мечами бывают разные, – заметил Кай в спину трактирщику и тут же стал подниматься, потому как с улицы донесся глухой удар и чей-то негодующий вопль.

– Ну так что? – с надеждой уставился на охотника Шарни.

– Ничего, – одернул куртку Кай. – Послушай, порученец

кетского урая. Удивляться я не люблю, и нынешняя стрелялка меня устраивает, а вот о помощи попросить готов. Мало ли какой ветер по улицам Кеты гуляет? Дело у меня одно в твоем городе. Окажешь содействие при надобности?

– Отчего же не оказать? – просиял Шарни. – На плохое ты не подряжаешься, слышал, а в хорошем отчего не помочь?

– Я и в самом деле на плохое не подряжаюсь, – затянул ремень Кай. – Ну а проводником служить или охранником – не моя забота. Но в день делаю лиг по пятьдесят, хотя через лес медленнее выйдет, сберегаться надо. Ты в окошко-то посмотри. Твои соседи уже шатры свернули.

– Так я… – вытаращил глаза Шарни и ринулся прочь из трактира.

– Фартук забыл снять, – покачал головой Кай.

У входа в трактир собралась толпа. Кай быстрым взглядом пробежал по злым прищурам, мгновенно выщепил странные, словно вылепленные из воска лица охранников работорговца, каждый из которых помимо топора за поясом имел и кожаный хлыст, разглядел и наемных стражников, вооруженных и одетых кому как в голову взбредет. Один из них, худощавый, черноволосый ламенец, потирая руками грудь, сидел на земле и, шипя, изрыгал ругательства. Второй, коротко остриженный чернявый верзила, выше Кая на голову, постукивал по колену обнаженным мечом. Тут же стоял Харуна с десятком селян с копьями.

– Эй, зеленоглазый, – окликнул охотника высокий. – Меня зовут Туззи. Твой зверь лягнул моего парня. Едва не переломал Таджези ребра. Это неправильно. Смотри, сколько лошадей у коновязи, ни одна не лягается.

– А моя умнее прочих, – отозвался Кай, укрепляя на лошади подсумки. – Если увидит какую мерзость, лягнет обязательно. Ну а то, что ребра не проломила или нос не отгрызла, так это на первый случай, для острастки. Ты бы своего ублюдка не посылал больше чужие сумки ощупывать, а то так и вовсе шайку свою уполовинишь. Или он по собственному разумению к моей лошади подошел?

– Смелый? – оскалился в безумной усмешке и шагнул вперед Туззи.

– Обыкновенный, – ответил Кай.

– А ну-ка, – поднял руку Харуна, и тут же все его стражники выставили копья. – В моем селе кровь не проливать. Ни кучей, ни один на один.

– Ты бы, старик, это вчерашнему рыжему сказал, – прошипел Туззи, убрал меч в ножны, ухватил воющего Таджези за шиворот и потащил в сторону.

– Держи, Молодец, – сунул кусок лепешки в мягкие губы лошади Кай, отметив, что симпатии толпы были явно не на стороне пострадавшего от лошадиного копыта, но и в его сторону добрых взглядов не прибавилось.

– Ты бы… это… – почесал затылок Харуна, – уходил бы, что ли? А то ведь добром не кончится…

– Ухожу… – начал говорить Кай и вдруг что-то почувствовал – тень, быструю тень, которая сейчас, сию секунду, в это самое мгновение должна была пронзить ему левое ухо, выйти наружу у правого плеча и заставить упасть, захрипеть, теребя пальцами площадную пыль. Почувствовал и нагнулся.

Стрела почти облизала его затылок, дохнула смертельным ветерком. Миновала верткую цель, но иную цель все-таки отыскала – пронзила грудь нищего, который стоял у самых ступеней, верно предвкушая, на что потратит дарованные медяки.

– Вот ведь дурак, – сокрушенно скривился Харуна и заковылял, побежал вместе с сельскими стражниками к недалекой вышке.

Нищий умер почти мгновенно, даже хрип из его груди был короток. Кай оглянулся. Все, кто стоял у трактира, ринулись прочь, шатры будто ветром сдуло, лошади были запряжены в подводы, да и палатки перекочевали на подводы же. Кай кивнул и не слишком быстро, опираясь на здоровую ногу и сберегая бок, забрался в седло. В отдалении стражники Харуны стаскивали со сторожевой вышки стрелка. Подводы выстраивались в большой обоз. Впереди, запряженные парами мощных хиланских коней, встали повозки работорговца. Его охранники гарцевали на лошадях тут же. Знал Кай таких воинов, если уж и за Хапой не было им оседлой жизни, если перебрались обратно, да еще занялись постыдным ремеслом, значит, не имелось у них за душой ни стыда ни совести. Хо-

тя знал он и другое: если кто-то за что-то готов заплатить, всегда найдется тот, кто будет готов это продать. Но не из-за стыда они тянули на лицо смертные маски, не из-за стыда. Неужели дурманом баловались заодно с рабынями?

Обоз ждал только команды. Вслед за подопечными Такшана Кай выделил добротные повозки Шарни, видавшие передряги телеги Усити и крепкие, но годные скорее для горных троп узкие телеги Таркаши. Но охотника больше интересовали охранники. У Шарни их было восемь, все – седые ветераны, точно бывшие хиланские стражники. Таркаши охраняли гиенцы с пиками, скорее всего вчерашние пастухи. Было их шестеро, да три возницы, да сам Таркаши, десять и выходило. А вот Усити вовсе обходился без конных. Сам сидел на последней подводе с крепким возницей, на остальных тоже их было по двое. Но кажется, кроме пик у них имелись и луки. Зато уж воины Туззи, которые не спеша занимали места в хвосте обоза, вооружены были кто во что горазд.

Кай разглядел и пики, и секиры, и короткие топоры, и кинжалы, и мечи, и палицы. Наверное, у некоторых имелось что-то и почудней, и все это вооружение каждый из воинов Туззи нес на себе самом, словно боялся, что выскочившая из-под ног лошадь оставит его перед схваткой с противником безоружным. Только двое, как показалось Каю, действительно напоминали серьезных бойцов – смуглый, наголо обритый худощавый южанин и широкоплечая светлово-

лосая неулыбчивая кессарка в жилете с наклепанными на него бронзовыми дисками. К удовлетворению Кая, на ее милое лицо взглядов обращалось все-таки больше, чем на долгожданного проводника. Держалась она ближе к южанину, но ни в ней, ни в нем не чувствовалось ни крупицы страха. У обоих были мечи и короткие луки. Да, обоз выходил не маленьким, почти полсотни человек, да два десятка невидимых пока рабынь под прочным тентом повозок, да из общего числа обозных три десятка конных, да всего десять подвод…

Кай медленно тронул коня, на мгновение закрыл глаза и вдруг подумал о том, что за эти три года, которые прошли с того часа, когда над Хурнаем и над всем Теканом побагровело небо, не случилось ни одного дня, когда он мог бы никуда не спешить, ни о чем не беспокоиться, ничего не бояться. Впрочем, боялся он всегда не за себя. И даже теперь, когда его близкие вроде бы находились в безопасности, он вдруг почувствовал если и не страх, то беспокойство за этих, в сущности, чужих ему людей, которые были готовы углубиться в опасный, глухой лес на долгие две недели ради каких-то неотложных дел. Были ли эти дела столь важны, чтобы рисковать из-за них жизнью? Странная, необъяснимая усталость вдруг схватила за сердце Кая, стиснула горло. Три года пронеслись как один день. Как один серый, пропитанный кровью и болью день. Неужели, если бы не клочок пергамента, который сунул ему в руку чумазый подросток на портовой площади Хурная, он так бы и продолжал охотиться

на нечисть? Так нет ей ни конца ни края. Давно надо было отринуть все срочные и не слишком срочные заботы, чтобы заняться только одним – разобраться наконец, что происходит с ним, вокруг него и что все-таки творится под небом Салпы. В Намешу-то уже опоздал. Не опоздать бы в Кету.

– Кай! – Харуна сидел на старой кобыле и тяжело дышал. – Вот уж не думал, что успею, а ты, я смотрю, не только не торопишься, но и спишь на ходу? Ой, боюсь, что с закрытыми глазами до Кеты ты доберешься не скоро.

– Через две недели буду на месте, – пообещал старосте охотник.

– Я это… – Харуна почесал бороду, – под замок молодца посадил, чтобы остыл немного. А там уж посмотрим, высечь его или на урайский суд вытащить. Нищий-то нищий и есть, случайно в него парень попал. Совсем он голову потерял. Два брата их осталось, прочие родные все вот в этих домах сгорели. А эти втемяшили себе в голову, что ты виновник их беды.

– И где же второй брат? – поинтересовался Кай.

– Да к Туззи этому прибился, – сплюнул староста. – Одиннадцатым. Хороший ведь парень, жалко, а либо погибнет, либо сам в людоеда превратится. Ты посмотри там, белобрысенький такой, только-только семнадцать отмерил, ну дурень же! Педаном его кличут. Как услышишь – Педан, так это он.

– Чего ты хочешь? – спросил Кай, посмотрев вперед, где скривившиеся от ветров и окраинного простора сосны при-

крывали уходящую в лес дорогу.

– Ты это… – староста вздохнул, – сразу-то не убивай его, когда он попытается с тобой расправиться… Ну тресни его по башке, ногу сломай, но не убивай сразу-то? А?

Кай поднял глаза к небу. Тучи внезапно расползлись, и взгляду снова предстал красноватый небосвод, по которому сполохами пробегали языки пламени.

Глава 2
Ужас чащи

Чащи между Кетой, Намешей и руинами Харкиса ничем не напоминали Дикий лес, что раскинулся за струями Хапы и Блестянки. В них не осталось ощущения древнего, подспудного колдовства, которое когда-то было уничтожено, затем растворено в земле, но за века, вместе с древесными соками, поднялось в чудные кроны и наполнило воздух магией. Чащи Текана были просто чащами. Деревья поднимались высоко в небо, под ногами, копытами и колесами шуршала хвоя, окрестные заросли делал непроходимыми бурелом. Некогда широкую просеку, по которой теперь вилась дорога, затягивал молодой лес. Сигнальные башни иши, отмеряющие каждые пять лиг пути, от неухода покосились, а кое-где и вовсе упали. Бронзовые зеркала, передающие повеления правителя, пропали. Лес стоял глухой стеной, но все же оставался обычным лесом, и если путник не вглядывался в темноту чащи справа и слева от дороги, то вполне мог представить себя в каком-нибудь сосновом бору под Зеной. Одно отличие все же имелось: в чащах, через которые правил коня Кай и через которые за ним ползли подводы, царила тишина. Не было слышно ни щебета птиц, ни лая заигравшейся лисицы, ни писка мыши, ни зова оленя. Лес затаился. Не так, как зата-

ился однажды Дикий лес, в котором Кай, которого тогда еще звали Лук, наблюдал страшную охоту гончих Пустоты. Нет, теканские чащи никого не боялись. Они сами были *страхом*. Или же, в отличие от древнего леса некуманза, слились с источником ужаса в одно целое.

Кай двигался не спеша, отмерял за день по полсотни лиг, делая привал в полдень, думая больше не о собственном коне, который не успевал даже утомиться, а о следующих за ним повозках. Всякий раз привал случался либо возле узкой речушки, либо озерца, и во всякий раз никто из обозных и близко не подходил к Каю. В первый же день он обернулся, нашел взглядом Такшана, который держался у первой подводы с невольницами, и, кивнув ему, произнес только одно:

– Двадцать – двадцать пять лиг до полудня, привал на час-полтора, двадцать – двадцать пять лиг после полудня. Я остановился – все встали. Я тронулся – все тронулись. Оси всех телег должны быть смазаны, говорить вполголоса, а еще лучше не говорить, а слушать. На привалах половина народу отдыхает, вторая половина с оружием на изготовку смотрит в лес. Ночью то же самое. Горячее готовить вечером, с наступлением темноты костры гасить. Если что-то будет не так, пришпорю коня, и только вы меня и видели.

Такшан все понял без лишних объяснений. Не молчаливых воинов своих послал, сам отправился назад вдоль обоза, и сразу же прекратились выкрики, брань, да и тележные оси скрипеть стали меньше.

На второй вечер он прислал к Каю девчонку. Она была почти такого же роста, как и Весельчак, но юной, едва ли старше семнадцати лет. В руках у нее подрагивала миска с густой кашей. Кай, который только что обработал начинающие затягиваться раны и сменил тугие повязки, сидел, прислонившись к стволу двухсотлетней сосны, и собирался заснуть. Его черный конь обгладывал ветви дикой вишни неподалеку. Охотник окинул взглядом тонкую, даже худую незнакомку, не упустил ни войлочных бот, ни зачиненного льняного платья с закрытым горлом, рукавами до запястий и подолом до щиколоток, ни коротких, неровно остриженных черных волос. Шея у девчонки была длинной, отчего она казалась еще выше, но между шеей и волосами словно не было ничего – только два огромных глаза с синяками под ними от недоедания или от слез, да что-то изящное, настолько бледное, что казалось миражом, призраком. Чуть полноватые, покусанные губы, впалые щеки, тонкий нос, не слишком широкие скулы. Когда-то один крестьянин, которому пустотник раздробил плечо, умирая на руках у Кая, пожаловался тому, что все девчонки, с которыми он по молодости погуливал, были не слишком красивы, и жена у него была не слишком красива, и дочери, которых она ему нарожала за пятнадцать лет жизни, тоже не могли похвастать красотой, хотя любил он их такими, какими посылала их ему Пустота. И вот теперь, когда пришла пора умирать, когда уже давно были мертвы и жена, и все дочери, одного ему хотелось: что-

бы хоть смерть явилась к нему не в виде какой-нибудь деревенской страшилы, а в виде если не красивой, то хотя бы смазливой девчонки. Рабыня, которую прислал Такшан, годилась на роль смерти без оговорок. Она даже была бы смертью-красавицей, но именно смертью. Тут уж без сомнений.

– Чего хочешь? – спросил Кай.

– Такшан сказал, чтоб я отнесла тебе еды, – прошелестела она негромко, но твердо. И тени забитости не было в этом неясном существе. А ведь шла так, словно успела испробовать плетей, старалась, чтоб платье не касалось спины.

– Это все? – нахмурился Кай.

– Все, – кивнула она и после некоторого раздумья добавила: – И еще он сказал, что если ты захочешь…

– Обычно рабынями не разбрасываются, – заметил Кай.

– Я порченая, – вымолвила она чуть слышно.

– Больная? – не понял Кай.

– Порченая, – повторила девчонка, отвела в сторону миску, потянула ворот платья и показала Каю несколько сочащихся сукровицей ран – одну длинную, тонкую отметину от ключиц до начала припухлости девичьей груди и с десяток поменьше, но глубже.

– Чем это? – нахмурился Кай.

– Рукоятью вертела, – гордо расправила плечи девчонка. – Вот эту я, а вот эти Такшан, когда порчу заметил. Осерчал.

– Зачем? – не понял Кай. – Сама себя-то зачем?

– Плохой товар – долгий покупатель, – зашептала она. –

Больше времени, чтобы убежать.

– Разве от Такшана убежишь? – прищурился Кай.

– Убежала уже один раз, – гордо выпрямилась девчонка. – Два месяца в бегах была!

– И куда бегала? – спросил охотник.

– На море хотела посмотреть!

Заносчиво сказала, глаз прищурила, следующего вопроса ждала.

– И посмотрела? – спросил так, как хотела.

– Посмотрела! – расплылась в улыбке. – Даже полежала на хурнайском песке.

– А потом-то как тебя угораздило?

– Хотела в Гиену уйти на зиму, поискать родных, но под Намешей опять же на Такшана и наткнулась. Недавно. Он, как оказалось, уже успел раз со своим грузом обернуться. Не повезло. Он к тому же ярлык на меня не выбросил, так и попала опять в клетку…

– Высек? – спросил Кай.

– Высек, – вздохнула девчонка. – А я тогда вертелом себя прижгла. А уж после и он… И вообще…

В глазах ее заблестели слезы.

– А если останется шрам? – скрипнул зубами Кай.

– Точно останется. – Она гордо улыбнулась.

– Каша-то хоть не порченая? – поинтересовался Кай.

– Каша хорошая. – Она вздохнула.

– Охранники что едят?

– Мясо, – поморщилась девчонка. – Сушеное мясо без хлеба. Запивают водой. Ужас!

– Вас чем кормят? – спросил Кай.

– Такой же кашей. – Она сглотнула слюну. – По две горсти три раза в день. Мне по одной горсти. Я порченая. К тому же беглая.

– Ты падала в голодный обморок в Кривых Соснах? – понял Кай.

Она не ответила. Поджала губы, попробовала сузить взгляд, но глаза все равно оставались большими.

– Ешь, – сказал Кай.

Она не сказала «нет», но взглядом, дрожью, пронзившей тонкое тело, дала понять, что за ней могут смотреть.

– Ешь, – приказал Кай. – Такшану скажешь, что на шрамы мне плевать, я и сам в шрамах, да вот хоть на лбу, а девок люблю толстых.

Не испугалась, даже смешинка мелькнула в глазах, но есть стала, забрасывая в рот комки каши и быстро облизывая пальцы. И даже руками делала это аккуратно.

– Съела, – прошептала чуть слышно.

– Иди, – разрешил Кай.

Она уже шагнула в сторону обоза, остановилась, посмотрела назад через плечо, произнесла чуть слышно:

– В лесу очень тихо. Неспроста.

– Почему так думаешь? – спросил Кай.

– У меня бабка была ведьмой, ведуньей, – стала с присви-

стом шептать девчонка, словно кто мог услышать ее слова. – А я в нее. Чувствую.

– Что же, правильная у тебя была бабка, – кивнул Кай. – Иди уж.

Он был недоволен собой, потому что позволил себе посочувствовать девчонке, хотя прекрасно знал, что сочувствие – словно дыра в мешке. Кажется, через нее способно протиснуться лишь зернышко, но не успеешь оглянуться, как мешок становится пуст, и вот уже несет его ветром как драную тряпку.

На следующий день вдруг опять накатила жажда, которая не беспокоила Кая с Намеши, а вслед за нею стали попадаться следы рыжего и его четверых спутников. Нет, Кай и до этого различал отпечатки копыт, подкованных, что он заметил сразу, ламенскими кузнецами, но именно на третий день пути стали заметны проплешины, оставшиеся после пожаров. Странными показались Каю эти пожары. То обочина дороги, то сам тракт, то целые прогалки в лесу словно были выжжены огненным вихрем. Да выжжены так, что устланные пеплом пожарища соседствовали с нетронутыми зарослями, на которых даже листья не успели подсохнуть и свернуться – столь скоротечным был жар. В одном месте в молодом сосняке оказался выжжен целый грот. Земля почернела от огня, выгорела до песка, но молодые сосны, которые не только лишились части веток, но и стволов, сохранили зелеными вер-

хушки. Так и зависли, сцепившись ветвями с подружками.

Именно там Кай спешился, удовлетворенно кивнул, отметив, что и обоз мгновенно остановился, наклонился, осторожно вошел в выгоревшую полость. В ее конце была лежка зверя. Или засада, в которой тот хоронился. Когда пламя ударило в его сторону, зверь подскочил, снес несколько сосен, вырывая их из земли, развернулся, сковырнув еще пару деревьев, и понесся прочь. Длиной он был не менее десятка шагов, высотою с лошадь, а уж какой породы пустотная пакость почтила здешние земли – оставалось только догадываться. След был странным, казалось, что зверь опирался о землю не лапами, а огромными плоскими клешнями. И там, где он ступал, образовывались ямы. В каждую из них можно была спрятать голову человека. Кай даже приложил одну к другой две ладони, представил, как должна была выглядеть лапа чудовища, и с тревогой посмотрел вверх. С такими лапами неизвестная тварь должна была бы лазить по деревьям. Конечно, если бы нашлись в округе прутики, которые не смогут обхватить и двое рукастых мужиков. Впрочем, подобных деревьев хватало.

Когда Кай выбрался обратно на дорогу, там стояли Такшан, Усити, Туззи и белоголовый паренек с луком, который сверлил глазами охотника с ненавистью. «Педан», – понял Кай. Охотник окинул зрителей взглядом и прошел дальше по тропе. В трех десятках шагов в бурьяне лежали кости, обломки подвод, лоскуты ткани. Лежали, наверное, уже с ме-

сяц. Кости, которые успели побелеть, были свалены чуть в стороне, кучей. Они были раздроблены и, пожалуй, переварены.

– Вот и караван прошлый нашелся, – поежился Усити.

– Однако подпалил рыжий зверя, подпалил, – заметил Туззи, подмигивая Каю. – Теперь зверь еще злее будет. Или бежать бросится? Из-за него ведь тихо в лесу, из-за него?

Кай молча прошел мимо, залез в седло, обернулся:

– Если бы до Кеты паслось таких зверьков штук пять, по одному на каждую сотню лиг, я бы радовался.

– Почему? – крикнул ему вслед Туззи.

– Ядовитое дерево можно обойти, а вот ядовитый луг не перепрыгнешь, – отозвался Кай. – Легче пришибить одного огромного пса, чем отбиться от сотни мелких.

– Как ты собираешься пришибить этого пса? – заорал Туззи. – Да он перекусит тебя вместе с лошадью! Или ты думаешь, что у этого каравана охраны не было?

– Если хочешь попробовать пришибить его сам, можешь обогнать меня, – бросил через плечо Кай и двинулся дальше.

Теперь он посматривал не только по сторонам, но и вверх: слишком напоминали отпечатки на земле следы древолазов, что ковыляли в туварсинских джунглях от дерева к дереву, прежде чем повиснуть на плодовых ветвях вниз головой. Конечно, для такого гиганта и деревьев подходящих пока не попадалось, но готовым следовало быть ко всему. Кай по-прежнему надеялся на собственного коня, который позволял

ему спать ночами, но рассчитывал всегда только на себя, а значит, крепкий сон ближайшей ночью Каю не грозил. Вечером к нему опять пришла девчонка, и он снова заставил ее съесть миску каши.

– Как ты попала в эту передрягу? – спросил Кай.

– Все вольные в передряге, – ответила она ему. – Многие поселки сожжены. С гор спускаются кусатара, их тысячи. И не только они. Лами с Восточных Ребер и даже малла словно озверели. Или ты не слышал?

– Слышал, – пожал плечами Кай. – Тати хотят очистить левый берег Хапы от людей. Подобное бывало и раньше, но всегда люди брали вверх. Подожди, закончится Пагуба, Текан поднимется, ураи соберут Большую Тулию и изберут нового правителя. А уж ему ничего не будет нужно, кроме маленькой победоносной войны. А еще лучше – большой войны. Кусатара снова спрячутся в своих крепостях, малла в своих дуплах, лами в своих норах.

– И долго мне ждать? – Она наклонила голову к плечу. – И дождусь ли я? А если я скажу тебе, что теперь все иначе? Что все тати объединяются для другого? Что они хотят вовсе уничтожить Текан? Воспользоваться тем, что Пагуба затянулась и проредила число людей как никогда? Многие вольные теперь возвращаются на правый берег Хапы, но не найдут покоя и там. А кое-кто осмеливается строить дома на окраине Дикого леса. Мой отец тоже собирался, да вот не успел.

– И твой поселок тоже уничтожили тати? – спросил Кай.

– Да. – Она судорожно вдохнула, словно вынырнула с глубины. – Странные тати. Словно одурманенные. Некоторые как будто напоминали неведомых чудищ. Было страшно. Многих, кого я знала, разорвали на части и сожрали у меня на глазах.

– Но ведь ты осталась жива? – заметил Кай. – Почему ты осталась жива? Если твой поселок сожжен, если тати хотят уничтожить людей, почему ты жива?

– Сама удивляюсь. – Она покачнулась, оперлась рукой о ствол орешника. – Странно. Второй раз ем досыта, и второй раз меня клонит в сон. Опять просплю до утра. А раньше не могла заснуть. Странно, что я жива. Я ведь многих тогда убила. Но потом меня ударили по голове. У них были такие узкие кожаные мешки с песком. Как чулки.

– Ты многих убила? – не сдержал улыбки Кай. – Наверное, раздавала щелчки малла? А потом тебе сохранили жизнь как самой шустрой? Или самой глазастой?

– Не знаю. – Девчонка пожала плечами. – Если бы ты видел, охотник, скольких перебили в нашем поселке. Оставляли только девчонок да юнцов, что покрепче. Я слышала, что их отправили в Гиблые земли. В шахты. И на рудники кусатара. Говорили, что и там и там – верная смерть. Тати нужно оружие, значит, нужна руда, металл. А девчонок отправляют куда-то под Кету. Будут делать их то ли воинами, то ли женами. Наверное, где-то не хватает жен. Такшан хвастался спьяну.

– Что собираешься делать? – спросил Кай.

– Все равно опять сбегу! – прошептала она. – Чуть позже!

– Позже? – не понял Кай.

– Мне надо в Кету, – почти беззвучно прошелестела девчонка. – Сама собиралась пойти туда следующей весной, а тут такая оказия. Так не проще ли добраться до нее в веселой компании?

– Ты это называешь «веселой компанией»? – удивился Кай. – А что в Кете забыла?

– Ты тоже мне все свои секреты расскажешь? – усмехнулась она.

– Послушай, – он с подозрением прищурился, – не могу избавиться от мысли, что где-то тебя уже видел. Лицо твое мне точно незнакомо, но когда говоришь или двигаешься… Ничего в голову не приходит?

– Приходит, – кивнула девчонка. – Знакомиться не умеешь. Туговато у тебя с фантазией, охотник. Мог бы и поинтереснее что-нибудь придумать.

– Сказала Такшану, что я заставил тебя съесть кашу? – с усмешкой поинтересовался Кай.

– Нет. – Она сжала губы в линию. – Он ведь чего-то хочет от тебя. А вдруг поверит твоим словам, да и в самом деле пришлет кого потолще? А я что? Буду с голоду подыхать?

– Как тебя зовут? – спросил Кай.

– Каттими, – гордо расправила худые плечи девчонка. – Я дочь кузнеца!

– Плохая примета, – вздохнул Кай. – Для меня плохая. Однажды… Ладно. Скажи-ка мне, тебе не показалось, что у твоего Такшана руки длинноваты? И брови уж больно черны?

– Он полукровка, – выпятила девчонка губу. – То ли бабка, то ли дед у него из кусатара. Ну так и руки у него длинноваты, но не до колен же? Он ведь и сам этого не скрывает. А то стали бы с ним разговаривать тати? Он же за героя себя числит! Мол, выкупает у тати людей. А то, думаешь, как ему хиланские ярлыки достаются?

– Понятно-понятно, – задумался Кай.

– Что за плохая примета? – Она все еще стояла в десяти шагах от него, зевала, прикрывая рот ладонью. – У нас в поселке встреча с кузнецом считалась удачей.

– Да так, – ответил Кай. – Однажды я встретил дочь кузнеца, и после этого моя жизнь перевернулась.

– Влюбился? – загорелись у нее глаза.

– Нет, – махнул рукой Кай. – Просто все совпало. С ней все в порядке, думаю, она даже счастлива. Моя жизнь перевернулась. Не из-за нее. Из-за меня. Ты что-то еще хотела спросить?

– Ага. – Она взъерошила короткие волосы. – Почему тебя кличут Весельчаком? Я еще ни разу не видела, чтобы ты улыбался.

– А вот так? – Кай старательно растянул рот.

– Да ну тебя, – надула губы Каттими, – я лучше пойду.

– Ладно, – проворчал Кай и добавил, когда девчонка обернулась: – Как-то я встретил одного путника, у которого была кличка Лохматый. Так вот он был лыс, что твоя коленка. Понимаешь?

– Так ты Весельчак, потому что никогда не смеешься? – поняла Каттими. – А почему ты не смеешься?

– Невесело мне, – процедил сквозь зубы охотник.

Холод накатил под утро. Кай мгновенно открыл глаза и секундой позже услышал предупреждающий храп лошади. Его конь стоял опустив голову, прижав уши, словно он был не лошадью, а огромным псом, и смотрел вперед, в сторону распадка, заполненного утренним туманом, в который дорога ныряла, словно в молочную реку. А ведь только вечером он набирал воду в текущем там ручье.

– Тихо, тихо, – прошелестел Кай, снимая с лошади сразу и ружье, и копье. – Тихо, Молодец. Умник, коняшка, умник. Я тоже вижу. Густоват туман, густоват. Не все чисто с туманом. Только нам никак не нужно встречать его там. Там болотина, его нужно встретить здесь. Но он не пойдет сюда просто так. Ведь ты меня понимаешь?

Конь с сомнением фыркнул охотнику в щеку.

– Ну я же не всегда предлагаю тебе такой трюк? – усмехнулся Кай, с гримасой перетягивая повязку на груди. – Очень редко. И он пока что никогда нас не подводил. Ведь так? С меня лепешка, приятель.

Мягкие губы прихватили охотника за плечо.

– Только будь осторожен, – попросил коня Кай, вытащил из-за пояса нож, вновь надрезал многострадальную ладонь, промокнул в крови платок. – Очень осторожен, – повторил Кай и привязал платок к сбруе. – Он на кровь пойдет, точно тебе говорю.

Конь фыркнул и поскакал вниз по дороге. Не сводя с него взгляда, Кай перебежал на левую сторону тракта, остановился под раскидистой сосной, заставившей даже дорогу вилять у ее корней, сорвал с плеча моток веревки, перекинул ее через толстый сук высоко над головой, свободный конец закрепил на поясе. Между тем конь доскакал до молочного месива, окунул в него копыта, погрузился почти по брюхо и вдруг резко рванулся назад. Каю даже показалось, что он увидел взметнувшуюся над туманом лапу. Раза четыре ему приходилось отправлять верную лошадку выманивать из засады какую-нибудь мерзость, но никогда конь не рвался назад с такой скоростью. И вслед за ним из распадка не побежал зверь, а пополз сам туман. Он накатывал волной, так, будто сердобольная хозяйка подхватила в печи чугунок и выскочила с ним в зимнее морозное утро, и там чугунок покрылся паром, скрылся в пару. И вот уже хозяйки нет, но источник пара словно несется сам по себе и против ожидания окатывает не кипятком, а холодом.

Конь домчался до Кая за секунды, охотник зацепил за упряжь крюк, которым заканчивалась веревка, и ринулся вперед, чтобы присесть меж молодых сосенок, распушивших

ветви у обочины тракта. Он разглядел в клубах тумана зверя, когда до него оставалось с пару десятков шагов. Тот не был слишком быстр, верно, думал, если вообще мог думать, что его добыча все равно никуда не денется. Да и запах не обманывал зверя: пахло людьми, лошадьми, кожей, тканями, сталью. Всем, что было столь лакомым и доступным, исключая разве что недавних злых всадников, которые обожгли ему морду, плечи и передние лапы. Всякий, разглядевший зверя издали, решил бы, что он видит медведя. Но медведя-уродца, потому как голова его была непомерно велика даже для медвежьего туловища, а лапы слишком длинны, и сам он был чересчур велик для медведя, и не бежал он, а скакал, потому как отталкивался от усыпанного хвоей тракта не подушками вооруженных страшными когтями клешней, а их оборотной стороной, он словно опирался о землю кулаками! Всякий, увидевший зверя вблизи, умер бы от ужаса, потому как тот был в два раза больше лошади, и на его обожженной морде горели бешеным пламенем вместо глаз огненные щели.

Кай передумал в мгновение. Выставлять против такой туши даже пятилоктевое копье было равносильно попытке отогнать грозовую тучу, надувая щеки. И он выстрелил в зверя сразу из четырех стволов. Однажды ему приходилось стрелять сразу из двух. Тогда он чуть не вывихнул себе плечо. На этот раз Кай оказался более предусмотрителен: к прикладу ружья заведомо была прикреплена прошитая кожей войлочная подушка, да и куртка была усилена кожаными вставками

как раз на груди, но все же удар оказался столь сильным, что он на мгновение потерял сознание. А когда пришел в себя, понял, что лишился и слуха. И все же вой зверя перешиб даже временную глухоту. К счастью, конь охотника не оплошал, в момент выстрела он рванулся прочь и в тот краткий миг, на который Кай обратился в безвольную куклу, успел вздернуть хозяина на достаточную высоту, чтобы зверь проскочил под ним.

– Ну и тварь, – только и вымолвил Кай, с трудом взбираясь на толстый сук и глядя, как окровавленное, ослепленное чудовище ломает клыки о выпавшее из рук стрелка ружье, и почти сразу заорал что было силы: – Здесь я! Здесь! Сюда!

Зверь расслышал призыв мгновенно. Ружье отлетело в сторону, развороченная морда, на которой среди кусков плоти остались только зубы, обратилась вверх, и длинные лапы, нащупав ствол, тут же раскрылись клешнями древолаза. Они не просто вцеплялись в кору, они прокалывали, щепили саму древесину гиганта.

Кай встретил чудовище у основания сука. Загнал в глотку копье, подпрыгнул, уходя от удара когтистой лапы, уцепился за следующую ветвь, взобрался на нее, а потом уже сек и рубил ползущую за ним по стволу мерзость мечом, пока та, потеряв обе лапы и изрядную часть головы, не рухнула к основанию дерева грудой распадающейся в черную слизь плоти.

Когда Кай спустился на землю, его ноги дрожали. Сосны больше не было. Верхушка еще держалась, но на три десятка локтей ствол лишился половины сучьев и оказался выгрызен с некоторых сторон до сердцевины. Конь Кая, раздувая ноздри, ткнулся ему в плечо.

– Две лепешки, – хрипло выдохнул охотник и полез в поясную сумку за обещанным. – В этот раз мы обошлись без новых ран, хотя старые, похоже, открылись.

Молодец с удовольствием принял лакомство, а Кай, зажав нос платком, приблизился к поверженной туше и потянул за торчащее между огромных клыков древко. Извлеченное из пасти зверя копье было исковеркано – поперечина смята, лепесток наконечника прокушен. Вдобавок плоть чудовища оказалась ядовитее обычного. Сталь осыпалась на глазах. То же самое стало и с ружьем. От приклада не осталось ничего, стволы были смяты, замки сплющены.

– Говорят, что такая же туманная тварь скоблила когтями ворота Намеши, – хрипло заметил подошедший Такшан. – Ворвалась бы в город, вся намешская гвардия бы не справилась с нею. Но тут на дороге показался обоз беженцев, торопящихся в город, она и отвлеклась. Перекусила обозом и пошла на запад. Может быть, это она и есть?

– Может быть, – кивнул Кай.

– Ты, Весельчак, сделал бы честь любому войску, – с интересом пробормотал Такшан.

– Боюсь, что не любое войско сделало бы честь мне, – от-

ветил Кай и бросил обломки ружья Шарни, который бледнее бледного трясся за спиной Такшана. – Держи, купец. На память. Похоже, придется выторговать у тебя другое ружье.

– Я – не купец, – поправил охотника Шарни и посмотрел на него с надеждой. – Ты не бросишь нас?

Кай смотал веревку, поднялся в седло, взглянул на обоз, готовый то ли продолжать путешествие, то ли разворачиваться вспять.

– Нет, конечно, а то ведь следующая тварь, вместо того чтобы перекусить обозом, пообедает мною. Кажется, в прошлый раз я погорячился насчет пяти таких зверьков. Да и еще одно дельце у меня к тебе появилось, Шарни.

– Какое? – прохрипел тот.

– Копья у меня больше нет, поможешь с хорошим оружейником?

– Это самое легкое, что ты мог у меня попросить! – с радостью отозвался толстяк.

– Вот и славно, – пробормотал под нос Кай и сдвинул брови, разглядев холодный огонь в глазах Такшана.

Птицы запели на пятый день пути. Но вечером четвертого дня Кай увидел, что след рыжего и его спутников покинул тракт. До узкой речушки, которая пересекала спустившийся в глубокий овраг тракт каменистым перекатом, следы коней были, после нее – нет. Кай спрыгнул с коня, скинул сапоги, вошел в холодную воду и прошел вниз по течению с сотню

шагов. Когда вернулся, на дороге увидел Туззи, сидящего в седле.

– Рыжий по воде ушел? – понимающе ухмыльнулся верзила. – И ты за своим дружком?

– Нет, – покачал головой Кай.

– Да ладно, – махнул рукой Туззи. – Середина пути почти. Что тебе обоз? Я дорогу по руслу Каменной речки знаю. Выводит она прямо к Эрхе, ну, правда, на сотню лиг южнее Кеты, да и сама речка сотню лиг лишних петлями раскидывает по чаще, но зато без забот. Южный край леса спокойнее.

– Телеги не пройдут, – сказал Кай.

– Так ты ж вроде не нанимался ни в проводники, ни в охранники? – прищурился Туззи.

– Я вот не пойму, кем ты нанялся? – поинтересовался Кай. – Или ты в удовольствие за обозом тащишься.

– Не твое дело, – оскалил зубы верзила. – Может быть, я в Кете наряд на охрану возьму?

– Ага, – кивнул Кай. – За пять лиг от города. Наверное, толпятся уже заказчики? Ждут славного воина…

– Ты язычком-то поосторожнее шевели, – прошипел Туззи. – А то ведь он о зубки пораниться может. Я ведь не мерзость пустотная, с дури под твой клинок не попрусь. Издали возьму. А то и деревенщину свою с цепи спущу. Хочешь стрелку в затылок заполучить?

– А что, приятель? – Кай присел на камень, натягивая сапоги. Он с трудом сдерживался, чтобы не прикончить мер-

завца немедленно. Хотя был ли он уверен, что Туззи – мерзавец? Да и если бы пришлось убивать всех мерзавцев, под ногами бы хлюпало от пролитой крови. – Может быть, сойдемся клинок в клинок? Да вот хоть прямо здесь? Ты не бойся, видишь, я и хромаю, да и бок у меня не в порядке. Рискнешь обнажить меч? Как думаешь, если я тебя окорочу на половину локтя, разбежится твое воинство или нового вожака выберет? Ну что, дальше с обозом пойдешь или свернешь на Каменную?

Туззи схватился за рукоять своего меча немедленно, но из ножен его не выдернул. Покраснел, как небо в разгар Пагубы, прошипел что-то неразборчивое и развернул коня прочь.

Вечером к Каю снова пришла Каттими. Нельзя сказать, что она округлилась за последние дни, но что-то на ее лице, кроме глаз, появилось. Она вновь предложила Каю кашу, вновь безропотно съела ее сама, жалуясь, что, с тех пор как стала есть больше, каждый вечер проваливается в сон, как в черную яму. Конечно, может быть, в каше есть какое-то сонное средство, только зачем Такшану усыплять Кая? К примеру, если бы тот спал прошлой ночью, то страшный зверь не только расправился бы с проводником, но и разнес бы весь обоз.

– Я не проводник, – в который раз повторил Кай, с неудовольствием понимая, что любуется девчонкой, глаз не может от нее отвести. – Я иду своей дорогой, так совпало, что за мною тащится обоз. Вот и все.

– Вот и все, – шмыгнула носом Каттими. – Однако горазд ты сам себе лгать. Все вы мужики такие… Слушай, а может, и нет никакого сонного порошка? Запашок какой-то имеется, но Такшан ведь в каждый котел всяких трав чуть ли не по две горсти сыпет. Раньше мне не давал уснуть голод, а теперь я каждый вечер чувствую тяжесть в животе. И сплю.

– Подойди, – сказал ей Кай.

Она послушно двинулась вперед, но в двух шагах от охотника остановилась, задрожала, замерла.

– Дай миску, – попросил Кай.

– Я уже все съела. – Румянец вовсе залил ее щеки.

– Дай миску, – повторил Кай, подхватил жестянку, отметил, что руки Каттими под стать ей самой, тонкие, изящные, но не изнеженные, крепкие, поднес котелок к носу, втянул аромат не так давно наполнявшего его кушанья.

– В другой раз сам будешь есть? – спросила с тревогой Каттими.

– Нет, – мотнул головой Кай. – Я бессонницей не страдаю. Сонной травой разит от твоего кушанья. Но настой слабый. С ног не свалит. Тебе да твоим подружкам по несчастью больше и не надо, а на воина не подействует, разве только добавит пару зевков. Другое плохо – отвыкать от этой травы долго придется. С неделю уснуть не сможешь толком без нее. Прочие рабыни, наверное, и днем спят?

– Точно, – кивнула Каттими. – Спят и не жалуются. Только круглее становятся. Мне раньше голод спать не давал, а

теперь и я даже днем то и дело зеваю.

– Тогда зачем он присылает тебя? – спросил Кай. – Кушаньем таким меня не усыпишь, да и догадывается он, что я не ем его каши. Или думает, что ты специально щеки надуваешь, чтобы полнее выглядеть?

– Он странный, – прошептала девчонка. – Спит сидя. Кажется мне, что в темноте видит. У него даже глаза будто светятся. Ну здесь-то над дорогой просветы, ночное небо мерцает углями. И глаза у Такшана мерцают. А еще он постоянно бормочет что-то и на земле чертит и угольки раскладывает. Сейчас не знаю, сейчас я сплю, а раньше точно раскладывал. Он всех на поводке хочет держать. И тебя хочет держать. Днем, пока обоз тащится, он постоянно отстает, с купцами разговоры заводит, но они отмалчиваются вроде. Зато Туззи частый гость. То и дело под полог заглядывает, языком цокает. Туззи хотел купить меня, только не насовсем, а на ночь. А Такшан не продал, сказал, что давал бы коня покататься, если бы у просильщика задница была без шипов.

– Спроси у хозяина, сколько он хочет за тебя? – не удержал во рту глупые слова Кай.

Вспыхнула девчонка, как весенний луговой цвет. Развернулась и только что не бегом припустила обратно к обозу.

Такшан догнал Кая утром. Тот как раз пересек оставшуюся от давнего пожара поляну, на которой поднимался молодой лес, вслед за охотником на поляну выкатили подводы,

и впервые с начала путешествия раздавшиеся над головой птичьи трели заставили охотника улыбнуться.

Работорговец поравнялся с Каем, хмыкнул, глотнул вина из висевшей у седла фляжки, наконец спросил:

– Зачем она тебе сдалась?

– Прицениться – не значит покупать, – заметил Кай. – Ты непорченых по какой цене сдаешь?

– По разной, – оскалился в усмешке Такшан. – Оптом сдаю, кучей. Есть нужные… люди, сами все устраивают. Баба тебе зачем? Была бы нужна, давно бы оприходовал. Я ж ее к тебе бесплатно засылал.

– А я подарков не принимаю, – ответил Кай. – Долгов не люблю. Всякий подарок как долг. Хоть поклон, а все одно должен. А когда человек кланяется, с чего бы его не тюкнуть по темечку?

– Да уж, – хмыкнул Такшан, изогнув сросшиеся брови над переносицей, – тебя тюкнешь, как же. Твоя слава вперед тебя идет.

– Славы не ищу, – ответил Кай. – Что под ноги бросается, перешагиваю, что ветром лепится, стряхиваю. Что хочешь за девчонку?

– Да что у тебя есть-то, кроме лошадины твоей? – не понял Такшан. – Пику с ружьем и то потерял. А не кочевряжился бы, хорошую бы монету за этот перегон взял.

– Перегон еще не закончился, – заметил Кай. – Полпути впереди. Разное может стрястись. Когда я на себя работу бе-

ру, люблю, чтоб и в закладе я один был. Надорвусь, так сам и пострадаю, на чужой живот грыжу не навешу.

– Брось, – снова засмеялся Такшан. – Ты свою работу уже сделал. Посмотри вокруг: птички поют, цветами пахнет, ветер ветви колышет. Не томи себя домыслами. Избавил лес от мерзости пустотной – радуйся. Монеты на том не заработал, сам дурак.

– Радуюсь, – кивнул Кай. – И сам дурак тоже. Но за дорогой смотрю и смотреть буду. Сколько за девку хочешь?

– А сколько дашь? – оскалился Такшан. – Порча-то у нее немудреная. Если впригляд пользовать, вроде и есть. А если на ощупь, то, Пустота с ней, пальцы-то не занозит. Сама она вот занозистая. Пришиб бы я ее давно, да порчу увеличивать не хотел. Так сколько?

– Порча немудреная, – кивнул Кай. – Но ведь оно как, не в том беда порченого клинка, что выбоина в нем, а в том, что сломаться он может в том самом месте.

– Так ты рубиться ею хочешь или любиться? – загоготал Такшан.

– Мое дело, – отрезал Кай. – Она ж ведь с норовом? Сбегала от тебя, сама себе кожу прижгла. Может быть, я приструнить ее хочу? А захочу, живьем в землю зарою.

– Так и захочешь? – зацокал языком торговец.

– Десять монет серебром даю, – сказал Кай.

– Десять монет за такую девку? – вытаращил глаза Такшан. – Да она одной каши сожрала на две монеты серебра.

Ты видел, какие у нее глаза?

– Вот за глаза и плачу, остальное еще откармливать да выхаживать. Хватит придуриваться, Такшан. Я же не на рынке. Сказал бы пять монет, ты бы и за пять ее продал.

– Это почему же? – не понял торговец.

– Тебе нужно, чтобы она была со мной, – объяснил Кай. – Сначала ты посылал ее ко мне с кашей. То, что ты сонную траву в кашу мешаешь, меня не насторожило. Ты еще на перевале у Парнса похожую кашу варил, зачем тебе вопли невольников? Ты их любишь спокойными возить, тихими. Нет, ты хотел, чтобы я к девке прирос. А вот зачем тебе это, пока не знаю. Но всякий воин, у кого на крупе коня девка сидит, считай, это половина воина.

– Э! – погрозил пальцем Каю Такшан. – Правильно думаешь, да неправильно считаешь. Мне что воин ты, что половина воина, все без разницы. Мне главное, чтобы торговля была. Каждый торговец свой товар хвалит. А мой товар сам себя хвалит. Я тебе отдам девку за десять серебряных монет. Полновесных, хиланских. Но не потому, что она столько стоит. Ей цена пять золотых, а если бы не порченая была, все бы десять взял. Но вот если бы не ты, я и ее бы потерял, и остальных девок, да и сам бы не пережил того зверька. А я, как и ты, долгов не люблю. Накинь хоть монетку за балахон ее? Крепкий еще балахон.

– Десять, – бросил кошелек торговцу Кай. – Балахон мне ее ни к чему.

– Ну как знаешь, – оскалился в усмешке Такшан и подал коня назад.

Каттими прибежала в полдень, во время привала. Она была голой, только бронзовый браслет с обрывком стальной цепи поблескивал у нее на правом запястье да татуировка тонким узором овивала шею, талию, запястья и лодыжки. Щеки ее горели, грудь, которую она пыталась прикрыть одной рукой, вздымалась, вторая рука позвякивала цепью у лона. Со стороны повозок Такшана, которые остановились в полусотне шагов, донесся свист. За представлением наблюдала чуть ли не вся десятка Туззи.

– Руки опусти, – приказал Кай.

Она прикусила губу, но руки прижала к бедрам. Никаких отметин на теле, кроме покрывшихся коркой ожогов и странного орнамента, охотник не разглядел.

– Повернись.

Она повернулась спиной, исполосованной следами от плети. Изогнула шею, спросила с неожиданной злостью:

– Может, нагнуться? Все рассмотрел, новый хозяин? Нравлюсь?

– Очень, – серьезно ответил Кай и вдруг и сам почувствовал, что жар захлестывает его от ушей до пят. – Давно не видел такой красоты. Очень давно. Но я не красоту рассматриваю. Такшан ничего не навесил на тебя? Ничего не нарисовал? Ни охрой, ни иглой? Говори сразу, а то ведь наизнанку

выверну.

– Ничего. – Она неожиданно всхлипнула. – Татуировки мои, деревенские. От наговора и прочей гадости. А если Такшан и навесил еще что, то я о том не знаю. Злой он. Подошел ко мне с топором, я думала, что зарубит сейчас. А он хватанул по цепи, сказал, что ключ от браслета потерял. А потом платье с меня содрал и войлоковки с ног велел скинуть. Мол, за девку уплачено, а за одежду нет. А эти… смотрели. Туззи даже с этим, как его, с Таджези по рукам ударили, кому я достанусь, когда тебя убьют.

– Ну-ка… – Кай протянул руку, поймал тонкое запястье, пригляделся к тяжелому браслету с затейливым замком. Отполированная поверхность от петли до петли была покрыта какими-то письменами, непонятной упругой вязью.

– Такшан сказал, что в Кете мастеров полно, кто-нибудь снимет браслет, – прошептала Каттими, стараясь держаться за плечом Кая.

– Что тут написано? – не понял Кай. – Что за язык? У остальных невольниц такие же браслеты?

– Нет, – замотала головой девчонка. – У них стальные защелки на лодыжках и замки навесные, обычные. Да и этот он на меня нацепил только тогда, как мы из Кривых Сосен вышли. Как на беглую нацепил. Но ты не думай, вот ярлык на меня, он попятную не возьмет. Вряд ли… возьмет.

Она протянула Каю сжатую во второй руке полоску кожи с печаткой работорговца, неожиданно вновь оказалась перед

охотником во весь рост, ойкнула и опять шмыгнула к нему за спину. От подвод Такшана снова раздался свист и хохот.

– Вот. – Кай открыл одну из сумок, висевших на боку лошади, вытащил несколько свертков. – Здесь пара белья, порты, рубаха, платок. Куртки пока нет, придется довольствоваться одеялом, но до осени мы уж точно будем в Кете. Зато есть пара сандалий, их можно зашнуровать под размер. Все будет тебе велико, но уж придумай что-нибудь. Есть хорошая бечева, распусти на нитки, иголку я дам.

– Что ты будешь делать со мной в Кете? – Она судорожно натягивала на ноги большое, не по размеру, белье.

– Ничего. – Он пожал плечами. – Ты же не вещь. Да и забота у тебя какая-то была в Кете. Так ведь? Дам тебе пару монет да отпущу. Хочешь, пристрою в какую-нибудь мастерскую.

– Продашь все-таки? – Она стиснула губы.

– Дура, – заметил Кай и сунул ей в кулак ярлык. – Можешь подтереться им.

– И часто ты разбрасываешься деньгами? – Она снова покрылась румянцем.

– Вот так – впервые, – признался Кай. – И уже чувствую себя дураком. Ты будешь есть или нет? Правда, на кашу с сонной травой не рассчитывай. Я ем простую пищу.

– Куда уж проще. – Путаясь в штанах, она села рядом с ним, оторвала от пласта копченой форели полоску, отломила кусок лепешки, сунула все это в рот, взяла мех с вином,

глотнула и чуть не подавилась, закашлялась с выпученными глазами.

– Пей вот из этого, – подвинул ей другой мех Кай. – То слишком крепкое. Я взял его, чтобы промывать раны.

– Разве кто-то ранен? – Она наконец смогла отдышаться. – Прости, забыла про кровь на твоей ноге.

– Нога заживает, бок утихает, – отмахнулся Кай. – Не затем запас запасают, чтобы запасом хвалиться, а чтобы не разориться. Вот тряпица, промой как следует ожоги на груди. Они воспалены, а мне хотелось бы залатать твое тельце побыстрей.

– Зачем? – Она с подозрением сдвинула брови.

– Чтобы ты наконец перестала вызывать жалость, – отрезал Кай. – Ешь быстрее. Скоро трогаемся. До Кеты еще пять или шесть дней пути, но надо покинуть этот лес побыстрее. Как поешь, нарви вон тех оранжевых цветов.

– Зачем тебе цветы? – удивилась Каттими.

– Эти цветы тебе, – поднялся на ноги Кай.

– Мне? – Она вновь разрумянилась. – У нас в деревне парни девушкам дарили бусы. Цветы дарят только перед свадьбой. И потом, парень должен собрать их сам. Собрать и сплести венок…

– Забудь о свадьбе, – оборвал ее Кай. – Это огнецвет. Собери не менее десятка бутонов, затем тщательно их пережуй.

– Зачем? – Она вновь удивленно подняла брови.

– Во-первых, получившаяся кашица хорошо заживляет

раны, поможет избежать уродливых шрамов, – объяснил Кай. – А во-вторых, до завтрашнего дня я буду избавлен от твоей болтовни.

Глава 3
Тати и нелюди

Вторую половину дня Каттими бежала, держась за стремя. Сначала она пыталась возмутиться, но рот ее был связан огнецветом, язык не слушался, да и Кай тронул коня с места, сзади загремели повозки Такшана, и она побежала. Держалась она неплохо, сразу же успокоила дыхание, правильно ставила ноги, вот только сил у нее все-таки было немного. Уже к пятой лиге дыхание стало прерывистым, на лбу выступила болезненная испарина, в груди начал раздаваться хрип. Кай спрыгнул с лошади, подхватил неожиданно легкое тело Каттими и посадил ее в седло.

– Держи. – Он протянул ей фляжку с водой. – И готовься. Завтра тебе тоже придется поработать ногами. А пока я займусь своей ногой, а то так и буду на каждый прыжок кровоточить.

Она пробежалась еще раз и в первый день. Ее опять хватило ровно на пять лиг, но вместо хрипа из груди раздавалось пусть и тяжелое, но все-таки дыхание. Вечером, когда Кай остановил коня в ельнике, она упала на подушку из хвои почти без сил, но, поев, не только не улеглась спать, но взяла у Кая иголку и принялась распускать на нитки кусок веревки.

– Ты не боишься спать? – с трудом ворочая языком, спросила она охотника, когда тот расстелил под низкими ветвями одеяло.

– Не боюсь, – зевнул Кай. – Вот не проснуться – боюсь, но на этот случай у меня есть мой конь. Он лучший сторож на стоянке, зато горазд подремать на ходу. Пару раз, когда и я о чем-то задумывался, забегал в полудреме в колючий кустарник. Очень потом на меня обижался. Будешь ложиться спать, прижимайся спиной к моей спине. Так теплее, да и со спины я менее опасен.

– Ножниц у тебя, конечно, нет? – спросила девчонка.

– А также корыта для омовений и ткацкого станка, – кивнул Кай. – Вот тебе нож. Если будешь подрезать ткань, делай это прямо на ножнах, они прочные. Если будешь шить, в подсумке есть свеча и огниво.

– И ты не боишься давать мне нож? – подняла она брови.

– Нет. – Он закрыл глаза. – Пока мы не дошли до края леса, я не боюсь даже выродков Туззи. Они полезут ко мне только тогда, когда опасность вовсе развеется.

Утром у Каттими были красные глаза, зато одежда сидела на ней так, словно была сшита по мерке. Оценив аккуратные двойные швы, Кай удивленно хмыкнул. Но, осмотрев ноги девчонки, выругался. Ноги были сбиты.

– Ничего. – Она улыбнулась. – Такая ерунда после всего. Заживет.

– Не сомневаюсь, – кивнул Кай и вытащил жестянку с мазью. – И побежишь уже сегодня, но только после полудня. И вот еще. – Он выудил из мешка широкий ремень с поясной сумкой. – Приспособь это дело. Хоть ярлык будет куда убрать. Да, и здесь еще пара носков из тонкой шерсти имеется. Пока ноги не привыкнут к ходьбе, лучше тренировать их в носках.

– Они стоят немало, – восхищенно выдохнула Каттими.

– Ты стоишь дороже, – отрезал Кай.

Она смогла бежать уже дольше – до полудня. Только тонкие носки так и не надела. Обошлась тем, что, как оказалось, выкроила из излишков ткани. Единственное, что огорчило Кая, так это испорченное, на его взгляд, одеяло. В нем появилось обметанное по краю отверстие. Еще с утра Каттими сунула в отверстие голову и сказала, что в таких одеяниях ходят лапани из Холодных песков.

– Ты бывала в Холодных песках? – удивился Кай.

– Нет. – Она пожала плечами. – Что там делать? Лапани иногда приходили на ярмарку на перевале возле Гимы. Там даже появлялись кусатара, лами, малла. У Гимы были запрещены войны. Раньше были запрещены. Теперь-то уж…

– Кем запрещены? – нахмурился Кай.

– Старцами. – Она посмотрела на него так, словно он не знал обычных вещей. – В Гиме живут старцы. Если их сильно разозлить, они могут наказать любого.

– Колдовством? – прищурился Кай.

– А чем же еще? – Каттими не переставала удивляться. – Они же старцы!

Она бежала и после полудня. Кай посматривал на ее прикушенную губу и понимал, что хочет он того или не хочет, но вспоминает ту хрупкую девчонку, рядом с которой прошло его детство и которую он однажды не смог уберечь. Хотел ли он испытать что-то подобное тому, что почти уже стерлось из памяти за три года? Вряд ли. Скорее, расчет Такшана был точен. Несколько разговоров с несчастным существом сделали Каттими уже и не вполне чужим человеком для Кая, а с учетом того, что оставшиеся в живых его близкие были укрыты им на самом краю Текана, так и единственным относительно близким человеком. Вот только зачем Такшан замыслил это, Кай пока понять не мог. В первый же вечер он довольно легко открыл мудреный замок бронзового браслета, но тайны его не разгадал. Письмена были непонятными, возможного колдовства браслет не проявлял. Конечно, если не считать желания отбросить его куда подальше. Кай даже рискнул капнуть на чудное изделие кровью, но так ничего и не добился. Каттими только сказала, что от такой железки на руке ее слегка подташнивает и что если надпись на браслете какое-то заклинание, то последним словом должно быть имя заклинателя. К сожалению, Кай не только не знал этой письменности, но даже не понимал, с какой стороны ее следует начинать разбирать. И все-таки, какая-то тайна у него име-

лась, поэтому Кай оставил его на руке Каттими. А вечером две повозки Такшана отстали от обоза.

– Колесо заклинило, – объяснил нагнавший охотника Шарни. – Сказал, что исправит поломку и нагонит. Да что нам осталось, пара лиг и привал?

Едва он произнес эти слова, где-то далеко, на севере зазвучал рог. Может быть, Кай и не расслышал бы едва различимый звук, счел бы его воем ветра в сквозном дупле, но одновременно с ним вспыхнул браслет на руке Каттими.

– Ой! – вскрикнула она, останавливаясь.

– Что ты почувствовала? – спрыгнул, слетел с лошади Кай, потому что запылавшие на бронзе письмена пылали только под его веками, наяву они остались безжизненны и холодны.

– Словно вонзилось что-то в руку, – прошептала она испуганно.

– Ты в самом деле ощутила укол? – удивился Кай.

Рог еще звучал, когда Кай снял с запястья девчонки браслет. На ее коже следа не было, но, взяв браслет в руки, он и сам почувствовал что-то вроде укола. Впрочем, боль почти сразу исчезла, но письмена продолжали пылать. Кай бросил браслет на землю, письмена погасли.

– Что вы возитесь с этой безделушкой? – поморщился Шарни. – Для украшения она слишком тяжела, для браслета на руку воина слишком красива. Если там заусеница, ее нужно сточить камнем, но я бы…

– Послушай, – Кай повернул голову, но звук рога оборвал-

ся, – послушай, Шарни, есть ли в обозе хоть что-то живое, кроме людей и коней? Кошка, собака, ну что-то? Я бы поймал хорька или куницу, но у нас мало времени.

– У меня есть жирная хиланская утка, – побледнел Шарни. – Брату везу, он жуть как любит поджаренную утку на углях… Ты собираешься колдовать?

– Нет, Шарни, – Кай с тоской посмотрел на лошадь, на боку которой не было ни копья, ни ружья, – я собираюсь сражаться. Но утку принеси и дай команду всем подводам быстро править за мной. Через лигу будет урочище, тракт пойдет между двумя холмами. На одном из них нам придется принять бой. Кажется, засады там пока нет, но это и плохо.

– Почему? – оторопел купец.

– Если противник не устраивает засаду, он может считать себя очень сильным. – Кай вновь запрыгнул в седло, подхватил за руку Каттими, впервые усадил ее на круп лошади позади себя, снова защелкнул на ее руке браслет. – И я склонен думать, что все так и есть.

– Мы пропали? – в ужасе пролепетал Шарни.

– Если будешь слушать меня, а не орать, то необязательно, – прошептал, свесившись с лошади к самому уху толстяка, Кай.

– Один и тот же, – пискнула за спиной охотника Каттими.

– Что «один и тот же», – не понял Кай.

– Если два наговора греются друг от друга, значит, их составлял один и тот же колдун, – объяснила девчонка. – Вот

и все. Зачем тебе утка?

– Я не повар, – отозвался Кай. – А также не колдун и не гадалка. Я охотник, и сдается мне, что нас загоняют.

Обоз, в котором осталось восемь подвод, забрался на заросший соснами холм через полчаса. Дорога осталась по правую руку, второй холм, на котором высились руины сгоревшей сигнальной башни и часть фундамента обрушившегося оплота, был поврежден недавним оползнем, а тот, который пронзали корнями золотостволые сосны, пришлось огибать через заросли дикой малины слева и забираться на его верхушку по пологому склону с тыльной стороны. Едва это удалось сделать, Кай приказал собрать всех лошадей и увести их за ельник, который начинался у подошвы с южной стороны холма. С лошадьми ушли отыскавшиеся среди возниц двое седых стариков. Но никто из них не решился подойти к черному коню охотника. Кай потрепал Молодца по морде, и тот побежал вниз с холма сам. Все, кто остались с Каем, были бледны, но тверды. Объяснять ничего не требовалось, рог уже могли расслышать все. Охотник огляделся, с ним осталось менее тридцати человек.

– Туззи ушел, – проговорила, шагнув вперед, белокурая кессарка, – остались я, Сай и новичок. – Лысый южанин и белобрысый селянин стояли у нее за спиной. – Туззи сказал, что это не его война.

– Но ваша? – уточнил Кай. – Вы же остались?

– Всегда кто-то должен оставаться, – ответила женщина. – Меня зовут Васа.

– Хорошо, Васа, – кивнул Кай, которому на мгновение показалось, что не только селянин Педан, но и Сай смотрит на него с ненавистью. – А теперь слушайте меня все. Судя по звуку рога, на нас идут тати. Кто именно, не знаю. Может быть, кусатара, может быть, лами, может быть, даже малла или еще кто, скоро увидим. Возможно, кто-то из нас погибнет, но мы можем отбиться. Вряд ли в этом лесу достаточно прокорма для большой орды.

– Нам хватит и сотни противников, чтобы остаться здесь навсегда, – заметила Васа.

– Надеюсь, что сотни не хватит. – Кай прислушался к новому раскату рога, взглянул на пылающий только для него браслет на руке Каттими. Неужели только для этого Такшан спровадил девчонку? Навести на обоз орду? Слишком просто это выглядело. Но права была Каттими: колдовал торговец, колдовал. – Сколько бы их ни оказалось, мы будем готовы. Начнем с главного: вокруг сосен, вниз по склону – папоротник до пояса. Не топтать его! Необходимо, чтобы он стоял, как стоит! И еще. Таркаши, Шарни, Усити, мне нужны все прочные веревки, что у вас есть, топоры и все, что может стрелять: самострелы, луки, ружья.

– Ружья? – недоверчиво хмыкнул Шарни. – Нет ружей. Пока нет.

– Дротики! – повысил голос Кай. – И доспехи, если они

есть. И вот еще. Около часа или чуть больше у нас еще имеется. Этот час нам придется поработать так, как мы не работали еще никогда.

Кричать и заставлять трудиться никого не пришлось. Все делалось быстро и правильно. Каю даже казалось, что в глазах, которые смотрели на него, светилась надежда. Надежды не было только у него самого. Уверенность в том, что схватка неизбежна и выйдет из нее победителем тот, кто окажется сильнее, присутствовала. Так же как и уверенность в том, что победителя может не оказаться вовсе. Телеги были выставлены квадратом вокруг самой величественной сосны, ее нижние ветви срублены на высоту в шесть локтей. Ближе к верхушке Кай приказал подвесить мешок, в котором покрякивала утка Шарни с застегнутым на ее шее браслетом, попытавшаяся немедленно ущипнуть Кая в благодарность за тяжелое украшение. Чуть ниже было приготовлено место для ее хозяина, которому Кай клятвенно обещал, что ни один тати не сможет забраться так высоко на дерево, а если кто и заберется и даже попытается пленить торговца, тому следует просто-напросто прыгнуть вниз. Смерть при падении с такой высоты мгновенна и безболезненна. Нельзя сказать, что бедолагу обрадовала возможность подобного исхода, но лезть на дерево Шарни не отказался и даже прихватил с собой горшок с порохом и все кубки, чашки и чарки, что отыскались в обозе. Еще один горшок толстяк пожертвовал Каю, остальные были отнесены в ельник. Туда же оттащили и прочий

товар, заставив Кая подосадовать, что лучше бы телеги сразу толкали наверх пустыми.

Веревок отыскалось немало, по крайней мере, до ста шагов во все стороны от центральной сосны на уровне колена были опутаны веревками все деревья. Большой пользы от скрытых под папоротником преград Кай не видел, но сейчас был важен даже временный выигрыш. На расстоянии трех десятков шагов вокруг сосны и телег был устроен вал из валежника, щедро просыпанный порохом, и два горшка с тлеющим огнем приготовлены на нижних ветвях той же сосны. Вдобавок среди товара Усити отыскались пяток капканов на крупного зверя и десяток на мелкого. Больше ничего острого найти не удалось, поэтому в последний перед закатом час все оставшиеся с обозом охранники и возницы рубили стволы молодых елей, забивали их в землю и острили им концы, пытаясь превратить холм в огромного ежа. Когда тьма поглотила все вокруг, им это почти удалось.

Места на ветвях заняли все, у кого отыскались луки, – Васа, Сай, Педан и трое намещцев вместе с оказавшимся вертким и цепким Усити. Прочих Кай разделил на два отряда и отвел вниз по пологому склону холма в оставленные проходы. С собой он взял восьмерых хиланцев, вооруженных мечами. В другом проходе притаился с огромным топором Таркаши и все девять гиенцев с пиками.

– А я? – спросила Каттими.

– Что ты? – не понял Кай и поморщился от напряженных

смешков хиланцев.

– Мне тоже нужно что-нибудь! – растерянно прошептала Каттими. – Меч или копье… Мне приходилось махать мечом, отец учил меня. И я уже убивала тати! Я же рассказывала!

– Бегом, – медленно и отчетливо проговорил Кай. – За ельник к лошадям бегом. И носа оттуда не показывать! Все ясно?

– Пока что все, – прошипела Каттими, подтянула ремень, на котором без толку болтались кольца для меча и кинжала, и скрылась в наплывающем сумраке.

– Почему ты решил, что они полезут на холм через самую круть? – поинтересовался один из ветеранов, когда леденящий кровь голос рога отзвучал, кажется, всего лишь в паре лиг.

– Думаю, что они идут по метке, – объяснил Кай. – Метку оставил Такшан. Сейчас она на верхушке сосны. Чего им бояться? Или думаешь, что они в рог от страха дудят? Это они на нас страх нагоняют. По метке, по метке они идут. Это как в темноте идти на огонь, днем посмотришь, как продирался, диву дашься.

– Такшан? – удивился второй ветеран. – Неужели предал, мерзавец?

– Предал? – удивился Кай. – По мне, так любой, что живым товаром торгует, предатель своего племени. Но Такшан не предатель. Он враг. Или ты думаешь, что он человек?

– Так он сам разве не говорил, что полукровка? – воскликнул первый. – Ну да, брови как у кусатара, и ручищи велики, но все ж таки не до колен!

– Полукровок от связи с тати не бывает, – процедил сквозь зубы Кай. – Бывало, насиловали селянок в горных деревнях и кусатара, и лами, и наоборот случалось, да только что-то ни одна из пострадавших, насколько я знаю, не понесла. Если он и полукровка, то от соития кусатара и лами. Нет, приятель, тати – это совсем другая порода. Много дальше от человека, чем тот же осел от лошади.

– Это точно, – прошептал один из ветеранов. – И вот мы тут как ослы, только они не как лошади, а как волки. И вправду, какое уж там потомство…

Тати полезли на холм за полночь, но они не ждали своего часа, просто оказались дальше, чем слышалось поначалу. Когда до них и в самом деле осталась лига, рог звучал уже так, что звенело в ушах. А потом раздался топот. Топот не десятков, а как бы не сотен ног. И позвякивающие удары в бубны, и бой барабанов. И тяжелое дыхание, но не от тяжести дороги, а от тяжести тел. И глаза. Сотни глаз, которые помаргивали красным в тон тлеющего углями неба.

– Точно так же было восемнадцать лет тому назад за Хапой, когда загоняли кусатара в их норы, – прогудел над ухом Кая один из ветеранов. – Хорошо они бьются. До последнего идут вперед.

– Ну то они башни свои обороняли, а то на чужой земле озоруют, – с дрожью прошептал другой.

– Это ты зря, браток, – загундосил еще кто-то, – всю эту землю они считают своей. У них в языке даже слова такого – «люди» – нет. Всех нас называют ворами. И не только нас, но и мугаев с Гиблых земель, и лапани с Холодных песков, и даже некуманза из Дикого леса, хотя уж те-то вроде как исконные…

Холм словно ожил, запыхтел, зашевелился. Зашуршал папоротник, послышалось падение тел, оступившихся на первой веревке, затем взревел кто-то, попавшийся в капкан, поднялся вой наткнувшихся на заостренные колья, и началось. Зафыркали луки, первые стрелы нашли цели, рев слился с визгом, какой-то тонкий голосок запричитал, затянул что-то высокое и невыносимое, кто-то зарычал, как рычит зверь, и вот уже затрещала полоса валежника под ногами первых тати.

– Стоять! – рявкнул Кай на подавшихся было вперед ветеранов. В отличие от них он видел почти все, пусть даже различал нападавших по силуэтам. Неясно, что творилось на крутой стороне холма, но с его западной стороны к верхушке подбирались десятки тати. Некоторые ему казались похожими на того же Такшана, некоторые были странно худыми и гибкими, промелькнуло несколько коротышек и, что заставило Кая похолодеть, два или три великана, каждый из которых мог бы перешагнуть через ту же подводу, не подпры-

гивая. Впрочем, нет. Роста-то великаны были большого, но длиной ног похвастаться не могли. Главное, что ни у кого из тати не было луков. Но дротики! У них были дротики!

– Мейкки! – зашипел на ухо Каю один из ветеранов. – Мейкки с ними. Звери, великаны с Северного Рога. Конечно, с палхами даже они не сравнятся, но все равно. Эх, этакую тушу так легко не зарубишь. Ну будут они жечь валежник или нет? Уж и до телег добрались!

Не успел ветеран договорить, как почти одновременно на ветвях сосны вспыхнули два огонька, две стрелы, две светящиеся линии вонзились в черную землю, и огненное кольцо сомкнулось. Валежника, сухого лапника удалось наворотить в пояс, уже потом в него натыкали коряг из ближайшего бурелома, пересыпали все порохом, – и вот весь этот сушняк обратился в пылающее пламенем кольцо. Разом стало видно все – и десятки на первый взгляд ничем не отличимых от людей силуэтов внутри кольца, и десятки же застигнутых пламенем на нем, и сотни, о ужас, сотни подбирающихся к нему снаружи! Крики сгорающих заживо тати, которые понеслись во все стороны пылающими факелами, слились в неразделимый общий вой, и поверх этого воя снова раздался оглушительный рев рога. Между тем с сосны продолжали лететь стрелы, то тут, то там что-то громыхало, вспыхивало пламя, пожирая сразу нескольких метателей дротиков, видно, Шарни начал расходовать кубки и чашки, но тати все прибывали и прибывали, и, когда ряды нападавших загородили спина-

ми пламя, Кай наконец потянул из ножен меч, оглянулся на двух ветеранов, что были постарше прочих:

– Все прочие идут строем, как и принято. А вы, двое, держите мне спину. Пора. Таркаши?!

– За Гиену! – послышался дружный крик справа, и рубка началась.

За три года, что минули с первого дня Пагубы, Каю пришлось пережить многое. Один и в строю он схватывался и с разбойниками, и с тати, и с пустотной мерзостью, но никогда ему не приходилось сражаться в толпе, почти сплошь состоящей из врагов. Никогда ему не приходилось видеть одновременно все – и спереди, и сзади, и сбоку, и снизу, и сверху, как в ту секунду, когда ощущение тени над головой, перекрывшей пламя пылающего валежника тени, заставило его шагнуть в сторону, и тяжелая дубина опустилась на то самое место, на котором он только что стоял. Страшное, невообразимое существо, которое было в два раза выше человека, которое было одето как человек и даже обросло бородой и усами почти как человек, разве только голову несло не на плечах, а перед ними, словно вовсе не имело шеи, замерло в недоумении, и этого мгновения Каю хватило, чтобы оставить часть огромной руки навсегда стискивать рукоять тяжеленной палицы, а следующим взмахом меча обрушить огромное тело в пламя. Вот на него со странными, изогнутыми мечами и почему-то с сетью побежали сразу трое кусатара, за ними

примеривался с дротиком кто-то чуть более высокий и узкоплечий в шляпе с пером, и Каю пришлось отбивать сразу два удара мечами, рассекать взлетающее над головой сплетение и метать в высокого нож, а потом уходить от тычка кинжалом едва ли не с земли и, уже снеся голову какому-то маленькому, чуть выше пояса, существу, ужасаться, не ребенка ли он убил? Потом охотнику показалось, что сзади уже никого нет. Он оглянулся и увидел, что за его спиной, прижавшись едва ли не к пламени, отбивается от двух кусатара только один ветеран, другого не видно, и что уже и телеги в центре круга пылают, и там уже никого нет, кроме горящих тел, и никого нет на нижних ветвях сосны, уже облизанных пламенем. Еще через пару секунд Кай понял, что двое кусатара напротив ветерана уже мертвы, и он сам сражается, встав с ним спина к спине, сразу с десятком тати, а потом и этот строй внезапно проредился: какой-то сумасшедший смельчак напал на его противников со спины и, мельтеша сразу двумя клинками, сумел сразить троих. Да это же Каттими!

– Куда? – зарычал, рванулся вперед Кай, поймал за шиворот девчонку, дернул ее на себя и тут же вбежал по опустившейся на землю дубине на огромный кулак и раскроил голову ото лба к подбородку очередному великану.

– За Гиену! – продолжал бушевать с топором на другом склоне холма Таркаши.

Кай оглянулся, увидел, что из восьми ветеранов на этой стороне холма стоят четверо, за его спиной хлопает глазами

невредимая, перемазанная чужой кровью девчонка, и, давно уже забыв о боли в ноге, побежал вокруг почти прогоревшего кольца, побежал по трупам, потому что голой земли больше не было. На крутом склоне рубка не прекращалась. Кусатара все еще лезли вверх, и некоторые из них продолжали сражаться, даже будучи проткнутыми насквозь. Порой Каю казалось, что он с обозными воинами стоит на дне глубокого ущелья, а не на горе, и кусатара, и еще какие-то тати сыплются на его голову сверху, сыплются и не могут остановиться. И он уже не удивлялся, когда видел рядом с собой покрытую с головы до ног кровью Васу, которая сражалась, как и подобало дочери клана Кессар – так, словно стоит на палубе прыгающего по волнам корабля. Видел, как рубится лысый южанин, и готов был побиться об заклад, что пришел этот воин из клана Смерти, и с ненавистью он смотрел на Кая не просто так. Немало их было, мстителей с далекого запада за эти три года, и, если бы хоть чья-то месть удалась, не окружал бы теперь себя мельтешением черного клинка охотник Кай, известный в доброй части Текана под кличкой зеленоглазого Весельчака, слывущего баловнем судьбы. Тоже нашли везунчика: забраться в глухую чащу, чтобы напороться на отряд тати, – это везение? Где там Каттими? Где она, неугомонная? А ведь и вправду, славно рубится девчонка, да еще и двумя клинками сразу, но видно по ударам, что непривычна к кривым мечам. Что за школа у нее? Что-то знакомое, что-то очень знакомое, но не Сакува, не клан Смерти,

не Кессар, что?

– Все! – заорал радостно перемазанный кровью, в разодранном кафтане и побитых сыромятных доспехах здоровяк Таркаши. – Все!

– Светает, – появился откуда-то из-под руки Кая такой же чумазый, покрытый к тому же и ожогами Шарни. – Господин охотник, не мог бы ты снять этот поганый браслет с шеи моей уточки? Думаю, что он не доставляет ей ни малейшего удовольствия.

Обоз потерял девятерых. По всему выходило, что не должен был выжить никто, но они потеряли только девятерых. Четырех хиланских ветеранов, один из которых прикрывал Кая со спины, троих гиенцев и двух намешцев. Почти все были убиты дротиками. Да, будь у них получше доспехи… Серьезно ранен оказался остроносый торговец Усити. Дротик распорол ему бок, чудом не разорвал печень, но страшным было даже не это, а то, что старик потерял много крови.

– Выживет, – уверенно сказал Таркаши после того, как Кай промыл старику горло и рану крепким вином, а затем наложил на разодранную плоть швы. – Он и не в такие переделки попадал. Я его давно знаю. В молодости он был отличным лучником в намешской дружине, да и теперь многим спуску не даст. Думаю, что ни одна из его стрел не прошла мимо цели.

Тати было положено несколько сотен. Кай не поверил, но сделавшийся неудержимо словоохотливым Шарни выудил

из сумки замызганный, заляпанный кровью лоскут пергамента.

– Кусатара – триста пятьдесят семь трупов, лами – двести шестнадцать трупов, малла – семнадцать трупов, мейкки – семь трупов, еще какая-то пакость – двести одиннадцать трупов. Всего – восемьсот восемь. Я порученец ураи, а порученец все равно что ключник, охотник, а ключник без счета что мечник без меча.

– Пакость – это палхи, – прогудел оставшийся в живых один из старших ветеранов. – Вот они. – Он перевернул сапогом один из трупов. – Их легко отличать. Внешне вроде бы люди как люди. И руки у них как у людей, не то что у кусатара, до колен. И ноги как у людей, а не как у этих лами, вот уж страсть какая, точно норные жители – ноги короткие, руки короткие, а туловище подлиннее, чем у некоторых верзил. Да и рост – не чета дуплогрызам малла. Но у них во́лос на голове, считай, что от самых бровей начинается. А зубов у всех тати тридцать шесть. На четыре больше, чем у людей. Знатно мы их положили, никогда бы не поверил, но они ж словно в дурмане на холм лезли. Но старшего не взяли.

– Старшего? – не понял Кай.

– Всегда есть старший, – кивнул ветеран. – И в мелких ордах, а уж в больших, да где намешаны все породы, без него никак. Старший всегда в золотом колпаке, без оружия, с хлыстом, шаман, вроде колдуна. При нем дудельщик с рогом. Ну иногда и сам может дудеть.

– Дудельщика я зарубила, – пробормотала, протирая клинок тряпкой, Васа. – Где-то тут рядом. И в колпаке видела кого-то под утро. Но не здесь, он на другом холме стоял. Под руинами башни. Другое плохо. Смотри.

Она показала меч. На зеркале хурнайского клинка виднелись лиловые разводы.

– Конечно, это не пустотная мерзость, ржавчиной сталь не осыплет, но приделанные среди тати были.

– Точно так, – снова зашуршал пергаментом Шарни, – пятнадцать трупов имеют такие признаки приделанности, как быстрое разложение, черную, осыпающуюся пеплом кровь, ну и разное. У кого когти, у кого шпоры на ногах, у двух так даже рога. Почти все кусатара.

– Вот как, – задумался Кай и нашел взглядом селянина, который ожесточенно оттирал пуком травы топор от крови. – Педан! Ты след читать можешь?

– Я охотник, – гордо ответил парень, смешался и добавил чуть тише: – Обычный охотник, по дичи.

– Иди на тот холм, – Кай махнул рукой через дорогу, – посмотри, кто там стоял, что оставил после себя. Хорошо посмотри, но быстро. – Он перевел взгляд на Васу, пробормотал негромко: – Плохо, что палхи здесь. – Нашел глазами бродившую среди трупов Каттими. – Никогда людоеды ни с кем не объединялись. Да и приделанные в одном строю с обычными тати…

– А мейкки? – развел руками ветеран. – Их же всегда чис-

лили за дальнюю страшилку, не все даже верили, что подобные твари взаправду топчут камень Салпы. А они ведь не просто топчут, а с оружием, в общем строю, да еще и в одежде. Что ж получается, не звери они, что ли?

– Подожди. – Кай устало присел на край полусгоревшей телеги. – В голове не помещается. Восемьсот восемь? Как мы устояли?

– Все просто, – снова зашелестел пергаментом Шарни, – во-первых, вся эта свора наступала не сразу, а постепенно. Даже те, что потом лезли к сосне с разных сторон, на холм поднимались с севера. Из них сто восемь тушек остались торчать на кольях. Ну некоторые скатились вниз, шеи переломали, но таких с десяток. Сгорело общим счетом полторы сотни. Это вместе с пострелянными, что попали в огонь, да и порохом которых посбивало. Полтораста трупов со стрелами. И что же выходит? Сколько там на мечи да на пики приходится? Половина? Меньше четырех сотен! Это ж ерунда!

– Горазд ты, Шарни, поверженного врага сотнями отсчитывать, – поморщился Кай.

– Только твоих под сотню, охотник, – с уважение прогудел ветеран из Хилана. – Я за твоей спиной шел, видел. Не хотел бы я сражаться против твоей мясорубки. И девка твоя, кстати, хороша. Четверть от твоих взяла, хотя под утро сдавать стала, вымоталась. Дешево ты ее сторговал у Такшана, дешево, если правду про горсть серебра мерзавец Таджези трепался. Хотя за самоуправство я бы ее выпорол. Вот и при-

кидывай. Все вроде сходится. Но в чистом поле и ты бы нас не выручил. Раздавили бы. Да и тут, будь у них луки да голова на плечах.

– Будь у тебя голова на плечах, не повторял бы всякую чушь, – процедил сквозь зубы Кай. – Не торговал я девчонку у Такшана, а выкупал. Теперь она ничем не хуже тебя. Да и была не хуже.

– А я что? – почесал затылок ветеран. – Я ничего. Повезло бабе, что говорить. Натерпелась она. Этот длиннорукий чуть ли не при всех ее… Как так, ребенок же еще, считай… Ну не мое дело. Однако я сам удивляюсь, как мы тут… того… К тому же не все эти тати словно пьянь дурная из трактира валили, с пяток компаний среди них не столько мечами махали, сколько сети раскидывали. Словно на рыбалку явились!

– Я видел одну сеть, – заметил Кай, сглатывая накатившую ненависть.

– Остальные до тебя не добрались, – усмехнулась Васа. – Хотя, может быть, они и не тебя вылавливали?

– Вот! – вдруг завопила издали, с середины склона Каттими, выволакивая из-под трупа кусатара причудливый чеканный рог. – Смотри, охотник, на нем те же письмена, что и на браслете! И закорючки в конце те же! Похоже, я была права, это один и тот же умелец наговор плел! А это видел? – Она резво сбежала с холма. – Я отыскала себе два меча работы клана Неку. Простенькие, но то, что надо. И кинжалы, и ножи. Ножи еще посмотрю. Жалко, самострела ни одного

нет, да и с кольчугами тати не дружат. Но доспех я себе еще найду. У меня папа…

Ветеран хиланец развел руками. Лицо Васы скривила улыбка. Шарни даже подпрыгнул от бьющихся за его сомкнутыми губами слов.

– Каттими, – Кай говорил с трудом, усталость словно наливала веки свинцом, – ты ведь тоже вымоталась?

– Вымоталась, – кивнула она, и Кай тут же разглядел, что от нее снова остались одни глаза, – ну так ведь все одно здесь оставаться нельзя? А нужно еще и похоронить наших…

– Это точно, – кивнул Кай и, стиснув зубы, поднялся. – Давайте-ка напряжемся еще чуть-чуть. Намешцы? Кто там у вас пока заменяет Усити? Я видел лопаты в его товаре. Тащите их вниз, туда, где дорога подходит к холмам. Будем копать могилу. Шарни, проверь трупы. Деньги все собрать, поделить на всех, с учетом погибших, да отложи немного, боюсь, придется что-то с такшанскими девками делать. Я этого негодяя теперь уж никак с его товаром не оставлю. Таркаши, дай команду парочке своих собрать все оружие. Его тоже сюда. Толковое что попадется, можно разобрать, остальное сложим у могилы. Прочие пусть вьючат товар на лошадей, телег больше нет. И дозорных поставьте! Может и Туззи вернуться, и Такшан объявиться.

– Дозоры будутю – Стоявшая тут же Васа сокрушенно осматривала себя. – Тут вода поблизости есть?

– Через пару лиг. – Кай нахмурился. – Скоро выдвинемся.

Тем более что хоронить всю эту пакость не будем. Только своих.

– Да, – крякнул седой ветеран. – Хорошее место. Раньше эти два холма назывались Глухой задницей. А вот когда правый холм оползень подточил, да вышка покосилась, так стали прозывать Кривой задницей. Так что мы взяли верх в битве при Кривой заднице. Ну и всех тати здесь и оставим. Им тут и место.

– И вот еще что… – Кай пошатнулся, разглядел побледневшую Каттими. – А ну-ка, девка, веди сюда мою лошадь. В левом подсумке снадобья и тряпки. Надо бы всем обработать раны, думаю, что непорезанных вовсе не осталось…

Охотник пришел в себя на берегу ручья. Солнце палило красным пятном в зените, вода негромко журчала, ветерок холодил грудь. Кай поднял голову. Он лежал в одном исподнем, на груди, на руках и ногах, на шее и даже на голове пятнились кровью повязки. Ярлыки и глинка сбились на шнурах поверх них.

– Где браслет? – испугался охотник.

– Этот, что ли? – Каттими сняла с запястья изящный серебряный браслет – пять овальных, залитых желтой эмалью медальонов, пять в форме серебряных рогов, – нацепила на правую руку охотнику. – Рану перевязывала, мешал. Так ведь он девичий? К тому же клана Сурна?

– Память, – объяснил Кай. – Память об очень хорошем

человеке. Его уже нет, а я вот есть. Живу за двоих.

– Девушка? – вздохнула Каттими. – Когда?

– Три года уже, – прошептал охотник, попытался встать, облизал губы.

– Вина? – Каттими поднесла к губам Кая мех. – Кубков нет, Шарни всю мелкую посуду на холме перевел. Да не дергайся, все твои деревяшки да черепки на месте. Понавешают же на себя всякого… Серьезных ран, кроме прошлых, нет, зато несерьезных больше чем надо. Многовато крови ты потерял. И не смотри на меня так, не смотри. Если что и разглядела, то все меньше, чем ты увидел, когда меня к тебе Такшан отправлял.

– Ты что? – закашлялся Кай. – Зачем мне крепкое? Дай легкого, иначе я в седле не удержусь. Где мой конь? Где меч?

– Меч твой вот. – Каттими с облегчением улыбнулась. – Конь твой за ручьем клевером последним балуется. Странный у тебя конь, что-то мне кажется, не прост он.

– А я разве прост? – пробурчал Кай, подтянул ноги и понял, что в ближайшие пару дней придется все делать через боль. – Почему подводы Такшана здесь? Кто командует обозом? Дозоры выставлены?

– А я слышала, что ты проводником не нанимался? – вытаращила глаза Каттими и тут же расплылась в улыбке. – Пока тебя нет, командует Васа. Резкая девка, красивая, на взгляд, словно раковина из-под Хурная, а на пробу – словно камень. Не, я не пробовала, зачем мне? Надрыв в ней, правда, ка-

кой-то есть, но разве бабы без надрыва бывают? Только если дуры какие. Да и после такой крови… Так что все распоряжения ее. А было чем распоряжаться, было. Сейчас-то все спят почти, но, когда ты отвалился да когда захоронили всех, мимо нас Туззи промчался со своими воинами. Хотел было остановиться да что-то сказать, но уж больно много нас в живых осталось против того, что он ожидал. И все сразу за оружие схватились. Так и проскакал.

– Еще увидимся, – поискал глазами порты Кай. – И с Туззи, и с Такшаном. И с одеждой… хотелось бы.

– Не суетись, хозяин, – посоветовала Каттими. – Все зачинено, постирано, сушится.

– Я не хозяин тебе, – процедил сквозь зубы Кай. – Подводы откуда?

– Здесь нас догнали, – ответила Каттими. – Такшана при них уже не было. Одна из рабынь сказала, что как дотянули они до холмов, так рукастый развернул лошадь и поскакал назад. Или вовсе куда-то в лес забрал.

– И что же его охранники? – Кай принялся ощупывать раны.

– Молчали как истуканы, – фыркнула Каттими. – Васа приказала им убираться вслед за Такшаном, потому как в Кете им торговли не будет.

– И те согласились?

– А что им было делать? – удивилась Каттими. – Все луки, что имелись, смотрели им в грудь. Да они и не спорили.

– А подводы? Девки?

– Подводы Васа забрала, девок отпустила. Теперь они бродят по воде у того берега да просят еды с сонной травой, за головы хватаются. А Васа всю траву тут же сожгла. А еще Педан нашел следы на холме. Говорит, что человек там стоял. Не тати какой-нибудь, а именно что человек. След был на холм и с холма. В сапогах человек был, а пока стоял на холме, жег что-то. Все угольками там засыпано. А за холмом след коня. Ускакал он. Куда-то на север ускакал. Васа говорит, что ловить никого не нужно, да и поздно уже.

– Вот и отлично. – Кай устало вздохнул. – У обоза есть старший. Значит, можно и поспать.

– Эй, – возмутилась Каттими, – это еще не все! Шарни кучу денег собрал, моя доля уже у меня в сумке, твоя в кошеле на поясе, там же и под сорок монет серебра для девок, пояс вот он, все точно, я проверяла. Да и дал бы поспать и мне, что ли, или я должна твои порты караулить? Глаза слипаются.

Кай усмехнулся, приложил пальцы к губам, свистнул. Конь захлюпал копытами по воде. Охотник посмотрел на Каттими:

– Послушай, ты неплохо сражалась.

– Куда уж мне до тебя, – покраснела девчонка.

– Не близко, но и не так далеко, как я думал, – заметил Кай. – Кто тебя учил?

– Отец, – она сдвинула брови, и ее карие глаза вдруг сделались холодными, словно уменьшились, – только его уже

нет. Давно нет.

– Из какого он клана? – Кай все не мог понять, кого ему напомнил стиль боя девчонки.

– Не знаю. – Она надула губы. – Сам считал себя гиенцем, говорил, что родные у нас там, но родился-то уже на Вольных землях, а где бою учился – не знаю. Но он всегда говорил, что бери лучшее ото всех, и всякий клан – как клетка. Не хочешь жить в клетке, забудь о клане. Ты дашь мне поспать или нет?

Конь подошел к хозяину, опустил морду, прихватил его за ухо губами. Выпрямился, насторожил уши, словно сказал: «Спите, хозяева, я посторожу».

– Вот. – Кай подвинулся, похлопал ладонью по одеялу. – Ложись. Спи. Пока конь рядом, можно спать спокойно.

– А ты точно безопасен с этой стороны? – спросила Каттими.

– Тебе виднее, – вздохнул Кай. – Ты же меня перевязывала?

Обоз двинулся дальше только в полдень второго дня. Как раз пришел в себя и Усити. Остроносый захлопал глазами, заохал, благосклонно принял славословия и тут же принялся подсчитывать убытки. Впрочем, убытки вполне возмещались добычей. Разве только двух охранников ему вернуть уже не удалось бы, ну да и потерял он все равно меньше всех. Тем временем оставшиеся без хозяина рабыни перестали требовать сонной травы и успокоились кругом гиенского

сыра. Осознав, что с ними произошло и что могло произойти, они едва не разбежались в стороны, но вскоре собрались у подвод, потому как бежать им было некуда, да и не годилась их войлочная обувь для долгой пробежки. Плюясь с досады, Васа вместе с Саем и Педаном, которые получили ран не меньше, чем Кай, и теперь передвигались, как поймавшие весенний прострел старики, вернулась к холмам, годной обуви не обнаружила, но привезла пару десятков пик да столько же немудреных кинжалов.

– Хотела взять кусатарских мечей, да передумала, – объяснила она Каю. – Все приличное прибрали, одна дрянь осталась. Да и друг друга поубивают, если махать начнут.

– Да, с пиками поубивать друг друга будет труднее, – согласился Кай. – Тесновато в повозках. Что тебя обеспокоило?

– Кто-то был на холме вчера или ночью, – заметила Васа. – Тела сдвинуты. След коня. Искали что-то.

– Такшан? – спросил Кай и покосился на одну из сумок, в которой лежали браслет и рог.

– Может быть, – пожала плечами Васа. – Тебя другое не смутило? Уж больно легко развернулись вольные, когда я забирала у них подводу.

– Я этого не видел, – напомнил Кай.

– Я видела. – Васа потерла перевязанную руку, воительница, как и Каттими, умудрилась обойтись почти без ран. – Не скажу, что они радовались, но не удивлены были точно.

И это значит…

– …что, пока мы держим путь в сторону Кеты, живой товар движется туда, куда нужно, – продолжил Кай.

– И твоя якобы выкупленная Каттими в том числе, – закончила Васа. – И я бы не стала рассчитывать, что мы теперь непобедимая армия. Будь у этих тати хоть немного мозгов, они бы и сотней раздавили нас. Достаточно было выслать лазутчиков да обойти холм сзади.

– Скажи мне, – Кай прищурился, – что ты забыла в банде Туззи? Ну понятно, что забыл Педан, он спит и видит, как бы проткнуть меня неизвестно за что стрелой или ножом. Понятно, что забыл Сай, с учетом тех воинов клана Хара, с которыми я познакомился за последние три года, он выполняет заказ покойного ныне иши. Или, другими словами, служит лекарем. Врачует уязвленную гордость клана Смерти. Убить меня он хочет. Непонятно только, почему тянет. А чего хотела ты?

Кессарка помолчала, потом запрыгнула на лошадь. Отъехала на пять шагов.

– Ты бы смотрел вокруг внимательно, но глаза понапрасну не таращил. Когда тужишься, хуже выходит. Мозги я белобрысому недоумку уже вправила. У Сая свои резоны, мне они неведомы. Но стержень внутри у него имеется, не сомневайся, против правил чести он не пойдет. А я… Мое дело смотреть да разбираться.

– И много таких, разбирающихся, разослал Ашу по горо-

дам Текана? – крикнул вслед воительнице Кай. – Он командует тайной службой Хурная? Или Кинун тебя послал? Ведь Кинун урай Кессара? Он же правит в Хурнае?

– Думай о том, как нас встретят охотники до рабынь, охотник на нечисть, – усмехнулась уже издали Васа. – Да за девкой своей приглядывай, я в пригляде не нуждаюсь.

Кай посмотрел на Каттими. Мечи девчонка приспособила на спину, рук не хватит, чтобы вытянуть, на пояс повесила кинжалы, воткнула в петли пяток метательных ножей. Еще больше ножей опустила в поясную сумку. Даже при должной сноровке начнет с выхватом клинка корячиться, точно засветит случайному прохожему рукоятью в глаз. Выедет такая воительница на рыночную площадь какого-нибудь городка, все окрестные пустобрехи соберутся. Хотя остерегутся смеяться, вон как глаза-то горят.

– Куда вез вас Такшан? – спросил Кай девчонку.

– На запад. – Каттими показала охотнику язык. – На западе Кета. Или поменялось что?

– Сядешь? – Он вынул ногу из стремени.

– Сиди уж, – покачала головой девчонка. – Ты, конечно, здоровеешь так, словно раны воском замазываешь, но до завтрашнего дня тебе лучше посидеть в седле. Раны могут открыться. Да и нечего беспокоиться, кроме тебя, Усити, Васы, Сая и Педана, конных нет, обоз медленнее пойдет. Не устану. Хотя хороший у тебя коняга, хороший.

Она обняла лошадиную морду, потрепала коня по ноздр-

рям, запустила пальцы в гриву. Так запустила, что Кай невольно к собственным волосам пятерней потянулся.

– А ведь приделанный у тебя зверь, – прошептала она чуть слышно.

– Как определила? – быстро спросил Кай.

– Так и определила. – Глаза у Каттими сделались вдруг серьезными. – Ты сам-то приглядывался? Посмотри, белок у зверя в синеву, а веко изнутри не красное, а почти черное. И запах. Другой запах у обычной лошади.

– Откуда знаешь? – спросил Кай. – Или отец у тебя был не только кузнецом, но и конюхом?

– Зачем? – удивилась Каттими. – Об этом любой в Вольных землях знает. Там теперь всякой пакости в достатке. Не только тати лютуют. Когда чужую лошадку в стычке положат, главное определить, не приделанная ли? Может, то и глупость, но очень страшно приделанного мяса отведать. Кто его знает?

– Ну во-первых, если хорошо прожарить, то ничего не случится, – заметил Кай. – Хотя я не любитель конины. Но и с прочей скотиной так. Хотя какая охота мясо жарить, которое, чуть промедлил, гнилью расползается? А если бы лошадка моя приделанной была, сейчас бы другие лошади шарахались от нее.

– Конечно, – кивнула Каттими. – Шарахались, если бы она плоти испробовала. И мясо гнилью расползается, если тварь плоти перед гибелью сама испробует. Наверное, выдерживал

жеребчика после заражения? Сколько?

– Два месяца, – хмуро бросил Кай. Многое знала девчонка, очень многое.

– Все одно ведь сорвется, – прошептала Каттими.

– Сорвется – прикончу, – отрезал Кай и тронул лошадь вперед. Сзади послышался скрип подвод с бывшими рабынями. Переход к Кете продолжился прежним порядком.

– Послушай, – Каттими шла рядом с конем, – неужели ты так бы и довел Такшана до Кеты? Ну вот вместе с рабынями? Если бы не тати, довел бы?

– Не дошли мы еще, не торопись, – ответил Кай. – Нечего на конец пути гадать, если середина неведома. Да, работорговля в Кете запрещена, но рабы имеются. Все хитро обделано, обязательства, договоры, расписки долговые, но людишки-то, пусть и без отметки на запястье, как и в Хилане или той же Зене, до смерти спину на хозяина гнут.

– А ты уверен, что в Кету Такшан товар свой волок? – спросила Каттими, на ходу прижавшись к боку коня щекой.

– А куда ж тогда? – не понял Кай. – В этих лесах до самой Кеты не то что деревеньки, заимки лесной не сыщешь. Нет, раньше бывали лесные поселения, но в эти времена, да с такой музыкой, – охотник похлопал ладонью по суме с рогом, – вряд ли они сохранились.

– Запах, – вдруг прошептала Каттими. – Запах. – Она потерлась носом о бок лошади. – Тот же самый запах. Так вольные в охране Такшана пахли. Веки я им не отгибала, но за-

пах тот же самый. Приделанные, да не отпущенные. Точно говорю.

– Что ж ты молчала? – Кай развернул коня, оглянулся на остановившийся обоз, махнул рукой Васе, которая маячила в отдалении, задумался. – А ведь о приделанных раньше никто и не слышал в этой стороне. За Хапой были, в Зене были, южнее Зены были, но здесь… Где мор прошелся гуще прочего, там и приделанные объявились. Но они ж все поодиночке, да и если стаями сбиваются – все одно без разумения. А чтобы приделываться, да не отпускаться? Да с тати союз держать? Неужели правдивы слухи, что ходит по деревням кто-то и силой селян приделывает?

– Ты умный, ты и думай, – прошептала Каттими, – а я лучше нюхать стану.

– Что такое? – придержала коня Васа.

– Вольные из охраны Такшана приделанными были, – проговорил Кай.

– Точно, – обмерла кессарка. – То-то я удивилась, что даже гримасы никто не скорчил, когда я подводы у них забрала.

– Ты права, – кивнул Кай, – идем туда, куда им нужно.

– Я слышала, что приделанные в последний год иными стали, – прищурилась Васа. – Не всегда жрут тех, кого поймают. Баб, случается, отпускают. Насилуют и отпускают. А может, теперь и отпускать перестали? Так что ж выходит, мы девок везем приделанным на племя? Сколько еще до Кеты?

– За полтораста лиг, – отозвался Кай. – С нынешней ско-

ростью дня четыре. Только, думаю, нас загодя встретят.

– Что делать будем? – Кессарка была встревожена. – Приделанных так легко не взять. А уж если они с разумением… Что, если срезать к ламенскому тракту?

– Чаща, – задумался Кай. – Через лигу – болота. Перебраться можно, топь пятнами идет, но не с телегами. По прикидкам, до ламенского тракта под сотню лиг, года два назад я проходил, да проходил конным, но с обозом… Будем как приманка в силке. Да и телеги если бросим, все одно долго провозимся.

– А если пойдем прямо? – Васа сжала губы. – Прорвемся?

– Не уверен. – Кай прикрыл глаза. – Вправо пойдем.

– Так там самая нечисть и обретается, по слухам! – неуверенно проговорила Васа.

– Выставляй дозоры, – решил Кай. – Другого выхода нет, схватки с приделанными, будь их хоть десятка два, мы не выдержим. Прорубимся, но потеряем почти всех. Или всех. Обойти их можно только справа. Заросшие проселки я знаю, приходилось когда-то объезжать лесные деревни, выйдем на брошенный харкисский тракт, пересечем его, двинемся к кетским старательским поселкам. И к Кете выйдем с севера. До харкисского тракта отсюда лиг восемьдесят. Все пойдут пешком, подводы придется бросить. Если поднажмем, то уже завтра к вечеру выпутаемся.

– Девки не смогут поднажать, – покачала головой Васа.

– Не смогут – погибнут, – отрезал Кай. – Мне сейчас нуж-

ны четыре хиланца. Подводы освободить, нагрузить камнями. Приготовить вьючку на четырех лошадей. Насобирать хвои. Все мешки хвоей забить, да сырую не брать, только сухую, поверху, только слева от дороги и только в полусотне шагов, не ближе. Собрать всю кожу, что годится под обувку, всех, у кого руки складные, сажать подшивать войлоковки девкам. На два дня должно хватить обувки. И метлы связать, штук пять. Мягкие метлы. На все про все – час-два. Да не следить тут, не следить!

В лес с подводами с Каем пошла Каттими и четверо ветеранов. Нагруженные камнем телеги подтащили к болоту и спихнули в топь. Лошадей вывели через ближайшую протоку к речке, по песчаному руслу вернулись на тракт. Там Кай едва сдержал грустный смех. Испуганные девки в балахонах, с пиками и кинжалами на веревочных поясах годились скорее для ярмарочной потехи, а не для похода. Лошадей навьючили быстро, дорогу стали заметать за собой, начиная с того места, где телеги пошли в лес. Пыль укладывалась от метелок подозрительно ровно, но гуляющий над дорогой ветерок тут же разравнивал ее по собственному разумению. Через полторы лиги Кай дал команду уходить вправо. Старый проселок затянул можжевельник, вдобавок поперек него лежала вывернутая бурей молодая ель. Таркаши раздвинул сухие ветви, ухватился за ствол, крякнул и вывернул дерево из земли. Подскочившие гиенцы помогли поднять ствол.

– А ну-ка живей проводи лошадей, – сдавленным голосом выговорил купец. – А то я сейчас все ваши хитрости тут уделаю.

Дважды повторять не пришлось. Поредевший караван вошел под кроны огромных деревьев. Елка легла на место, пыль и рассыпанная хвоя скрыли недавний след. Без единого слова, тихо, придерживая за морды лошадей, превратившийся в потайной отряд обоз двинулся по некогда глухой и вполне безопасной теканской чаще. Чего мог бояться случайный путник? Волк летом обходил человека загодя. Медведь мог выйти на тракт случайно, но на этот случай на любой повозке имелась трещотка, да бери жестяное ведро и стучи в него, уберется косолапый. Потом случилось побиение жителей Харкиса. Затем накатила Пагуба. А теперь и тати спустились с гор, пересекли течение Хапы, и приделанные объявились. Объявились или могли объявиться?

Кай двигался с Каттими в ста шагах впереди отряда. Она смотрела вокруг во все глаза, он все чаще глаза закрывал. Закрывал и слушал лес. Принюхивался к легкому дымку, который пробивался через кроны, прислушивался к перестуку далекого топора. Лес оживал, вот только кто осмеливался обустраиваться в нем, пока было неясно. Но старая, затянувшаяся было низкой порослью дорога уже не казалась заброшенной. И поросль была местами сбита, и следы копыт на ней имелись, да и узкие, ведущие неведомо куда просеки то и дело мелькали в самой чаще. Кое-где попадались и че-

ловеческие кости. Кай не спускал руку с рукояти меча, холодом его обдавало то с одной стороны, то с другой, к вечеру он вовсе вернулся в общий строй да призвал к себе Педана с луком, – по разговорам, именно тот оказался самым метким стрелком в битве на холме, но избежать беды это не помогло. На следующее утро на краю сожженной и уже затянутой мелколесьем лесной деревни начинающий роптать и требовать хотя бы короткого привала девичий отряд сократился на три души. Приделанный вывалился из дупла подбитого молнией дуба прямо на их головы. Две пики пронзили нелюдь насквозь, но, уже подыхая, приделанный успел разорвать ударом когтистой руки горло одной девке и вгрызться в живот другой. Еще одной он переломил при падении шею. Оставшиеся в живых с визгом ринулись в стороны, Лук отрубил ужасной твари голову и приказал Васе собрать беглянок.

– Хоронить будем? – с ужасом прошептала Каттими, разглядывая изогнутое, похожее на собачье туловище существа, которое некогда было человеком.

– Нет времени, – сказал Кай. – От этой деревни до тракта лиг пять, но визг был слышен далеко. Успеть бы убраться. Хотя этот приделанный дикий, неудержанный, таких я как раз не боюсь. Но и он опасен.

Погибших отнесли в сторону от дороги, засыпали хвоей. Васа построила перепуганных беглянок. Каттими раздала им остатки запасов Кая – куски вяленого мяса, рыбы, лепешки.

Каждой дали глотнуть вина.

– Осталось немного продержаться, – пообещал им Кай.

У выхода на тракт их ждали. Там, где сосны расступались в стороны, возле сгоревшего, пронзенного набирающей силу молодой порослью трактира, под красноватым небом стояли трое мужчин. На них не было доспехов, но у каждого имелось оружие. Поодаль встряхивал головой конь, похожий на коня Кая, разве только размером он был еще больше последнего. Конь выдирал из бурьяна покрытые истлевшей плотью кости и перемалывал их крепкими зубами.

– Неудержанный, – прошептала Каттими и наклонилась, чтобы вытянуть из ножен мечи.

– Они тут все неудержанные, – заметил Кай и выставил ладонь в сторону Педана, наложившего на тетиву стрелу. – Не нужно. Неудержанные, но не бешеные. Совсем не бешеные. Даже любопытно. Я поговорю сам. Оставайтесь здесь.

– Поговоришь с одним или со всеми тремя? – сдвинула брови Васа.

– Как получится, – сполз с коня Кай, поморщился от боли в начинающих заживать ранах. – Не вмешивайтесь.

– А если там засада? – не отступала кессарка. Каттими молчала.

– Засады нет, – успокоил ее Кай. – Я бы увидел. Эти примчались сюда верхом на звере. Но поторопиться следует. Думаю, что они хотят посмотреть, чего я стою. Или задержать нас.

– И что ты собираешься им показать? – напряженно хмыкнула Васа.

– Только то, что буду вынужден показать, – отрезал Кай.

– Ты еще не оправился от ран, – напомнила ему Каттими.

– Ты хотела сказать, от порезов и заноз? – уточнил Кай, хотя про себя признал правоту девчонки. Схватка была не ко времени.

Он вытащил из ножен черный клинок и двинулся вперед. До троицы была сотня шагов. В центре стоял вожак. Он был немногим повыше Кая, чуть пошире в плечах. Его светлые волосы шевелил ветер, голубые глаза смотрели на Кая спокойно. Как и на каждом из троицы, на нем была темная свободная куртка без пояса, широкие порты, узкие и короткие сапоги. В правой руке сверкал кривой кусатарский меч, в левой тяжелый нож. И у его спутников – у высокого стройного воина, в былое время способного послужить украшением хиланской гвардии, и широкоплечего чернявого и низколобого коротышки – тоже были в руках мечи и ножи. Кай шагал, прикидывая, чем его могут удивить незнакомцы, и явственно ощущал, что вот эти трое, бывшие некогда людьми, теперь отличались от человека даже больше чем уродливые мейкки. И это было тем ужаснее, что внешне они не отличались ничем. Ну разве только странным, почти прозрачным взглядом да неестественной оцепенелостью, никто из них не переминался с ноги на ногу. Когда они появились впервые? Сразу после мора, выкашивающего деревни, когда из сотен

выживали десятки, а из десятков единицы вдруг становились приделанными? Но ведь и тогда они напоминали сумасшедших, зверей в человеческом облике. Откуда же взялись вот такие, способные держать оружие и, может быть, даже и говорить?

Средний заговорил, когда до него осталось около двадцати шагов:

– Отдай то, что принадлежит нам, и мы пропустим тебя.

– Вам ничего не принадлежит на этой земле, – ответил Кай и добавил: – И пропуска мне не требуется.

Он взмахнул мечом:

– Мой пропуск всегда со мной.

– Меня зовут Анниджази, – произнес средний.

– Я запомню, – кивнул Кай. – Я слышал, пустотная мерзость любит выкрикивать собственное имя по случаю и без случая.

– Как тебя зовут? – спросил средний, не ответив на вопрос охотника.

– Зови меня Каем, – предложил охотник.

– Это не настоящее имя, – равнодушно произнес Анниджази, – но пусть будет Кай. Познакомься с моими братьями по крови, Кай.

Они разом взмахнули клинками, надрезали собственные предплечья и с окрашенными зашипевшей черной кровью лезвиями двинулись вперед. Кай ожидал прыжка, бега, но вместо этого увидел уверенную походку двух убийц. Ничто

не дрогнуло на их лицах, разве только коротышка высунул лиловый язык и жадно облизал губы. И тут что-то произошло за его спиной.

– Нет, – с досадой прошептал Кай. – Белобрысый дурак.

– Их двое против одного! – закричал со стороны отряда Педан и тут же захрипел, захлебнулся. Верзила, который отбил стрелу в сторону рукоятью меча, метнул нож. Он метнул его снизу, без замаха, мгновенно, последнее слово Педан выкрикивал уже с ножом в груди. За спиной охотника лязгнули мечи, но Кай раскинул руки в стороны:

– Я сам!

– Нехорошо, – холодно заметил Анниджази.

– Случается, – согласился Кай. И тут приделанные напали.

От первых двух ударов противника Каю пришлось уворачиваться. Он отбил мечом брошенный коротышкой нож, затем развернулся на правой ноге, наклонился, пропуская второй удар коротышки над головой, почувствовал, как меч верзилы срезает с левой руки ткань куртки, но без плоти, почти без плоти, и с широким взмахом пронзил коротышке сердце. За его спиной рухнул в траву обезглавленный тем же взмахом труп верзилы.

– Восхитительно! – Вложив меч в ножны, Анниджази свистнул коню, обернулся к коротышке. – Харш!

Кай медленно вытянул из груди коротышки меч. Приделанный пошатнулся, выпустил изо рта волну черной крови, развернулся и, пошатываясь, поплелся, пошел, побежал к

вожаку. Тот запрыгнул в седло, дождался, когда коротышка займет место у него за спиной, обернулся к охотнику:

– Ты украл то, что принадлежит нам. Но ты хороший воин. Твоя кровь станет моей кровью. Когда будешь готов, поклонись Пустоте. Призываю тебя. Если не поклонишься, я убью тебя и тех, кто тебе близок.

Конь помчался прочь. Пожалуй, даже Молодец не угнался бы за этим зверем.

– Ты опять ранен! – подбежала Каттими, с опаской переступая через оплывающий труп верзилы.

– Ерунда, – попробовал пошутить Кай, зажимая хлещущую из руки кровь. – Царапина. Ну где тряпица? Должна уже привыкнуть, меня приходится часто перевязывать.

– Педан мертв, – сказала подъехавшая Васа, с уважением глядя на Кая. – И я не уверена, что сама увернулась бы от ножа, брошенного с такой силой.

– Это не приделанный, – качнулся охотник. – Двое, с которыми я сражался, приделанные, но он нет. Кажется, это ловчий Пустоты. Я бы не устоял против него.

– Но он не стал сражаться с тобой! – воскликнула Каттими, заматывая руку Кая полосой ткани.

– Да, он предложил мне служить Пустоте, – сказал Кай.

– А ты? – замерла Каттими.

– Он ничего не сказал о жалованье! – пожал плечами Кай и сморщился от боли.

– Ты отбил нож в пяти шагах… – задумчиво проговорила

Васа. – Как ты отбил нож в пяти шагах? Что еще сказал их главарь?

– Смеялся, – снова пошатнулся, схватился за плечо Каттими Кай. – Сказал, что мы украли то, что принадлежит ему или каким-то им. И пообещал убить, если я не поклонюсь Пустоте. Меня и… – он повернулся к расширившей глаза Каттими, – вот ее.

Глава 4
Кета

Кетская крепость, словно составленная из взбирающихся одна на другую серых башен, стояла на высоком утесе, на стрелке Эрхи и одного из ее светлых притоков. С той стороны и вошел в город клана Кикла – клана Травы – странный отряд из навьюченных лошадей, ошалевших от радости разномастных охранников и изрядного количества хмурых молодых женщин в балахонах и нищенских, сбитых до дыр войлочных башмаках. Недавнее веселье, охватившее женщин после пересечения харкисского тракта и выхода к переправе через светлую речушку, за которой имелся и небольшой острог с воинами, и поселок старателей, поутихло. Теперь каждая из них раздумывала о дальнейшей судьбе. Мало у кого остались в живых родные, да и если остались, легко ли было добраться до них с парой серебряных монет в руках, не имея ни одежды, ни обуви, ни еды? И куда добираться? Опять за Хапу? Туда, куда всегда стремились убраться все, кому свобода была важнее милости знати, но где теперь лилась кровь? Легче пришлось бы молодым парням, которых и в прежние годы немало бродило по дорогам Текана в поисках заработка, но женщинам было не принято покидать отчий дом с подобной надобностью. Неласковой показалась и

столица клана Травы. Жители были озабоченными, хмурыми, мужчины почти все поголовно ходили с оружием, то и дело бросали встревоженные взгляды на небо.

– Ладно, – покосившись на неулыбчивого охотника, которого все дни после схватки с приделанными бил озноб и мучила странная жажда, проворчал Шарни. – Конечно, два горшка пороха – это не два горшка гороха потерять, но могло ж ведь и вовсе ничего не выгореть? До зимы в Хилан придется еще наведаться, а у меня не хватает четырех возниц. Телеги я куплю, а вот возниц нужно брать проверенных, да и где их найдешь в Кете? Местный народец не трусоват, но с родных земель уходит неохотно. И то сказать, как Пагуба разгорелась, пустотники тучей налетели, с тех пор и привычка голову задирать, и недостаток народа. Пришлых, конечно, хватает, но как их проверить? А то ведь пристанет какой-нибудь Туззи, и не уснешь в дороге. Четырех девок покрепче я возьму. А там-то посмотрим, что к чему. Тем более что в этот поганый лес я больше ни ногой, ни колесом. А девки не пропадут. Вот в Хилане полгорода было в развалинах, пришлых набежало без счета, урайка Тупи и теперь строителей подбирает со всей округи, молодых ребят хватает, может, и девки на что сгодятся? Но без соплей чтобы. Мы им вольные на проездной башне выправили? Выправили. Так что договор будет как с вольными, оплата вполовину от мужской доли. И то сказать, понятно, что обратно я через этот лес не двинусь, но половину суммы я старичкам своим

как охранникам приплачивал, а какая из баб охрана? Как бы не наоборот!

Двоих взял Усити. Выбрал тех, что постарше, зато уж с умом выбирал. Одна, как оказалась, готовила на зависть, у второй иголка в руках порхала. Шарни тут же высмеял начинавшего оправляться от раны остроносого, что не по намешским порядкам двух жен сразу заводить, после чего Усити задумался и хотел было поспособствовать устройству еще нескольких женщин, но прислушался к обстоятельному предостережению Таркаши и передумал. Но как раз еще четверых, не без усердия молодых гиенцев, пригрел сам Таркаши, а оставшихся четверых неожиданно пристроил опять же Шарни. Исчез с постоялого двора в полдень, а через пару часов приехал на новой подводе, груженной кипами шерсти, да привез пышную кетку, не уступавшую ростом тому же Таркаши. Та немедленно выстроила оставшихся путешественниц, приказала вытереть глаза и высморкать носы и пообещала каждой по мягкой постели, в которую не сунется ни один незваный мужик, простому, но сытному столу да по два хиланских медяка в день, если согласны по двенадцать часов прясть шерсть.

– А если кто будет работать лучше прочих, то та, – кетка прокашлялась и вдруг перешла на шепот, – и одежду справит бесплатно, и без мужа не останется.

Будущие прядильщицы залились краской, а Кай, который относился к необходимости пристраивать кого-то и куда-то,

как к невыносимой зубной боли, с облегчением вздохнул и подошел к кетке.

– Приношу извинения… – приготовился он произнести длинную речь.

– Ты, зеленоглазый, извинения проглатывай, глядишь, здоровее станешь, – посоветовала ему кетка, – а то мелковат что-то под мою стать.

– Непременно, – кивнул Кай, – но мне нужна помощь. Я ищу девчонку или женщину…

– Да ну? – всплеснула руками кетка, взглянула на Васу, перевела взгляд на Каттими. – Тебе мало, что ли? Или и этих четверых оставить?

– Да не за этой надобностью, – поморщился Кай.

– Надобность переломилась? – фыркнула кетка. – А то я смотрю, горишь весь, хромаешь, от лихорадки трясешься, то и дело воду глотаешь. Неможется – иди к лекарю, парень. Или глотнуть надо чего покрепче? Обычно такая немочь с утра накатывает.

– Да не мучь ты его, дорогуша! – подмигнул Каю Шарни и шутливо приложил лысоватую головенку к могучей груди кетки. – Халана! Свет мой! Это же тот самый красавчик, что всю нашу артель из-под чащи вытянул! А трясется он от ран, непросто ему пришлось, всем досталось, а ему больше прочих. Если нужна ему девка, значит, по серьезному делу нужна.

– Все я знаю про их серьезность, – скривила губы Хала-

на. – С вечера серьезнее не бывает, а поутру – пустяк пустячком. Да и раны болеть начинают, когда чужая надобность тело томит.

– Мне нужна Уппи, – понизил голос Кай. – Очень нужна. Поговорить с ней надо. Кто она – точно не знаю, но я так понял, что она вроде провидицы или гадалки. Может посмотреть в сердце. И еще вроде бы она хорошо расплетает.

– Расплетает, значит, – задумалась кетка. – А кто расплетает, тот и плетет, стало быть. Ладно. Разузнаю. Но потребует времени. Завтра приходи. На Ткацкой улице спросишь Халану, тебе всякий покажет. Принесешь бутыль акского, да не кислятины какой, а сладкого, на меду. Понял?

– Непременно, – пообещал Кай.

Халана с шумом, присказками да прибаутками удалилась вместе с Шарни и четырьмя последицами, прочие женщины уже с полудня разошлись с торговцами по рынкам – закупать да продавать товар, приучаться к нелегкой доле торговцев-приказчиков. На постоялом дворе остались только Кай, Каттими, Васа и молчаливый Сай да двое ветеранов хиланцев, чьи кости требовали покоя, а карман от лишней монеты за охрану купеческого добра да лошадей лопаться не собирался.

– Пошли, – предложила Васа остальным. – Лошади пристроены, я, правда, посоветовала бы Каттими лошадку Педана заменить, старовата, да и хватанула своего: судя по всему, и повозку потаскала, и с плугом тужилась, но это дело мож-

но и отложить. А вот перекусить сейчас самое время. Знаю одно потайное место, где и поговорить можно, и лицами отсвечивать не придется. Только в горку придется подняться. Осилишь? – посмотрела она с интересом на охотника.

– Должен, – кивнул Кай, хотя взгляд его словно продолжал застилать туман. – Не волнуйся, – он подмигнул маячившей рядом мутным пятном Каттими, – цепляли меня подобные твари уже не раз. Я от царапин не приделываюсь, от приделанной крови не загораюсь, хотя тлею, конечно. Рука, признаюсь, повреждена сильно, но все же не отрублена, работает, да и левая, а жар пройдет. Еще день-два, ну неделю, и все…

Туман рассеивался, едва он закрывал глаза. Улицы обращались в сумеречные проходы, дома становились тенями, прохожие – силуэтами, но ничего не плыло и не колебалось. Только отстукивало в висках и отзывалось ноющей болью в ранах. Да, цепляло Кая уже не раз, но никогда он не обрушивался в лихорадку так надолго. Еще когда на пути в Кету объезжал по окружной Хилан, да наткнулся в крохотной деревеньке на селян, отбивающихся от своры пустотных псов, почувствовал, что не ко времени схватка. Тварей было больше десятка, порубить удалось всех, но без потерь не обошлось. Пустота частенько подкидывала сюрпризы, на этот раз она одарила лающие создания не только клыками, но и костяными выростами на верхних челюстях. От удара одной из них,

на вид самой мелкой, Кай и не уберегся. Не думал, что мелочь в полтора локтем ростом так ловко выпрыгнет, что достанет всадника на высоком коне. А пока приходил в себя от удара в бок, другая тварь едва не вырвала из его ляжки шмат мяса. Тогда все обошлось в итоге, но хворь до конца не отпустила Кая не только к Намеше, но и к Кете. И вот же, поверх старых болячек легли новые. Дело было привычным, но не только схватываться вот с такими приделанными ему пока еще не приходилось, но и принимать в свою плоть вымазанный в их черной крови металл. Ничего, и не из таких переделок выбирался. Мерзость еще кипела в жилах, еще колола иглами в суставах, но вроде бы отгорала, выдыхалась. На сотую долю, но выдыхалась. Он чувствовал. Однако не следовало ли придержать выздоровление? Точнее, не следовало ли сказаться и в самом деле недужным как можно дольше? Ведь если этот самый Анниджази добивался именно заражения, так зачем было расстраивать его раньше времени? Тем более что должен он следить за Каем, должен. Хотя бы для того, чтобы исполнить собственную угрозу. Или, прежде чем лукавить да притворяться, следовало отогнать болезнь подальше? Ведь даже дышалось тяжело, через раз, как бы не пришлось залечь на день-другой на постоялом дворе. К тому же вновь накатила эта жажда, которая даже от ковша воды не убавлялась ни на толику. В третий раз он ее испытывает, в третий. Сначала обожгла на хурнайской площади, но почти сразу утихла. Как Хуш над стеной взметнулась да пеп-

лом осыпалась, так и утихла. Даже легкость какая-то появилась в жилах, прохлада. Второй раз наступил в Намеше. И точно так же облегчение пришло от гибели Паттара, показалось, что еще немного, и можно будет взмахнуть крыльями и подняться над городом. И вот снова, в Кете. Хотя было что-то и в лесу, на следу черной пятерки. Но чтобы вот так…

Кай думал об этом и тяжело шагал вслед за воительницей в известное только ей заведение, хотя, казалось бы, бывал сам в Кете и до Пагубы, и в Пагубу и знал если не каждый переулок, то все улицы наперечет уж точно. Каю нравился город ткачей, маслобойщиков, старателей и лесорубов. Замок иши на утесе был невелик и красив, город начинался от его подножия, спускаясь сразу к двум рекам лентами улиц и ступенями серых домов. Когда-то Кета поражала Кая неторопливостью и праздностью, теперь ее вальяжность сменилась озабоченностью и серьезностью. Суеты не наблюдалось вовсе, хотя по деревянным тротуарам проложенных вдоль просыпанных гранитной крошкой улиц народ так и сновал, но движение это было обдуманным и полезным. Кто-то катил тачку, кто-то тащил мешок, кто-то вел овцу. Все так же, зажмурив глаза, Кай чувствовал над головой расцветающее языками пламени небо, которое здесь, почти в предгорьях Западных Ребер, казалось ниже, чем в той же Зене или в Хурнае, и думал, что если и закончится когда-нибудь Пагуба, то заканчиваться она начнет именно здесь, в окраинном городе Текана, в котором как раз теперь, кажется, не имелось

ни одной пары рук, которая не была занята каким-либо делом.

– Сюда, – позвала за собой спутников Васа. Сначала воительница взобралась по широкой улице едва ли не ко входу в сам замок, а затем стала спускаться по узким ступеням в какой-то подвал.

– Кетское вино, – прочитал Кай сквозь расползающийся в глазах туман вырезанные на донышке дубовой бочки письмена над входом, поднял взгляд на проездную башню кетского замка, часы на которой только что отбили четыре часа. – Так был я в этом трактире. Или ты хочешь угостить меня этой огненной водой, которой некоторые заправляют лампы? Говорят, что хлебнув этого напитка, будешь чувствовать себя в уединении даже в толпе.

– Ну почему именно лампы? – обернулась Васа. – Да и толпы я тебе не обещаю. И не в напитке дело, хотя для обработки ран кетская прозрачная настойка куда уж лучше самого крепкого вина. Тут под скалой за общим залом в нескольких штольнях устроены обеденные каморки, выбор блюд не слишком большой, но мясо и овощи – лучшие в городе. Дороговато, зато без пригляда.

– Ты уже и пригляд почувствовала? – нахмурился Кай.

– А ты нет? – ухмыльнулась через плечо кессарка.

Пригляд Кай почувствовал давно, едва отряд прошел через северные ворота Кеты. И не потому, что старшина стражи расспрашивал об обстоятельствах перехода через чащу

чуть ли не каждого из спутников. Нет. Но чужой, как бы скучающий взгляд то и дело пробегал по его спине. Не так, как сейчас смотрел ему в спину Сай, как-то иначе. Злее.

– Кто следит за нами? – спросил Кай. – Туззи, Такшан или даже этот самый Анниджази? Или рыжий, что отпугивал чудовище пожарами на тракте? А может, тот неизвестный в золотом колпаке?

– Не знаю, – пожала плечами Васа, – но схватки в городе не приветствуются ураем Кеты. Скорее всего, за нами или за тобой пока просто следят.

– Стоило подниматься так высоко, чтобы снова спускаться? – с досадой спросил Кай, отсчитывая ступени, который словно сбегали в глубокое ущелье.

– Я слишком люблю хорошо поесть, – рассмеялась Васа. – И за хорошей трапезой готова и потопать, и поскакать.

Кай действительно помнил этот трактир. Пару раз он уже спускался по длинной лестнице, чтобы пройти между дубовых столов, заполненных кетцами, который пытались утопить ужас Пагубы в крепкой настойке, и купить лучшей вяленой рыбы. Теперь полутемный зал был почти пуст. Колыхались огни ламп, на темных столах утомленно лежала пара пьянчуг из приезжих, тянуло сквозняком из-за наполненных сумраком арок, трактирщик за стойкой словно дремал с открытыми глазами.

– Нам туда, – махнула рукой в темноту Васа.

Проход за аркой уперся в тяжелую дверь. За нею в по-

лумраке, рассеивающемся лишь светильниками, установленными почему-то на полу, сидел старик в глухом колпаке. Он принял от Васы монету и выдал ей тяжелый бронзовый ключ.

– Холодно тут, – пожаловалась Каттими, которая все это время сопела за спиной Сая, потому что нацепленные ею на спину мечи то цеплялись за низкий потолок лестницы, то за неровно вырубленные стены.

– Так нужно для вина, – объяснила Васа, показывая на уходящие во тьму подземелья лежащие на боку огромные бочки. – Но в обеденных каморках теплее. Хотя кухня не здесь. Еду готовят повара самого урая Кеты. Готовят и спускают в специальные колодцы. Можно сказать, что мы вкусим блюда, которые пробует только знать. Замок над нами.

– А это что? – спросил Кай, остановившись возле неровной стены. Вся она от пола и до потолка была покрыта какими-то надписями.

– Пожелания, – вздохнула Васа, сняла с крюка лампу с языком пламени, подняла ее над головой. – Во время Пагубы многие кетцы прятались в подземельях, писали здесь свои имена, молитвы, просьбы. Два года назад и я приложила сюда руку. Видите?

Кессарка приподнялась на носках, ткнула пальцем в свое имя и изображение руки.

– Я тоже хочу оставить имя, – глухо произнес Сай.

Воин наклонился, поднял лежавший под стеной кусок угля и стал вычерчивать буквицы. Много времени это не заня-

ло.

– Надписей прибавилось, – заметила Васа. – Хотя вот этих трещин в стене не было. Но они замазаны, значит, служителям подземелий трещины не в новинку.

– Не все замазаны, – заметила Каттими и показала пальцем вверх.

Васа подняла лампу выше и присвистнула. Своды подземного зала и в самом деле покрывали новые трещины.

– Надеюсь, что мы успеем выбраться наружу до того, как здесь упадет хотя бы камешек.

– Подожди, – попросил Кай, шагнул к кессарке и взял у нее лампу. – Подожди.

Он поднял лампу так высоко, как мог, и обернулся к Каттими:

– Ты видишь?

На сводах, там, где теперь разбегались трещины, явственно проступала та же самая вязь, которая была и на браслете, и на роге.

– Да, – кивнула Каттими. – Но последние буквицы другие. Имя другое.

– Надпись свежая, – заметил Кай. – И выполнена не так давно. Но не углем.

– Может быть, это какой-то мертвый язык? – предположила Каттими.

– Бросьте, – поморщилась Васа. – Я, конечно, не знаю, о каком имени вы говорите, но разве на мертвых языках пи-

шут на стенах? В Салпе предостаточно и живых языков. Конечно, в Текане все говорят на одном языке, но словечки в каждом клане разные, да и письмо сходится только в судебных пергаментах. Или нам нужно найти этого писаку?

– Не теперь, – поморщился Кай. – Долго еще? Я бы уже присел.

Идти пришлось недолго. Подземелье повернуло вправо, а Васа остановилась у едва освещенного лампами ряда низких дверей.

– Нам сюда, – показала она на одну из них.

Бронзовый ключ повернулся в скважине, дверь открылась, и Кай неожиданно увидел дневной красноватый свет. В вырубленном в скале окне искрилась светлая Эрха, а уже за ней лежала серая, до горизонта степь. До самого Сакхара. До края Текана, к которому медленно близилось заходящее солнце.

– Оно того стоило, – в восхищении замер Кай.

– Сюда надо приходить не раньше четырех, – довольно улыбнулась Васа. – Мы под самой кухней урая Кеты. Когда-то здесь были каменоломни, потом стали храниться бочки с кетским вином. Как я уже говорила, три года назад, когда на город спустились стаи пустотников, почти все горожане спасались в этих подвалах. Урай даже разрешил открыть несколько бочек. А теперь этот подвал пополняет казну клана Травы. Хотя как вы заметили, выпивох в трактире на вхо-

де стало меньше.

– И много желающих побаловать себя урайской пищей? – поинтересовался Кай. Сквозь толстые стены доносилось приглушенное пьяное пение.

– Среди приезжих хватает, – ответила Васа. – Когда подобное творится на дорогах, всякий купец набивает живот так, словно сидит на собственных поминках. Ну что, сделаем заказ?

Кессарка ударила в медный колокол, висящий у входа, приоткрыла окошко в двери и перечислила появившейся фигуре то, что она хотела бы видеть на столе.

– Надеюсь, ты понимаешь, что тебе не придется оплачивать твое гостеприимство в одиночку? – спросил кессарку Кай.

– Сочтемся, – махнула рукой Васа. – Садитесь.

Ждать пришлось недолго. Вскоре в дверном окошке появилась резная доска, на которой стояли блюда с мясом, овощами, кувшин вина и кубки.

– Не волнуйся, – успокоила Кая Васа, прикрывая окно в двери. – Не огненная вода. Легкое акское, как раз для разговора.

Разговор заладился не сразу. Сначала все четверо ели, тем более что еда и в самом деле оказалась очень вкусна. Каттими, которая не произнесла почти ни слова с момента спуска в подвал, даже жмурилась от удовольствия. Наконец Васа выпила кубок вина и прищурилась, посмотрев на Сая.

– Ты уже понял, приятель?

– Да, – отозвался наголо обритый южанин. – Ты специально привела нас сюда. Я вижу в этом окне дорогу на Сакхар.

– Но ведь ты не думаешь, что твоя принадлежность к клану Смерти тайна для зеленоглазого? – спросила Васа. – И это несмотря на то, что он не раз подставлял тебе спину.

– Убить зеленоглазого – было для клана Смерти делом чести, – медленно проговорил Сай. – Но он не будет убит в спину. К тому же все то время, что он подставлял мне ее, за моей спиной пыхтела Каттими. У нее плохой кинжал, когда она вытаскивает его из ножен, он трется лезвием об их устье.

– Это все, что ты хочешь сказать? – спросила Васа.

– Пусть скажет он, – посмотрел на Кая Сай. – Скольких воинов клана Смерти он уже убил?

Кай отодвинул кубок.

– Шестерых.

– Правильно, – кивнул Сай. – И как это произошло?

– По-разному, – задумался Кай. – Но ни за одним из этих шестерых я не гонялся, ни на одного из них я не получал заказа, ни на одного из них я не напал первым. Я всегда только защищался.

– Больше трех лет назад иша приказал убить тебя, – кивнул Сай. – Троим воинам это не удалось. Двое из них ушли из жизни как воины, один не выдержал испытания смертью. Я знаю подробности. Твой разговор с последней из трех дошел до моих ушей.

– Потом иши не стало, началась Пагуба, но не прошло и полгода, как воины клана Хара продолжили те же самые попытки, – продолжил Кай. – Хотя признаюсь, последующие трое были более честны. Всякий раз они сначала вызывали меня на схватку.

– Потому что это стало делом чести клана Смерти, – повторил Сай. – Да, иши нет, сменивший его иша тоже не прожил долго. Сейчас нет никакого иши. Сакхар стал свободным городом. Но остался камень, о который затупились клинки Сакхара. И пока этот камень не будет выковырнут из земли, наши клинки не станут вновь остры.

– Сай, – поморщилась Васа, – ты же можешь говорить как обычный человек? Мы не на совете урая клана Хара.

– Ты собираешься объявить об очередной попытке выковырнуть зловредный камень? – поинтересовался Кай.

– Нет, – покачал головой Сай. – Я собираюсь объявить об отмене мести клана Хара.

– Почему? – не понял Кай.

– Этому есть несколько причин, – пригубил вина и отставил кубок Сай. – Первая из них заключается в том, что твой приемный отец был воином клана Смерти и оставался им до самой кончины. Он учил сражаться тебя, как сражается воин клана Смерти. И хотя ты слишком стремителен для воина любого клана, многое ты взял именно у своего отца.

– Это ведь не главная причина? – спросил Кай.

– Есть и еще две причины, – кивнул Сай. – Особенно ес-

ли не считать за причину то, что иши уже нет. Сказанные слова продолжают звучать, даже если сказавший их мертв. И обещания, данные умершему, не теряют силы. Но иногда меняется сам мир, и, значит, меняется все. В Сакхаре жил старый воин, самый важный советник урая. Его звали Хара. Как и весь клан. Никто не знал, сколько ему лет, но некоторые говорили, что он был свидетелем последней Пагубы. Теперь уже предпоследней Пагубы. А некоторые считали, что он пережил уже несколько Пагуб.

– У него был шрам в виде креста на лысой голове, – произнес Кай.

– Ты видел его? – напрягся Сай.

– Отец рассказывал мне об этом старике, – проговорил Кай. – Он нес с ним дозор на посту, где из-под багровой стены, из-за предела Салпы вытекает речка, которая потом спускается к самой Туварсе.

– Да, – кивнул Сай. – Так было. Но теперь Хара исчез. С полгода назад он покинул свой дом и уехал неизвестно куда. Но для урая клана Смерти он оставил письмо, в котором было всего несколько слов. Вот они: «Оставьте зеленоглазого мальчишку в покое. Он только мой. Я разберусь с ним сам».

– Что это значит? – уперлась в Кая взглядом Васа. – Ты можешь объяснить?

– Конечно, – усмехнулся Кай. – На этот раз клан Смерти отправил за мной одного мстителя. Пожалуй, лучшего. Может быть, последнего. Но есть ведь еще одна причина?

– Да, – кивнул Сай. – Главной была вторая. Но есть еще одна. Мы узнали о тринадцатом клане.

– О тринадцатом клане? – не понял Кай. – Их двенадцать, считая уничтоженных. Двенадцать сиунов, двенадцать зубцов на Храме Пустоты. Двенадцать!

– Тринадцатый клан не связан ни с сиунами, ни с зубцами на Храме, ни с чем, – покачал головой Сай. – Он против Пустоты.

– Против Пустоты? – опешил Кай. – Я не ослышался? Звучит так же бодро, как звучало бы – «он против зимы».

– Против Пустоты, – кивнул Сай. – Он ненавидит Пустоту и пытается освободиться от ее власти. Я не знаю всего, но год назад мы поймали лазутчика, который пытался убить Хару. Да-да, того самого старика. Но легче убить собственную тень, чем Хару. Если бы не его возраст и не почтение к его старости, то и на твое убийство, Кай, в первую очередь был бы отправлен именно Хара. И я не уверен, что ты оказался бы сильнее его. Хара скрутил лазутчика, как младенца, и стал допрашивать его. Тот умер под пытками, но кое-что успел рассказать. То немногое, что он действительно знал. Тринадцатый клан объединяет врагов Пустоты. Тех, кто не показывает своих лиц, или тех, чьи лица являются масками. Тех, кто всерьез рассчитывает уничтожить Пустоту.

– Уничтожить Пустоту? – рассмеялся Кай. – А, к примеру, разбить головой скалу, внутри которой мы сейчас сидим, этому клану в голову не приходило?

– Я не знаю, что приходило этому клану в голову, – ответил Сай, – и не знаю, сколько у него голов, но его правители считают, что если из основания неприступной крепости вытащить самые важные камни, то крепость рухнет. Так вот, такими камнями они считают нескольких человек. Один из них Хара из клана Хара. И возможно, ты тоже, Кай.

– Вот уж новость, – медленно проговорил охотник.

– Но с тобой сложнее, – продолжил Сай. – Ты словно нераспустившийся цветок. Завязь. Бутон. Вроде замены того, кого они действительно должны убить. Замены одного из двенадцати. Или ниточка к нему. Не знаю к кому, но к кому-то из двенадцати. Я могу назвать их имена.

– Я их знаю, – заметил Кай. – Это Асва, Хара, Агнис, Кикла, Неку, Хисса, Паркуи, Сакува, Кессар, Сурна, Эшар и Паттар.

– Правильно, – кивнул Сай. – Тринадцатый клан следит за ними всеми. В тот час, когда они будут все обнаружены, их убьют. Лазутчик сказал, что эти двенадцать не могут быть убиты надолго. Они возрождаются. Но не сразу. Если их убить одновременно, какое-то время все они будут мертвы. Если сделать так, что все двенадцать будут отброшены за грань Салпы в один и тот же день или в несколько дней, Пустота развеется. Тринадцатый клан считает, что эти двенадцать как двенадцать колонн, на которых держится багровое небо.

– А они не боятся, что если одновременно обрушить две-

надцать колонн, то багровое небо рухнет по-настоящему и придавит всех? – спросил Кай. – Или свобода дороже жизни?

– Когда рушится тюрьма, мало кто беспокоится о судьбе заключенных, – пожал плечами Сай.

– Подожди, – нахмурился Кай. – Но почему лазутчик пытался убить Хару? Это было год назад? Почему только его? Одного из двенадцати? Я не знаю, живы ли прочие, но, к примеру, Кессар погибла пару месяцев назад, Паттар погиб еще позже…

– Не знаю, – вздохнул Сай. – Этого мы не успели узнать, Хара был… слишком жесток в своем дознании. К тому же этот лазутчик был скорее испуган не за себя, а за своих близких. Он сказал, что все, кто знает что-то о тринадцатом клане, все будут убиты. И его родные будут убиты. Все ниточки должны быть оборваны.

– И ты пытаешься продлить эти ниточки через нас? – стиснула губы Васа.

– Я делаю то, что считаю нужным, – отрезал Сай. – Так вот, клан Хара не участвует в таких играх.

– Это все? – медленно проговорил Кай.

– Почти, – поднялся из-за стола Сай. – Тринадцатый клан может убивать не только тех, кто что-то узнал о нем. Он может убивать любого, кого посчитает нужным. К примеру, близких кого-то из двенадцати.

– Зачем? – закашлялась Каттими.

– Чтобы ужас не отпускал их, – проговорил Сай. – И вот

еще что. Когда тринадцатый клан убивает кого-то, он вырезает у него на голове крест.

– Такой же, как на голове Хары? – спросил Кай.

– Может быть, Хару уже пытались убивать, – согласился Сай. – Возможно, этим объясняется его жестокость.

– Лазутчик не оставил никакого следа к этому клану? – спросил Кай.

– Он сказал, что тринадцатый клан очень могущественен. Среди его членов не только воины вроде него, но и важные вельможи, возможно, даже некоторые ураи. Но так ли это на самом деле, мы не знаем. Лазутчик знал только одного человека из клана, того, кто передал ему приказание убить Хару. Того, кто выбрал его и доверил ему тайну.

– И кто же он? – спросил Кай.

– Имени нет, – мотнул головой Сай. – Самого лазутчика звали Паххаш. Он сам из Ламена, был молодым воином, наверное, одним из лучших из клана Огня. Все, что мы узнали, что посредником была женщина необыкновенной красоты, у нее голубые глаза, и она хиланка. Паххаш определил это по выговору. Но мы ее не нашли.

– Почему же он поверил ей? – не понял Кай.

– Женщины держат в своих руках уздцы мира, – пожал плечами Сай.

– Да, – задумчиво произнесла Васа и посмотрела на Каттими, которая застыла с набитым ртом. – Не скажу, что часто, но порой так казалось и мне.

– Это все, что я хотел сказать, – произнес Сай. – Я искал тебя, Кай. В деревеньке возле Хилана, где ты порубил свору псов и получил раны, мне сказали, что охотник Кай направился в сторону Намеши, но справлялся о дороге на Кету, и я подумал, что под осень на Парнс или на Хастерзу ты и в самом деле не пойдешь, если окажешься в Гиене, то ненадолго, нечего там делать, так что Кривых Сосен не минуешь. Там я тебя и решил ждать.

– Но почему ты не сказал мне этого сразу? – спросил Кай.

– Потому что я должен был собственными глазами увидеть, кто тот человек, что смог одолеть клан Смерти, – произнес Сай. – Проиграть тебе, Кай, не стыдно. Но ты должен знать, что если Хара хочет твоей смерти, то он ее получит, поверь. Может быть, сначала он решил отомстить тринадцатому клану. Но клан Смерти больше не враг тебе. Ты победил.

– Вот уж чего я не хотел никогда и чего никогда не припишу к своим доблестям, – поднялся из-за стола Кай. – Я не схватывался с кланом Хара и не побеждал его. Но почему я должен верить тебе, Сай, что урай клана Смерти остановил месть?

– Потому что урай клана Смерти – это я, – произнес Сай и выудил из-за ворота рубахи знак урая – золотой медальон, залитый багровой эмалью.

– Слушаем и слушаемся, урай клана Хара, – разом опустились на одно колено Кай, Васа и Каттими.

– Встаньте, – поморщился Сай. – И прощайте. Я ухожу домой.

– Но почему сам урай… – прошептала Каттими.

– Клан Хара маленький, – произнес Сай. – И после начала последней Пагубы он стал еще меньше. Нас всего три десятка человек. Из них воинов – половина.

– Прими дар от урая Хурная. – Васа сняла с себя пояс с серебряной пряжкой, изображающей две белых руки.

– Спасибо, Васа, – склонил голову Сай, принимая подарок и застегивая его на животе поверх собственного пояса. – К сожалению, мне нечем тебя отблагодарить. Я буду рад видеть тебя у себя дома. Вот оплата за этот щедрый стол. – Сай положил на доски золотую монету. – Прощайте.

Воин шагнул к двери, открыл ее и исчез в полумраке. Над столом повисло молчание. Васа медленно поднялась, подошла к двери, закрыла ее. Вернулась за стол, но заговорила только через минуту:

– Я служу ураю клана Кессар, клана Руки, – Кинуну. И старшине тайной службы Ашу. Ты правильно назвал его имя, Кай. Хурнай лучше прочих пережил последнюю Пагубу, хотя кто может сказать об этом наверняка, если небо по-прежнему озаряет пламя? Пагуба утихла, но не завершилась. Таких, как я, более десятка. Может быть, еще больше. Урай разослал нас во все концы Текана, и даже за его пределы. Уже много лет брат Кинуна, ставший перед началом Пагубы ураем Хилана, Мелит собирает по всему Текану свидетель-

ства древних времен, по крупицам воссоздает историю Салпы. Все свидетельствует о том, что багровая стена окружала Салпу не всегда. Но в последний раз в дорогу нас отправили после того, как гадалка Хуш нашла страшную смерть в объятиях сиуна клана Руки. Но у нее не было креста на голове! От нее вообще не осталось тела!

– И от Паттара тоже ничего не осталось, – пробормотал Кай. Перед его глазами стояли пятеро всадников, проскакавших по улице Намеши, и песчаный отпечаток на камне. – Думаю, что в Текане хватает убийц и без тринадцатого клана.

– Тогда кто это делает? – вскричала Васа.

– Ничего не могу сказать о том, кто убил Хуш-Кессар, но с Паттаром расправились пять всадников, один из которых рыжий весельчак, управляющий огнем, – проговорил Кай. – Или ты не видела их в Кривых Соснах?

– Чем больше я собираю сведения о древности Текана, тем меньше я понимаю, что с ним происходит сегодня, – с разочарованием покачала головой Васа. – Но ведь Хуш убил не человек, ее убил сиун клана Кессар!

– Что есть сиун? – спросил Кай. – У каждого из двенадцати есть сиун. Я слышал, что сиун – это надсмотрщик от Пустоты. Значит, либо Пустота сама уничтожает каждого из двенадцати, либо сиуна можно заставить что-то делать. В том числе и убивать.

– Заставить сиуна? – сдвинула брови Васа.

– Почему нет? – спросил Кай. – Я тоже пытаюсь разга-

дывать загадки Текана. Ничего не буду говорить о том, что я замена одному из двенадцати. Я чувствую себя обычным человеком. Но кое-что я скажу. Тот, кого зовут Сакува, сумел как-то обмануть своего сиуна. Он скрывается от него. Конечно, если он еще жив. Та, чье имя Эшар, сумела приручить собственного сиуна. Как – не знаю. Паттар мертв. Убил его собственный сиун в Намеше. Убил на моих глазах. И к этому точно причастен тот рыжий, который посетил передо мной Кривые Сосны и который устраивал огненные сполохи на дороге через чащу.

– Но почему он не убил тебя, если ты замена кому-то из двенадцати? – не поняла Васа.

– Не знаю, – пробормотал Кай. – Все эти разговоры о замене кажутся мне только разговорами. Не знаю…

– Если Кессар и Паттар мертвы, то остались десять? – спросила Васа.

– Или меньше. – Поднимаясь, Кай посмотрел на оцепеневшую Каттими. – Ты что?

– Я словно муравей. – Она поежилась, проглотила комок, смахнула со щеки слезинку. – Он ползет по столу и думает, прихлопнет ли его что-то большое и страшное, что ударяет то справа, то слева? И вот он трясется от страха, мечется из стороны в сторону. А потом кто-то приходит и говорит, что большое и страшное – это огромный молоток, которым кто-то еще более огромный забивает двенадцать гвоздей. А еще кто-то забивает вокруг больших гвоздей кучу маленьких

гвоздиков. А убьет ли кто-нибудь при этом муравья или нет, вопрос случая. Кому он интересен, маленький муравей?

– Что собираешься делать? – спросила Васа.

– Пару дней проведу в городе, – нахмурился Кай. – Может быть, пристрою куда-нибудь Каттими. Потом… потом будет видно. Скорее всего, пойду на Ламен. Есть вопросы. Да и куда еще идти из Кеты?

– Если только на Сакхар, – пробормотала Васа. – Я должна встретить в городе приятеля, потом, наверное, вернусь домой. Есть о чем говорить с Ашу, есть.

Они снова шли по длинному подземелью между огромных бочек. Миновали тот же полупустой трактир. Потом поднимались по узкой лестнице. А когда оказались на улице, тут же попали в толпу встревоженных горожан. Толпу теснила стража. Васа пригляделась к распростертому на камне человеку и вдруг закричала, рванулась вперед, оттолкнула стражника. В луже крови ничком лежал Сай. Ниже затылка в его голове торчал нож. Из-под тела выглядывал сломанный меч. Каттими разрыдалась в голос. Кай сбросил с головы капюшон, шагнул к тому самому старшине стражи, который опрашивал его на входе в Кету.

– Ваш? – хмуро спросил его тот.

– Наш, – помертвев, прошептал Кай. – Кто это сделал?

– Кто-то, – зло сплюнул старшина. – Только нам еще этого не хватало. Пятое убийство за два дня. Правда, четверых

убили по-другому, перерезали им горло, но мне разве легче от этого?

– Кто были эти четверо? – спросил Кай, завороженно смотря на поникшую над телом Сая Васу.

– Обычные женщины, – сплюнул под ноги старшина. – Одна вовсе старуха, две ткачки средних лет да девчонка-прачка. И всех звали одинаково – Уппи. Кто-то как косой выкосил всех Уппи в городе. Ну что ты прикажешь делать? Ходил какой-то чужак в черном по кварталам, искал Уппи еще два дня назад, а вчера всех, верно, и прикончил. Как я буду его искать?

– Пятеро в город перед нами заходили? – спросил Кай. – Один рыжий, веселый, об остальных не знаю, но все в черном, на черных лошадях. Подковы на лошадях ламенские. Они, скорее всего.

– Были, – в раздражении ударил себя по бедрам старшина. – Позавчера въехали через восточные ворота. Точно! Я как раз паром встречал. И все ламенские! А там разве определишь, верны ли ярлыки? В Ламене только и скажут. Только нынче же с утра и ушли. Хотя я троих видел, а рыжего не приметил. Так он мог и раньше выскочить, на выход проверка так себе.

– Кай! – позвала Васа.

Кай шагнул вперед. Кессарка перевернула тело сакхарца. На лбу у него был вырезан крест.

– Это еще что? – побледнел старшина. – Что мне докла-

дывать ураю Кеты?

– Докладывай, что в твоем городе убит урай клана Смерти, – медленно проговорил Кай. – Знак урая у него на груди. Можешь добавить, что он умер как воин.

В один миг гостеприимный, погружающийся в вечернюю мглу город превратился в чужой и враждебный. Холодный осенний ветер подул с реки. Старшина с посеревшим лицом опустился на ступени ближайшего дома. Васа закрыла лицо руками. Не говоря ни слова, Кай отправился в ближайшую просительную. Каттими поплелась за ним. Кессарка осталась у тела Сая.

В просительной Кай заплатил серебряную монету и выправил Каттими ярлык бесчинной, но вольной.

– Куда теперь? – спросила она его, привязывая ярлык к шнуру и опуская его в ворот рубахи.

– Как раны? – спросил ее Кай.

– Показать? – Она было рванула ворот, но остановилась, произнесла через силу: – Заживает. Шрамы будут, но не слишком заметные. Тонкие. Хорошее ты средство знаешь. Кто научил?

– Отец, – хмуро бросил Кай, вышагивая по деревянному тротуару. – Не тот, что из клана Смерти. Настоящий.

– Ты его нашел? – удивилась Каттими.

– Нашел, – кивнул Кай. – Нашел и снова потерял. Не успел даже отцом его назвать. Но он-то, скорее всего, знает, что я его сын. Вот только не знает, что я знаю об этом.

– А кто он? – спросила Каттими.

– Он из этого списка, – процедил сквозь зубы Кай. – Один из двенадцати. И я не знаю, жив ли он еще. Ты что, еще не поняла?

– Что не поняла? – растерянно спросила Каттими.

– Смерть ходит за мной по пятам, – ответил Кай. – И порой опережает меня.

– Я ни впереди, ни сзади, – прошептала Каттими. – Я рядом!

– Я оставляю тебя в Кете. – Кай говорил твердо. – Ты взрослая. Семнадцать лет – точно взрослая. Вольная. Немного монет у тебя есть, я еще добавлю. Пристрою тебя куда-нибудь, не волнуйся. Телом торговать не придется.

– Но почему? – Она готова была разрыдаться.

– Потому что завтра такой же крест на лбу может оказаться у меня, – повысил голос Кай. – А у того, кто рядом, может быть перерезано горло!

– Я так легко не дамся! – воскликнула Каттими, потянувшись к рукоятям мечей.

– Пока ты их достанешь из-за спины, тебя убьют десять раз и покроют твое тело крестами сплошь, – отрезал Кай.

– Когда ты уходишь? – спросила девчонка, прикусив губу.

– Завтра или послезавтра, – сказал охотник.

– Не пристраивай меня подольше, – попросила она.

Глава 5
Богатства Хумати

На постоялом дворе Кай не поскупился на две крохотные, но смежные комнаты. Проверил внешнюю дверь, закрыл ее на засов. Подергал решетку на окне, прикрыл ставни. Осмотрел серые, покрытые известковой штукатуркой стены. В проходной комнате велел ложиться Каттими, в дальней лег сам. Закрыл вторую дверь на крючок, разделся, облился водой из жестяного кувшина, морщась, перевязал раны и в изнеможении упал на чистую постель. Лихорадка постепенно становилась привычной, но из-за нее накатывалась усталость, вдобавок неутолимая жажда не давала покоя. Каттими обиженно сопела за дверью. Непонятная ему самому нежность к девчонке, которая умела молчать, когда нужно было молчать, держаться чуть сзади, когда Каю необходимо было сосредоточиться, охватывала его все сильнее. И чем отчетливее он понимал это, тем больше злился. Она была грузом, тяжким грузом. Не потому, что могла помешать или сломаться, а потому что сломаться боялся он сам. Сломаться в тот миг, когда окажется, что судьба менее бережна к Каттими, чем к Каю. Отчего-то он был почти уверен в этом.

За узким окном шумел ветер. С середины ночи о черепичную крышу зашуршал дождь. Кай, лежа в непривычной ему

мягкой постели, думал о завтрашней, вроде бы уже ненужной встрече с Халаной, разговоре с Шарни, который обещался свести с нужным человеком, что мог бы посодействовать в приобретении приличной пики, запасах на путь до Ламена, новой одежде, а также обо всем, что произошло в лесу. Многовато выходило загадок и приключений на две последние недели. Конечно, Кай и раньше слышал, что приделанные, обращаясь в зверей, порой не переставали быть людьми, но сам сталкивался с этим впервые. К тому же он чувствовал во всем происходящем что-то новое и тревожное, когда беда страшна не сама по себе, а большей бедой, вестью о которой она служит. Был ли торговец Такшан тем же самым Такшаном, рядом с которым Каю и в самом деле пришлось схватываться на перевале с палхами? Был, конечно, но и стал другим. Тогда он говорил с Каем только заискивающим тоном, боялся собственной тени, да и вез недоумков, которые поддались на посулы о заработках в мугайских поселках, считай, вольных, которые сами себя направляли в рабство. И охранники у него были один другого отвратительнее, но, без сомнения, не отвратительнее поганых людей. И никакого колдовства тогда Такшан себе не позволял. Или тогда колдовство ему было без надобности? Сколько лиг уже отмерил по дорогам Текана Кай, пытаясь отыскать хоть какого-то колдуна, чтобы расспросить его о тех силах, к которым обращаются маги, но все без толку. Все, кого он находил, оказывались либо хитрецами, выманивающими монету у доверчи-

вых земляков, либо сумасшедшими. И вот колдун объявился под боком. И второй колдун или шаман, что вел на штурм холма орду тати, в которой опять-таки нашлось место и приделанным, тоже отыскался поблизости. Все менялось вокруг охотника Кая. И менялось так быстро, что он не успевал привыкнуть к переменам. И уж тем более не успевал сообразить, какая связь между приделанными, Такшаном, колдуном в золотом колпаке, тати, пятеркой черных всадников во главе с рыжим весельчаком и этим самым тринадцатым кланом? В одном только он был уверен – в том, что какая-то связь была. А может быть, и не было никакой связи?

Проснулся Кай от дыхания, которое щекотало ему плечо. Вот ведь, поразился изворотливости девчонки, ну крючок сняла ножом, щель в двери позволяла, а вот как сумела забраться под одеяло, прижаться, да так, что он и не почувствовал ничего? Да уж, не почувствовал… Он закрыл глаза и мгновенно ощутил и закинутую на него ногу, и жар и мягкость ее лона на собственном бедре, и твердость груди, и дразнящий девичий запах, и тут же вскочил с постели, поморщившись от боли в потревоженных ранах.

– Почему? – обиженно прошептала Каттими, рассматривая Кая, прыгающего на одной ноге и торопливо вставляющего в штанину вторую ногу.

– Нельзя, – замотал он головой, с трудом удержавшись на ногах. Заломило в затылке, снова накинулась лихорадка,

схватила за грудки. А ведь только что казался сам себе здоровым.

– Почему? – повторила она так же тихо, но настойчиво.

– Не понимаешь? – раздраженно скривил губы Кай.

– Нет. – Она словно и вправду пыталась понять.

– Дура, ведь прирасту к тебе, – проговорил он вполголоса, – и что тогда? Оставлю здесь, покачусь от тебя как клубок ниток? Так ведь размотаюсь через сотню-другую лиг до последнего узелка – и нет меня. Что дальше? Или возьму с собой, а тебя убьют? Как жить буду?

– Как и жил, – не сказала, словно обронила слова. Села, закуталась в одеяло, положила голову на колени. Нет, не глазами наградили девчонку высшие силы, а просто зеркалами для сигнальных башен!

– Как и жил? – Кай завязал рубаху, стер рукавом липкий пот со лба, припал с кувшину с водой. – Было это уже все. Прирос, тут же и потерял. Только-только отходить начал. Не могу я так. Не знал бы тебя, всю ночь бы не отрывался, утром бы закрыл дверь и забыл.

– Не-а, – протянула Каттими с тихим смешком. – Не забыл бы. Знаешь, как танцует гиенская девушка танец избранному? Как волна плещется над ложем. Как лилия вьется. Как роса блестит. Обжигает как огонь. Не забыл бы. Поверь мне. Хотя я и не танцевала пока никому.

Вымолвила и осеклась, похолодела, сжалась в комок, вспомнила.

– Чего ты хочешь? – Он остановился. – Ты видела Сая? Этого хочешь? Ты помнишь бой с тати? Этого хочешь?

– Другого хочу. – Она вхлипнула, вовсе закуталась в одеяло как в кокон. – Но приму все.

– Послушай… – Кай сел на край постели. – Я обдумывал все ночью. Не сходится что-то. Все не сходится, каша какая-то в голове, но ты тоже не сходишься. Почему ты? Да, беглая, но и не таких беглых ломали, поверь мне. Да, порченая, шрамы. Но есть лекари, которым этот шрам в полгода трудов. И пятнышка не оставят при должном усердии. Я же не слепой пока, всех товарок твоих разглядел. Нет там никого красивее тебя. Да раздели цену такой рабыни, какой была ты, на десять, все одно еще на сотню делить надо, чтобы с остальными сравнять. Почему он тебя послал?

– Я так захотела, – прошептала Каттими. – И красоты моей он не разглядел, потому что я так захотела.

– Как это? – не понял Кай. – Сама попросила Такшана? Уговорила? На колени упала? Да он, как я понял, наказывал тебя, кормил так, чтобы только не умерла. Ты ведь в обморок в Кривых Соснах падала?

– Я, – кивнула девчонка. – Но послал он меня к тебе потому, что я так захотела. Ты забыл. Я ведь сразу сказала тебе. Я ведьма.

– Ты колдуешь? – хмыкнул Кай. – Надо же, три года искал какого-никакого колдуна, и вот он. Прямо в моей постели образовался.

– Не он, а она. – Каттими надула губы. – Да и какая я колдунья? Умею кое-что, но мало. Простые наговоры, кое-что по лекарскому делу. Насторожи могу плести. Заклинания могу на земле или еще на чем расчертить. Бабка и мать рано умерли, мало чему успели научить. Иногда что-то всплывает в голове, как будто забытое на язык просится. Но если я чего-то очень хочу, то это сбывается. Понятно, что кубок воды не превратится в кубок вина, но заставить человека сделать что-то могу. Не всегда легко, правда. Так и ты ведь можешь колдовать? Глаза закрываешь то и дело, а сам словно смотреть продолжаешь. Да и тепло от тебя исходит. Точно можешь.

– Могу, да не умею, – в замешательстве пробормотал Кай, поднялся, стал натягивать перевязь. – И не тепло от меня исходит, а жар. Затянулась что-то на этот раз немощь. Еще и жажда эта, никак не могу напиться. Ну ничего, на коня сяду, ветерком всякую хворь выдует. Значит, говоришь, что Такшана заставила ты? Хорошо. Ладно! Тогда заставь Таркаши принести нам круг сыра. Нет, рассчитаемся честь по чести, но чтобы он прямо сейчас явился к нам и принес круг лучшего гиенского сыра. Можешь?

– Я попробую, – выпятила губы Каттими, зажмурилась, потом закрыла глаза ладонями, надула щеки.

– Такшана тоже так заставляла? – спросил Кай, а сам взгляда не мог отвести от груди, что из-под одеяла выглянула.

– Такшан был рядом, – процедила сквозь стиснутые губы Каттими. – Не мешай!

– Если Таркаши принесет сыр, куплю тебе отличное платье и сапожки, – пообещал Кай. – Ты колдуй, колдуй, время пока есть.

– Сапожки, порты, рубаху, куртку, колпак и кафтан, – поправила его Каттими, вытерла пот со лба, снова закуталась в одеяло. – Осень наступила, замерзну в платье. Сыр будет. Вместо колпака можно хиланскую шапку с ушками.

– Ну посмотрим, – прищурился Кай. – Что за дело у тебя в Кете?

– Оружейную урая хочу ограбить! – выпалила девчонка.

– С ума сойти, – оторопел Кай. – Это еще зачем?

– Есть сказ один, – Каттими расширила глаза и стала вышептывать слова медленно и таинственно, – что в одну из давних Пагуб была девушка, которая сражалась со всеми пустотными тварями и всех их побеждала. И был у нее чудесный меч, который не портился от поганой крови. Но однажды пришлось ей сражаться против страшной твари, которая была выше ростом самого большого быка. Дом могла раздавить! И никто не мог победить эту тварь. Конечно, чудесный меч мог поразить чудовище, но броня у твари была так толста, что клинок не мог достать до ее сердца. И тогда девушка бросилась чудовищу в пасть. К счастью, оно проглотило ее целиком. И она убила его изнутри, но умерла, потому как утонула в черной крови.

– Дитятко, – рассмеялся Кай, – я эту сказку сам мальцом слушал не раз. Ты мне другое скажи: зачем тебе грабить оружейную урая?

– Чтобы найти чудесный меч, – удивилась непонятливости охотника Каттими. – Тебе еще раз сказку рассказать? Кетские ураи сотни лет древнее оружие собирают, в прошлые времена по всему Текану, по всей Салпе нужных купцов рассылали, о том все кузнецы знают. Отец мне это рассказывал. Там чудесный меч, больше негде ему быть. Если что где в Текане ценного из оружия и находилось или по рукам шло, все в Кете оседало. Надо только в оружейную попасть, а там уж меч точно моим будет. Я присказку придумала, чтобы его вызвать. Всякое оружие отозваться может, главное, присказку правильно придумать.

– Еще считалочки помогают, – вздохнул Кай. – И бантики на косичках. Вот отрастишь волосы, заплетешь столько, сколько захочешь. Нет, девочка, я тебя с собой не возьму. Тебе бы еще подрасти немного. Хочешь, кормилицу найму? Сиську сосать не разучилась?

– А если не прирастать? – Она смотрела на него, не отрываясь. – Если без танца, без близости, без присказок дурацких, тогда возьмешь с собой?

– Зачем? – Он смотрел на нее с интересом.

– Васу-то возьмешь, – надула губы Каттими.

– Васу? – удивился Кай. – Да она и не просилась со мной. К тому же приятель у нее какой-то.

– Попросится еще. – Глаза Каттими налились слезами.

– Если Васа и попросится, – он наклонился к девчонке, – и если даже я соглашусь, все равно будет она и я. Или я и она. А если со мной окажешься ты, то не будет «я» и «ты». Будет большое «я», в которое можно попасть стрелой, мечом, копьем, колдовством. Понимаешь? – Последнее слово Кай почти прокричал.

Каттими закрыла лицо руками.

– Хватит, – попросила она негромко, а потом отняла ладони и прошептала чуть слышно: – Очень хочу так. Чтобы большое «я». И чтобы можно попасть стрелой, мечом, копьем, колдовством. Понимаешь?

– Нет, – отрезал Кай.

– Ты меня оцарапал. – Она сдвинула одеяло, показала полосу на боку, там, где талия переходила в матовое бедро. – Браслетом своим рогатым оцарапал!

– С другой стороны надо было подбираться! – процедил он сквозь сомкнутые губы.

– Какая она была? – спросила, пытаясь поймать его взгляд.

– Она есть, – прижал руку к груди Кай. – Вот здесь. Одевайся. У нас много дел.

Девчонка вскочила, сбросила одеяло и, как есть, побежала в другую комнату.

«Дурак, какой же я дурак», – подумал Кай, не в силах отвести от нее взгляда.

Когда они спускались по лестнице, Кай спросил девчонку:

– Ладно, может быть, ты и в самом деле заставила Такшана сделать то, что он сделал. Предположим, что он оказался более податливым, чем Таркаши. Но ответь на другой вопрос: зачем ты этого захотела? Думала, что от меня будет легче убежать?

– Дурак, – проговорила Каттими с сожалением. – Впрочем, ты сам это знаешь. Что ты дурак.

Кай опешил, даже замедлил шаг, потом надвинул на голову капюшон и направился в конюшню. И Молодец, и лошадка Педана чувствовали себя прекрасно. Кай спросил у ветерана-хиланца, где Шарни, узнал, что тот в полдень будет ждать охотника у нижнего конца улицы Оружейников, и, не оглядываясь, направился к выходу с постоялого двора. На улице, где вновь моросил мелкий дождь, с взмыленного коня сползал здоровяк Таркаши.

– Что случилось? – спросил он.

– С кем? – не понял Кай.

– Со мной, – раздраженно воскликнул Таркаши и начал распускать застежки подсумка. – Встаю затемно, снаряжаю подводу, еду в старательское село. Пять лиг от города на север. И вот, все вроде в порядке, выторговываю и вдруг ясно понимаю, что я должен везти круг сыра охотнику Каю. Бросаю все, сажусь на лошадь, и вот я здесь. Вопрос: зачем? Тебе в самом деле нужен сыр? Когда ты мне об этом сказал?

Почему я об этом забыл? И почему я вспомнил только то, что тебе нужен сыр, а когда ты меня об этом просил, вспомнить не могу?

– Послушай, – Кай растерянно оглянулся на Каттими, которая сияла от гордости, – ведь вы вчера с Усити и с Шарни хорошо выпили?

– Да, – поскреб затылок Таркаши. – Было такое. И сейчас еще в голове шумит. Так мы и сегодня вечером хотели продолжить.

– Ты ведь не все помнишь, что было вчера? – продолжил Кай.

– Что-то припоминаю, но с трудом, – признался торговец. – Наполовину. А вторую половину и вовсе не помню.

– Ну так я тебя успокою, – ударил здоровяка по плечу Кай. – Сыр я у тебя просил не в подарок, а по его цене. Считай, что этот круг ты уже продал. Вот деньги. Попроси хозяина постоялого двора отнести его в погреб, завтра я заберу. Васа?

Осунувшаяся и бледная кессарка подходила к постоялому двору.

– Долго спишь, охотник, – заметила она холодно и с презрением покосилась на Каттими. – Наверное, сладко, потому и долго?

– Не бойся, не переслащу, – отозвался Кай. – А ты рано встаешь. Не дает покоя хурнайский правитель кессарским служивым?

– Кетский правитель, – заметила Васа. – Сейчас прибудет старшина стражи, заберет лошадь Сая, его вещи. Тело будет отправлено в Сакхар с соответствующими почестями. И я не завидую участи его убийц.

– Ты слышала, что сказал Сай? – спросил Кай. – В клане Смерти осталось три десятка человек. Из них всего пятнадцать воинов.

– Пятнадцать воинов клана Смерти стоят сотен прочих, – отрезала Васа и скрылась за дверью.

– Почему на меня ворожбу не правила? – спросил Кай девчонку через полчаса, когда они сидели в маленькой харчевне на углу улиц Оружейников и Кузнецов.

– Ты бы почувствовал, – надула Каттими губы.

– Нет, – погрозил ей пальцем Кай. – Не о том спрашиваю. Почувствовал бы или нет, то мое дело. Почему на меня ворожбу не правила?

– Не нужно мне наколдованное, – уткнулась она носом в тарелку. – Я вот могу так расстараться, что каждый будет видеть у меня золотые перстни на пальцах и хурнайский жемчуг на шее, но зачем? Себя-то не обманешь.

– Тебе нужны жемчуг и золото? – прищурился охотник.

– Нет. – Она покраснела. – К слову пришлось.

– К слову… – проворчал Кай, поежился – жар не отпускал его. – У меня нет ни дома, ни покоя, ни… Ничего нет. Ты это понимаешь?

– Да, – вздохнула Каттими. – Выбор незавидный. Еще и лихорадка тебя томит.

– Вот! – обрадовался Кай. – Подумай об этом!

– И пьешь все время, а напиться не можешь, – добавила девчонка.

– Воду пью, – недовольно буркнул Кай. – Вода монеты не просит.

– И говоришь со мной так, – она наклонилась вперед, – будто это я тебе вольную выписала, а не ты мне. Не волнуйся, насильно любиться не заставлю.

– А я и не волнуюсь, – точно так же наклонился вперед Кай. – Так, только вздрагиваю по утрам.

– Неужели перепугала? – откинулась назад Каттими.

– До столбняка! – повторил ее движение Кай и, уже вставая, добавил: – Пока я в Кете, чтобы никуда от меня не отходила. А там посмотрим.

– Посмотрим, – кивнула девчонка. – Но разглядим ли?

Шарни, успевший проглотить с утра не меньше кубка крепкого кетского пойла, ждал Кая у дома старшины цеха оружейников. На плечах порученца ладно сидела новая куртка, щеки отсвечивали румянцем, в руке покачивалась увесистая корзинка. На губах играла довольная улыбка.

– Ну? – Кай окинул взглядом ряд оружейных лавок, над дверями в которые позвякивали вырезанные из жести мечи, копья и доспехи. – В какую поведешь лавку, приятель?

– В лучшую. – Шарни похлопал охотника по плечу, подмигнул Каттими. – Урай очень доволен моим грузом. И мне есть чего предложить тебе, парень, есть. Я про твою нужду. Пику тебе подыщем. Но насчет ружья отдельная песенка складывается. Монетка-то хоть есть?

– Сундуков с золотом за собой не таскаю, но в трактирах милостыню не прошу, – ответил Кай.

– Ну не обижайся, – похмельно икнул Шарни. – Я ж к тебе со всей радостью. Одно внатяжку пойдет, ружье я тебе доставлю позже. Вот выберешься за пределы Кеты, сразу и получишь. На первом же постоялом дворе. В полдень. Ты же в Ламен пойдешь? Некуда больше из Кеты идти теперь. На ламенском тракте и получишь. Конечно, как расплатишься. Такие правила. И чтоб никто об этом ружье не знал и не слышал. Хвастайся им где хочешь, но меня чтоб не упоминал. Понял?

– Понять-то понял, – вздохнул Кай. – Ну так и ты пойми, Шарни. Я ведь гвардейскую громыхалку брать не буду. Мне хорошее ружье нужно.

– А кто говорил про плохое? – удивился Шарни. – Ружье будет такое, что хоть из чехла его не доставай, с руками оторвут. Будешь доволен. А уж с остальным все прямо тут обделаем. Томить не буду. Все, что режет, рубит, колет, протыкает и жалит, все тут недалеко. Причем не только то, что можно пощупать руками в любой оружейной лавке, но и кое-что получше. Но чтоб о ружье ни слова, ни полслова, ни зву-

ка, ни выдоха, а то отгорит не вспыхнув, понял? И девчонке своей накажи!

– Понятнее не стало, – поднялся Кай. – Во сколько обойдется?

– Мне или тебе? – не понял Шарни.

– Сколько возьмешь с меня за ружье? – спросил Кай.

– Десять золотых! – быстро проговорил Шарни. Сказал и зажмурился, как будто ждал оплеухи или зуботычины.

– Ой, – выдохнула Каттими.

Кай облокотился на стену дома старшины оружейников.

– Мне сейчас не послышалось? «Десять», ты сказал?

– Не послышалось, – приободрился Шарни. – А что делать? Если вещь стоит десять золотых, то продать ее даже за восемь может только очень богатый человек. А я вот не слишком богат.

– Но явно собираешься разбогатеть, – мрачно заметил Кай. – Сколько стволов у твоего ружья?

– Один, – с готовностью сообщил Шарни.

– У моего ружья было четыре ствола, – заметил Кай. – И бой у него был лучший, что я встречал.

– Такого боя, как у моего ружья, ты не встречал никогда, – зажмурился Шарни. – Если только в сильную грозу. А стволы ведь не пальцы, четыре ствола в кулак не сожмешь. И четверка кляч никогда не заменит отличного скакуна.

– Отличного? – уточнил Кай.

– Лучшего, – приложил руку к груди Шарни. – Лучше тво-

его Молодца!

– Ну что ж… – Кай посмотрел на девчонку, которая сидела с открытым ртом, как будто он выторговывал ей с десяток очаровательных подружек. – Только ведь если я решу, что не стоит ружье десяти золотых, брать не буду.

– Нет разговора, – расплылся в улыбке Шарни. – Но я, еще когда тебя в Кривых Соснах увидел, сразу решил, что такое ружье только для тебя. Оно… вот как Каттими. Лучше не бывает.

– Каттими не стоит десяти золотых, – заявил Кай и добавил, поймав краем взгляда вытянувшееся лицо девчонки, – столько золота нет в Кете, сколько она стоит.

– Так ты по-любому уже в барыше, – подпрыгнул Шарни. – Чего тогда языком о зубы отстукивать? Пошли за пикой! Правда, прогуляться придется!

– Мне ли сетовать на долгие прогулки? – хмуро заметил Кай.

Он допускал, что Шарни пытается его обмануть, в чем в чем, а в людях Кай разбираться научился. Хотя Шарни ведь мог пытаться обмануть и кого-то другого, к примеру истинного хозяина ружья. Другое волновало Кая, вряд ли мог знать толстяк цену настоящему ружью. Да и откуда у него настоящее ружье? Если только приладил к полену один из тех стволов, что вьючил на лошадей в теканском лесу? Такая стрелялка не стоила и золотого. Главное, что ружье было нужно до зарезу, а полагаться на хмельного порученца кет-

ского урая не хотелось.

«Не понравится, не возьму, – подумал Кай. – И цену скинет, не возьму».

– Тогда пошли, – кивнул Шарни и, слегка пошатываясь, открыл низкую дверцу в заложенном серым камнем проходе между двумя ближайшими домами. – Девчонку с собой потащишь? Ну и ладно. Только имейте в виду, что ты, что твоя оруженосица: там, где я проскакиваю словно мелкий пыж для большого дула, вам придется нагибаться.

– Пригнемся, – пообещал Кай. – Все-таки не ураи, и не знатные вельможи.

– Как знать, как знать, – пробурчал Шарни, выбираясь в ущелье неприметного переулка и трезвея на глазах. – Ты зла на меня не держи, парень. Нечего кручиниться поутру, деньги ввечеру считают, когда торг завершается. Да и заплатить – не значит деньги потерять, хотя такое иногда за полновесную монету пытаются всучить… Но у нас не тот случай. Эх. Все переворачивается с ног на голову, но, как бы долго хозяйка ни сушила кувшин, рано или поздно она поставит его на донце. Ведь по-другому кувшин не наполнишь.

– Что ты хочешь этим сказать? – не понял Кай, оглядываясь. Словно силуэт в горячем тумане Каттими следовала за ним неотступно.

– Ничего особенного, – пожал плечами Шарни. – Но умные люди говорят, что хоть история Текана не бесконечна, она очень длинна. Бывали времена и хуже нынешних. Порой

до тысячи лиг мог отшагать путник, не встретив ни одного человека. То есть многие кланы сокращались до нескольких человек, а возможно, были истреблены и полностью. Но проходили годы, и их снова становилось двенадцать. Ты спросишь, откуда они брались? Ведь не может родиться теленок, если в стаде нет ни быка, ни телочки? Если стада нет, схватываешь? На этот вопрос умные люди отвечают всегда одинаково – кровь подобна воде в реке. В сильную засуху реку порой можно перейти вброд, не замочив ног, но засухи проходят, а русла остаются. Все дело в руслах. Ну и в дожде, конечно.

– Познакомишь с умными людьми? – спросил Кай.

– Так я уже познакомил, – задорно кивнул Шарни. – Разве Халана не умна? Увидишься, передавай привет, да не забудь бутыль вина ей приобрести. Лучшего, ее не обманешь! Но об этом после. Начнем все-таки с пики.

– Начнем, – вздохнул Кай, поднимая голову вверх. Узкая, шириной всего лишь в два локтя, улочка бодро взбиралась на скалу, обращаясь лестницей. При этом она то поднималась до уровня второго этажа, то спускалась в темные тоннели-переходы, в которых Каю чудились над головой то ли шаги горожан, то ли скрип тележных осей. Ни окон, ни дверей из почти соединявшихся крышами домов на улочку между тем не выходило. Да и полоска огненного неба не могла развеять сумрак в рукотворном ущелье.

– Как бы тут не заблудиться! – заметил Кай, задержавшись

на крохотном перекрестке, на котором два еще более узких переулка ныряли в стороны – Вот уж не думал я, что есть в Кете улицы, по которым мне не приходилось прогуливаться.

– Их много, – закивал Шарни, умудряясь обтирать курткой то одну, то другую стену. – Много улиц, которых ты не знаешь. Вот таких же. Кета всегда защищала себя. То от самодурства прошлых ураев, то от не в меру старательных смотрителей, то от Пагубы. Цени доверие, охотник. Золота я твоего еще не видел, а уже доверяю как родному.

– От нынешнего урая защиты не требуется? – поинтересовался Кай.

– Нынешний урай плоть от плоти часть своего племени, – уверенно заявил Шарни. – Но не думай, что все дело только в правителе. Кета только кажется тихим уголком. Многие ищут покоя в Кете, и даже те, кто покоя не заслуживают вовсе.

– Ты, как мне кажется, занят совсем не покоем, – отозвался Кай.

– Его сохранением, – оглянулся, вытирая со лба пот, Шарни. – Но покой подобен ножнам. Пока в ножны вставлен меч, они чего-нибудь стоят.

– Но стоит его извлечь, и покой развеивается, – добавил Кай. – Мы пришли?

Дорога заканчивалась тупиком. К безоблачному красному небу вздымалась серая стена кетского замка.

– Почти, – расплылся в улыбке Шарни. – Осталось еще

несколько раз склонить голову…

Толстяк снова подмигнул Каттими и открыл еще одну низкую дверцу теперь в одноэтажном ветхом домишке, что лепился вплотную к крепостной стене.

– А я еще удивлялся, что замок Кеты единственный в Текане, который нельзя обогнуть, прогуливаясь под его стеной, – проворчал Кай, шагнул вслед за порученцем в темный коридор, покачал головой, увидев, что в руках у Шарни уже коптит небольшой факел, и снова зашагал по лестнице, на этот раз вниз.

Спустившись на десяток локтей в глубь скалы, Шарни оказался у тяжелых железных дверей, погромыхал по ним кулаком, дождался далекого отзвука и дернул за торчащий из отверстия шнур и, пока за нею что-то скрежетало, словно артель крутильщиков поднимала с десяток тяжелых решеток, проговорил:

– На всякий недобрый случай, сообщаю тебе, Кай, и тебе, Каттими, все, что вы увидите в ближайшие минуты, не существует. Да, нечего глаза таращить, сейчас мы окажемся в оружейной самого урая, о чем болтать никому не следует. Чудес никаких не обещаю и секретами томить не буду, да и пороховая оружейная у нас в другом месте, но есть некоторые обстоятельства… Эх, надо было оставить девчонку у ворот, да недоброе творится в городе. Хотя она же вроде бы довольно умело обращается с мечом? И труса не празднует? Молчать об увиденном надо. Понятно? Конечно, я бы про-

верил ее еще в десятке переделок, ну да время не терпит.

– Время проверит ее у ткацкого станка или у рамки с пяльцами, – проворчал Кай, погрозил пальцем вспыхнувшей девчонке и шагнул вслед за толстяком в приоткрывающуюся дверь. – Однако, Шарни, не от слишком ли большого количества секретов ты округлился?

Оказалось, что оружейная находится в северной башне кетского замка. Поднявшись вслед за вконец запыхавшимся Шарни по узкой лестнице вдоль закругляющейся, выложенной из серых камней стены, Кай вместе с Каттими очутился в обширном зале, свет в который проникал через узкие, но застекленные бойницы. Впрочем, освещение было не только дневным, на огромном круглом столе стояли сразу четыре масляные лампы, и отсветы языков пламени, отражаясь от множества клинков, лезвий, топоров, секир, щитов, шлемов и прочего стального и бронзового великолепия, словно наполняли внутренности башни светящейся паутиной. С широкого кресла сполз толстяк, показавшийся Каю копией Шарни, разве только редкая бороденка да жиденькие усы смазывали впечатление. Толстяк крякнул, подтянул к ушам бордовый колпак и промолвил:

– К вашим услугам, дорогие гости, на сей момент старший оружейник клана Травы – клана Кикла, Хумати.

Кай с почтением склонил голову, а толстяк бодро засеменил к потемневшему от времени шкафчику, вырезанному,

судя по плавной волне древесного узора, из знаменитого кетского кедра.

– Что скажешь? – прошептал Кай окаменевшей в изумлении Каттими. – Ты ведь сюда мечтала попасть? Сразу грабить начнешь или присказку свою вспомнишь?

Хумати тем временем скрипнул резными дверцами, звякнул бутылью из белого стекла, вернулся к креслу, расставил на краю стола крохотные зеленоватые кубки и булькнул в каждый по несколько капель напитка цвета светлой меди.

– Надо выпить, – строго объяснил Хумати. – Тут многие говорят, что богатства Кеты в кедре, в его орехах, в тончайшей шерсти, серебре, золотом песке. В последнее время и оружейники поднялись, особенно в связи с разорением Хилана, но, по мне, так нет ничего ценнее вот этого напитка. Кто-то скажет, что кетское пойло – оно и есть кетское пойло. Хоть дважды, хоть трижды перегоняй, очищай и процеживай его, оно не станет прозрачнее, чем после первой перегонки, но если закатать его в дубовую бочку да оставить в покое на несколько лет, то произойдет чудо. Все, что травит неуемного выпивоху, заберет в себя дуб. Все, что крепит могучее дерево, возьмет в себя кетская огненная вода. И получается то, что получается. Ну это уже разговор для знатоков. А ну-ка.

Хумати и Шарни дружно опрокинули кубки в горло, Кай выпил свою порцию и тут же обернулся, потому что Каттими с выпученными глазами закашлялась и замахала руками, призывая потушить проникший в ее нутро жар.

– Сейчас-сейчас, – заторопился оружейник. – Вот свежие лепешки, зеленый лучок, соль и, самое главное, вяленая свинина. Такой нет больше нигде. Закусывай, красавица, закусывай. Дал бы запить легким вином, но смешивать нельзя, собьет с ног почище хорошего удара по темечку. Хотя вода есть. Вот же, вот же самая чистая вода!

– А вот и та самая утка! – пропел, выуживая из корзинки увесистый сверток, Шарни. – Натерпелась, бедная. И все только для того, чтобы ублажить любимого братца. Только сегодняшним утром испечена в лучшем кетском трактире!

Хумати набросился на утку только что не с ревом голодного зверя. Каттими жадно припала к кувшину с водой, а Кай забросил в рот полоску пряной свинины и жадно огляделся.

– Подожди-подожди, – засуетился с набитым ртом Хумати. – Все должно идти своим чередом. Понятно, что гости. Понятно, что дорогие. Понятно, что спасители моего родного брата, да-да, спасители, такое творится теперь в лесах, такое… Но правила есть правила. Ни отринуть, ни изменить. А ну-ка.

Оружейник бросил кусок ткани девчонке, еще один раскинул на столе сам и кивнул сначала Каттими, потом Каю.

– Вот. – Он простер над квадратами кетского сукна короткие ручки. – Все ваше оружие – сюда. И прожженный гуляка не приходит в бордель с любимой женой, да простит сия сокровищница вольное сравнение. Все выложить. Даже ножи. Ничто не пропадет, здесь никого, кроме нас, нет. Шар-

ни, Пустота тебе в брюхо, а ну задвинь засов на люке! Нас и ни для кого нет. Замковая охрана, впрочем, предупреждена, чтобы не беспокоили…

Через мгновение оружейник стоял возле Кая и жадно облизывал губы.

– Вот он, тот самый знаменитый черный клинок. Не волнуйся, не коснусь даже пальцем. Хотя многие, многие мечтали бы узнать секрет последнего меча лучшего хиланского мастера Палтанаса. Наслышан я об его истории, наслышан. Что еще? Поясной нож, пяток метательных, и все? Негусто по нынешним временам. Прикрой, дорогой мой, свое оружие тканью, прикрой. А что у прекрасной дочери Вольных земель? Так-так…

Хумати засеменил к Каттими и, цокая языком, принялся вгонять ее в краску.

– Неплохо, неплохо. Два приличных акских меча, которые требуют балансировки. Два кинжала ламенской ковки. Мягковато железо, тупится быстро, зато и заточка не в тягость. Два ножа, годных для небольшой кухни. О! Сколько тут? Нука… Аж пятнадцать метательных ножей! Не звенело, пока по ступеням прыгала? И ведь все разные, все! Есть и неплохие клиночки, но приноровиться к такому разносолу непросто. Все? Ах, еще и заколочка со стилетом. И ножичек в рукаве? Если бы я так вооружился, дорогая, то издали бы напоминал стальную кедровую шишку. Да и мечи можно, конечно, носить за спиной, но для этого клинки должны быть короче хо-

тя бы на половину локтя, а то ведь недолго и ушей себя лишить! Ну закрывай тканью, закрывай. Не получается? Шарни, братишка, принеси-ка еще одну тряпицу, а то ведь к нам в гости пожаловала маленькая оружейная!

Каттими готова была провалиться сквозь землю.

– У нее отец был кузнецом, – вступился за девчонку Кай, которому вдруг после выпитого стало легче, даже пришлось расшнуровать ворот.

– Тогда мое двойное нижайшее почтение, – развел руками Хумати. – Даже тройное. Двойным я проникся, когда услышал рассказ Шарни о том, как две девы рубили обезумевших тати. Итак, с чего мы начнем?

– Ну, – Кай еще раз окинул взглядом расставленное вдоль круглой стены богатство, – хотелось бы начать с разъяснения, что тут позволено и что нет?

– Позволено многое, – довольно кивнул Хумати. – Ну понятно, что здесь не оружейная лавка и торговля не ведется, но есть некоторые тонкости, о которых знать следует. И первая из них заключается в том, что ураю Кеты известно о подвиге зеленоглазого охотника, и он благосклонно изъявляет волю оказывать Каю всяческое содействие.

– Даже у всяческого содействия имеются границы, – заметил Кай.

– Это верно, – скорчил гримасу Хумати. – Но мы же не в Сакхаре, к чему нам беспокоиться о границах? Что касается здешних богатств, то это, конечно, не фамильная оружей-

ная урая клана Травы, но как раз его главная сокровищница. Здесь собрано простое оружие, а также древние образцы, которые не имеют слишком уж большой цены. Но простота оружия только в том, что на украшение его не потрачено ни золото, ни серебро, ни драгоценные камни. Так ведь не камни разят врагов? А с прочим здесь все в полном порядке. Так вот, согласно повелению урая Кеты, ты, а значит, и твоя спутница сможете заменить то оружие, что у вас есть, на любое другое либо на нужный вам доспех. Если же захотите что-то купить сверх мены, то цена будет приемлемой, это я обещаю. Хотя Пустота с вами, все-таки отличная горючка получилась в этом году, – Хумати плеснул еще пойла в кубок и опрокинул его в горло, – думаю, что обойдемся обменом, и пику я подарю любую, какая глянется почтенному охотнику. Пусть это развеет последние сомнения!

– Можно выбирать? – Каттими словно только что закончила бормотать вполголоса какое-то заклинание или просто вспоминала, чем ей нужно прибарахлиться, и шмыгнула носом. – Только я не могу согласиться с уважаемым Хумати в его оценке… моей маленькой оружейной. У меня два неплохих меча, выкованных лучшими акскими кузнецами. И выкованных явно еще до последней Пагубы. И они нисколько не разбалансированы, просто у них длинные рукояти, и хват на них другой, и сражаться ими надо иначе. Кинжалы, конечно, не очень хороши, но у них рукояти из серебра. Травленые, но из серебра. Я их и брала, чтобы выгоднее обме-

нять на вес. А метательные ножи все разные, но в том их и ценность. Подними ткань, Хумати, и приглядись. За такую коллекцию кое-кто из оружейников мог бы отвесить немало серебряных, а может, и золотых монет. Одиннадцать ножей с клеймами кланов, есть даже ножи клана Крови и клана Зрячих, что само по себе великая редкость, нет только ножа клана Смерти. Зато имеется редкий кривой нож лапани, нож кусатара, нож лами и нож палхов с рукоятью из человеческой кости. И два ножа, которые ты счел годными для кухни, тоже непросты. Они выкованы древними некуманза из самородного железа. Опусти их хоть на год в воду, ржавчина не коснется их клинков. Ножичек для рукава я тебе, скорее всего, не отдам, точно так же, как и заколку со стилетом, хотя пока мне закалывать и нечего. Это все просто отличная сталь, да и найдется им применение. Судя по эмали на рукоятях – данная пара работы кузнецов из Туварсы. И возможно, попади я в Туварсу, выручу за них немало. На их клинках стоят родовые клейма. Значит, для кого-то они могут оказаться бесценными. Хотя если я найду у тебя что-то особенное… Тебе ведь они ни к чему?

– Шарни! – завопил Хумати. – Кого ты сюда привел? Ты сказал, что придет охотник Кай и его подружка или напарница, не знаю, но сопливая девчонка, всех достоинств у которой – ладная фигурка, огромные глаза да необъяснимая сноровка в обращении с мечами. Про глаза не соврал, про фигурку так и приуменьшил, про сноровку могу только до-

гадываться, но ты не сказал главного! А я вижу перед собой ушлую оружейницу, пусть даже вижу оружейницу-девку первый раз в жизни!

– Скажи еще, что я тебя не предупреждал, – подмигнул Каттими Шарни. – Ведь говорил же, что девка час просидела у кучи оружия и налетала на некоторые железки словно соколица. Или я не досадовал про уплывшие из-под самого носа эти два черных ножа? Или не глотал слюну, рассказывая про заколку и стилет с туварсинской эмалью?

– Досадовал и глотал, – сокрушенно согласился Хумати и не сдержал улыбку. – Да уж, охотник, не знаю, кто тебе есть эта штучка или кто она будет тебе со временем, но если она когда-нибудь и вопьется тебе в горло, то, прежде чем сбивать ее, поинтересуйся, может так оно и к лучшему?

– Приму бремя молча, – кивнул Кай на радость разрумянившейся девчонке.

– А не выпить ли нам еще по такому случаю? – хмыкнул Шарни.

– Пей, пока дома, – разрешил Хумати. – Пей, пока льется в глотку, да не разбрызгивается на воротник. А ты, девонька, выбирай. Все, что на душу ляжет, выбирай да клади на стол. Потом разберемся. И туварсинские поделки тоже в расчет клади. Не волнуйся, не обижу. А чего хочешь ты, парень?

– Ну, – Кай с интересом проводил взглядом Каттими, отправившуюся с лампой к пирамидам и полкам, – хочу-то я многого. И без мощной пики не обойдусь. И метательных

ножей взял бы с десяток, и хороший кинжал не помешал бы, но так ведь мне не простая сталь нужна. Понятно, что никакая сталь, кроме моего черного меча, не выдерживает соприкосновения с плотью пустотных тварей, но так и с приделанными приходится сталкиваться все чаще и чаще. А ведь они мало того что металл травят, так ведь и не от каждого укола ложатся. Я тут недавно одному сердце пронзил, так он почихал, почихал, оправился и ускакал.

– Ага, – стал серьезным Хумати. – Задал ты мне задачку. Скажу сразу, если уж ты кому-то проткнул сердце, а он одним чихом обошелся, значит, не в сердце его сила. А насчет пустотной плоти, которая металл жрет, тут я тебе не очень надежный помощник. Но есть хорошая сталь, кое-что нащупали наши кузнецы. Специально высверливали из гранита огромный чан, охотились на пустотников да в этот чан сбрасывали мерзость полуживой. Испытывали клинки на ней. Вонь потом стояла такая, что некоторые за сто шагов с ног валились. Но нащупать кое-что удалось. Но тут ведь такое дело, час металл держится, а потом все одно разъедаться начинает. Нет, если сразу промыть, то травление будет незначительным. Но именно что промыть, простой протиркой не обойдешься. Хотя бы водой, а лучше маслом. Понял?

Хумати посмотрел на Каттими, которая полезла куда-то на второй или даже на третий ярус, что тянулись по стенам башни, опираясь на древние деревянные колонны и перегородки, закряхтел с досадой и потянул Кая к пирамиде с пи-

ками и секирами, которая отличалась от прочих тем, что металл установленного на нее оружия не просто блестел, а казался белым.

– Литье, – ответил недоуменному взгляду Кая Хумати, проводя пальцем по лепестку одного из копий. – Куется это дело плохо. Упругость небольшая есть, но при ковке улетучивается она куда-то. Крошится металл. Состав сложный, знаю, что пятая часть ложной меди, пятая часть черного камня, сталь, понятное дело, немного серебра, остальные добавки тебе знать не положено. Хотя сразу предупреждаю, серебра очень мало. Но есть. Заточки особой не делали, но литой остроты хватит, чтобы и быка проткнуть. Если разгонится…

– Если разгонится, сам проколется, – продолжил присказку Кай.

– И не ржавеет к тому же, – добавил Хумати. – Однако все, что измудрили, все здесь и стоит. Слишком дорогой забава оказалась, дешевле десяток обычных пик в поганой крови испортить, чем одну вот такую сберегать… Есть что под твой случай?

– Надо подумать, – кивнул Кай, вытаскивая из груды секир и копий нечто весьма странное. Если бы не четырехгранный наконечник на центральном зубе, казалось бы, что в ряд оружия среднего боя затесались обычные крестьянские вилы. Или трезубая острога для крупного морского зверя. Да и древко у причудливого вооружения было толщиной с руку. Но, несмотря на толщину, как тут же понял Кай, довольно

легкое.

– Дерево лучшее из возможных, – ухмыльнулся Хумати. – Даже не кедр, а еще более редкое – горный клен. Трудно найти ствол нужной толщины, ровности. Больше ста лет уходит у куста на такой побег. Зато уж согнуть можно хоть в прямой угол, не сломается. Конечно, если силенок хватит. Это древко, парень, стоит не дешевле наконечника. И, что тоже ценно, только кора с него снята, больше никакой обработки. Видишь? А про наконечник могу сказать, что сооружен он по образцу мугайской рогатины против медведя. Только больше в полтора раза. К сожалению, безумцев, чтобы выйти с этим трезубцем против пустотных тварей, не нашлось.

– Надеюсь, я достаточно безумен. – Кай подбросил оружие, крутанул его над головой, с грохотом припечатал обитую сталью пяту древка у сапога. – Прежнее копье тяжеловато было, а это то что надо. И длина подходящая, шесть локтей. Знаешь, оружейник, пожалуй, больше мне и не надо ничего.

– Вот ведь! – удивился Шарни. – Тут смерть чуть ли не из-под каждого куста зубами скрипит, а он о скромности вспомнил. Держи. – Порученец подхватил с пола корзину и стал выкладывать на стол ножи. – Вот отличный кетский нож. А вот и метательные ножи. Не смотри, что длинные и узкие. Таким легче попасть, чем промахнуться. Хотя сноровка потребуется. Десятка хватит?

– Вполне. – Кай сдвинул ножи к трезубцу, повернулся

к Хумати, который продолжал высматривать громыхающую чем-то на самом верху Каттими.

– Ох, – сокрушенно вздохнул оружейник, – пустил, на свою голову, неразумную в сокровищницу. Ведь сказали, что дочь кузнеца, думать надо было, думать. На верхних ярусах с позапрошлой Пагубы никто не прибирал! Там пыли и паутины больше, чем ржавого железа. А если сверзится с верхотуры? Ну ладно. Итак, пика, кетский нож, десяток метательных ножей. Все?

– Лишнего мне не надо, – кивнул Кай.

– Эх, Шарни, – покачал головой Хумати, – вот какому порученцу радовался бы урай Текана. Знаешь, охотник, понравился ты мне. Вот клянусь, не наброшу ни монеты, что бы ни выбрала твоя девчонка. Устраивает?

– Что она может выбрать? – удивился Кай. – Иголку или челнок? Да и зачем ей оружие, если я собираюсь оставить ее в Кете?

– Ну знаешь, – обиженно покосился на Хумати Шарни, – оружие может пригодиться и в Кете. Или ты не слыхал об убийствах четырех женщин? О вчерашнем убийстве почтенного Сая ты, конечно, уже знаешь?

– Знаю, – помрачнел охотник.

– Скажи-ка мне, приятель, – опрокинул еще один кубок пойла в глотку Хумати, – чего тебе не сидится дома? Или проглотил в детстве кустик колючей травы и добрался он до нужного места, что присесть не дает? Так потужься и успо-

койся!

– Может, и проглотил, теперь уже не упомню, – пробурчал Кай, возвращая на пояс черный меч и неторопливо пристраивая туда же ножи. – И тужился бы, да надорваться боюсь. Каттими! Мы спешим!

– Уже иду! – донесся откуда-то сверху голос девчонки.

Спустившаяся по лестнице Каттими и в самом деле была покрыта с головы до ног паутиной и пылью. Вдобавок она успела поцарапать щеку и разорвать недавно зачиненную куртку. В руках у нее была высокая полусгнившая кетская корзина, накрытая обрывком мешковины.

– И что же ты присмотрела? – с усмешкой поинтересовался Хумати.

– Так, – она сморщила нос, – всякую ерунду. На мой взгляд, конечно, так весьма приличную ерунду. Но вспомни о том, что ты получаешь взамен покрытой пылью ерунды! Да, там, на этом самом сукне. Два меча, два кинжала, два ручных ножа и редкую коллекцию метательных ножей. Не так ли?

– Похоже на то, – хмыкнул Хумати.

– Ну тогда вот.

Каттими сняла с корзины мешковину и поочередно выложила на стол следующее. Малый стальной, с костяными вставками, лук, три запасные тетивы к нему. Небольшой тул со стрелами к луку. Один поясной нож с полой рукоятью,

из которой девчонка тут же вытрясла тряпицу с собранными в нее иголками, шильцем, пуком дратвы, кусочком воска, несколькими сухожилиями и мотком прочных ниток. Две оловянные фляжки в войлочных чехлах. Два десятка крохотных, но весомых метательных ножей, состоящих из одних клинков. Оклеенные кожей стальные наручи. Чиненый жилет с гнездами под ножи. И наконец, что-то, напоминающее разломанный на куски меч, да не один. Друг за другом на кедровую столешницу легли рассохшиеся ножны от какого-то древнего хиланского клинка, длинная костяная рукоять, утяжеленная литым навершием, бронзовая, со стальным ребром, гарда, эфес с обломком клинка. Отдельно зашуршало что-то длинное и грязное.

– Это все? – растерянно пробормотал Хумати.

– Почти, – чихнула Каттими. – Еще хотелось бы наполнить обе фляжки этой чудесной кетской огненной водой, да еще Кай обещал мне купить сапожки, порты, рубаху, куртку, колпак и кафтан. Но это, наверное, уже не здесь…

– Ты хорошо устроилась, – натянуто улыбнулся Хумати.

– А девчонка-то любит копаться в железном хламе почище тебя, братец, – почесал затылок Шарни. – Домовитая!

– Да… – Хумати стянул колпак, снова плеснул в кубок пойла, отправил его той же дорогой, после чего удивленно растрепал на голове редкие волосы. – Ну ладно, лук, наручи, стрелы, фляжки, ножи – это все со второго яруса. Эти обломки, скорее всего, из лома, что на третьем, в Пустоту

они тебе сдались… Но вот это что за грязь ты положила на благородный кетский кедр, неразумная?

– Грязь? – вытаращила глаза Каттими. – Да это отличный меч! Ну правда, без рукояти и без ножен. Но я тут, как видишь, подобрала кое-что на замену. Наверху, кстати, много ненужных обломков. Лом не лом, а в дело пойдут. Да, нашла и несколько кусков приличного вара, и неплохой камешек для правки, так что будет у меня меч ничем не хуже черного меча охотника.

– Кай! Это ты ее хотел приставить к иголке и челноку? – повернулся к охотнику Шарни.

– Подожди! – Щеки Хумати покраснели. – Где ты видишь меч, девочка?! Ты копалась в корзинах третьего яруса, что стояли справа? Так вот я сообщаю тебе, что согласно описи по правую сторону от лестницы лежит оружие, попавшее вместе с его хозяевами в брюхо пустотных тварей. Причем попавшее туда не три года назад, а сто тринадцать лет назад! А может быть, и того раньше! Оно ни на что не годно! Это просто порция ржавчины и ничего больше! Металл съеден пустотной кровью!

– Так оно и есть, – согласилась Каттими. – Во всех корзинах и в самом деле только ржавчина и пыль. Кроме одной, в которой лежал этот меч. И мне пришлось добираться до той корзины на противоположную сторону галереи. Там и доски едва живы, им лет двести. И корзина давно сгнила, и меч лежал на полу в куче ржавчины. Да, его рукоять рассыпалась…

его ножны рассыпались. Но сам клинок цел!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.